

**Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Мельниченко Николай Николаевич

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
НАСЛЕДИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ, ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ**

Специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:

доктор юридических наук, профессор
Прохорова Марина Леонидовна

Краснодар, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
1 Социально-правовая обусловленность уголовно-правовой охраны археологического наследия	15
1.1 Социальная значимость объектов археологического наследия как составной части культурного наследия народов Российской Федерации и необходимость их уголовно-правовой охраны	15
1.2 Международно-правовые основания криминализации посягательств на сохранность объектов археологического наследия	25
2 Ответственность за преступления, посягающие на сохранность объектов археологического наследия: компаративистские аспекты	36
2.1 Исторический анализ отечественного уголовного законодательства об ответственности за посягательства на сохранность объектов археологического наследия.....	36
2.2 Уголовная ответственность за преступления против сохранности археологического наследия в зарубежном законодательстве	55
3 Преступления, посягающие на сохранность объектов археологического наследия (ст. ст. 164, 190, 226 ¹ , 243, 243 ¹ , 243 ² , 243 ³ УК РФ): уголовно-правовой анализ, перспективы совершенствования законодательного описания их составов	68
3.1 Преступления против сохранности археологического наследия: понятие, предмет как консолидирующий их признак и система	68
3.2 Объект преступлений, посягающих на сохранность археологического наследия.....	88
3.3 Объективная сторона посягательств на сохранность объектов археологического наследия	106
3.4 Субъективные признаки посягательств на сохранность объектов археологического наследия.....	140
3.5 Квалифицированные виды посягательств на сохранность объектов археологического наследия.....	151
Заключение.....	171
Список использованных источников	179
Приложения	215

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Объекты археологического наследия как неотъемлемая часть культурных ценностей народов Российской Федерации играют важную роль в обеспечении надлежащего духовного состояния и развития социума. Они создают фундамент национального суверенитета, формируют и укрепляют духовное единство народов, населяющих Россию. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации отмечается, что в круг наиболее значимых национальных интересов входит укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России (пп. 7) п. 25)¹.

Территория России благодаря насыщенной истории, разнообразию культур народов, ее населявших, представляет собой обширный полигон для археологических и научных открытий. По количеству объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО Россия занимает девятое место в мире². Более 100 млн. культурных ценностей хранятся в 2,5 тыс. музеев России³, что формирует задачу обеспечения их сохранности и защиты от противоправных посягательств.

Все это требует формирования такой правовой системы, при которой охрана всех культурных ценностей будет носить комплексный и эффективный характер. Данный вопрос актуализируется в связи с тем, что в сфере нелегального оборота культурных ценностей в геометрической прогрессии развивается преступный бизнес. Криминальный рынок культурных ценностей определяется оборотом порядка 1 млрд. долл. в год. Только в России были безвозвратно потеряны объекты культурного наследия в объеме более 80 % допетровской эпохи⁴.

Вместе с тем данные о судимости за посягательства на сохранность куль-

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

² Список объектов всемирного наследия Юнеско в России. URL: moiarussia.ru/spisok.vsemirnogo-naslediya-yunesko (дата обращения: 05.12.2021 г.).

³ См.: Сабитов Т.Р. Охрана культурных ценностей: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2002. С. 9.

⁴ См.: Предеина Л.В. Уголовно-правовые меры обеспечения национальной безопасности по возвращению культурных ценностей в Россию // Актуальные проблемы правового обеспечения национальной безопасности в России: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Л.Н. Чертова, О.И. Филонова. Курган, 2019. С. 162.

турного, в том числе археологического, наследия выглядят более чем скромно. Так, в 2016 г. число осужденных за указанные посягательства составило 34 человека (по ч. 1 ст. 164 УК РФ – 13, по ч. 2 ст. 164 УК РФ – 6; по ч. 1 ст. 243 УК РФ – 4, по ч. 2 ст. 243 УК РФ – 1; по ч. 3 ст. 243² УК РФ – 10). В 2017 г. общее число осужденных за преступления, посягающие на объекты культурного, включая археологическое, наследия, уменьшилось и составило 21 человек (по ч. 1 ст. 164 УК РФ – 10, по ч. 2 ст. 164 УК РФ – 7; по ч. 1 ст. 243 УК РФ – 3; по ч. 3 ст. 243² УК РФ – 1). В 2018 г. количество осужденных за названные деяния составило: по ч. 1 ст. 164 УК РФ – 2 человека (по ч. 2 осужденных не было); по ст. 190 УК РФ – 0; по ст. 243 УК РФ: по ч. 1 осуждено 4, по ч. 2 – 3; по ст. 243¹ УК РФ – 0; по ст. 243² УК РФ – 6 (ч. 3); по ст. 243³ УК РФ по ч. 1 осужден один, по ч. 3 – 6 человек. В 2019 г. число осужденных за указанные посягательства составило: по ст. 164 УК РФ – 7 (ч. 1) и 13 (ч. 2); по ст. 190 УК РФ – 0; по ст. 243 УК РФ: по ч. 1 – 4, по ч. 2 – 3; по ст. 243¹ УК РФ – 0; по ст. 243² УК РФ: по ч. 2 – 1, по ч. 3 – 7 человек; по ст. 243³ УК РФ – 0. В 2020 г. сложилась следующая статистическая картина: всего за рассматриваемые деяния осуждено 15 человек, в том числе по ч. 1 ст. 164 УК РФ – 4, по ч. 2 ст. 164 УК РФ – 2, по ст. 243 УК РФ: по ч. 1 – 7, по ч. 2 – 1, по ч. 3 ст. 243² УК РФ – 1. В первом полугодии 2021 г. за указанные посягательства осуждено 16 человек: 4 – по ч. 2 ст. 164 УК РФ, 2 – по ч. 1 и 1 – по ч. 2 ст. 243 УК РФ, 9 – по ч. 3 ст. 243³ УК РФ¹.

Приведенные данные позволяют констатировать, что наблюдается снижение, в целом, числа осужденных за посягательства на сохранность объектов культурного, включая археологическое, наследия, хотя в первом полугодии 2021 г. осужденных на одного больше, чем за весь 2020 г. Однако думается, что данные цифры не в полной мере отражают истинную картину, поскольку посягательства, предметом которых выступают указанные объекты, обладают высоким уровнем латентности, в последнее время они приобрели организованные

¹ См.: Форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» за 2016, 2017, 2018, 2019, 2020 гг., 1-ое полугодие 2021 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения – 20.02.2022 г.).

формы, эта деятельность имеет аффилированность с властными структурами, что позволяет виновным уходить от наказания. Вместе с тем обоснованность криминализации соответствующих деяний сомнений не вызывает. Она predetermined значимостью для развития социума сохранения культурного, в том числе археологического, наследия, предупредительной ролью, которой обладают уголовно-правовые запреты, международно-правовыми требованиями в указанной области, отечественными историческими традициями в сфере формирования уголовного законодательства, во все практически периоды своей эволюции содержащего положения, касающиеся защиты названных ценностей.

Таким образом, объективно сложившаяся ситуация требует формирования и реализации целостной системы уголовно-правовой охраны объектов археологического наследия. Осознавая это, законодатель стремится оптимизировать систему норм, закрепляющих уголовную ответственность за посягательства на их сохранность. Так, в 2013 г. Уголовный кодекс РФ был дополнен тремя новыми статьями – ст. 243¹, 243², 243³. Однако комплексной конструктивной теоретической разработки содержания составов преступлений, ими предусмотренных, до сих пор осуществлено не было. Кроме того, в УК РФ нормы, устанавливающие ответственность за посягательства на сохранность объектов археологического наследия, разрознены по различным главам и разделам; бессистемностью отличается используемая в них терминология, требует дальнейшей оптимизации процесс дифференциации уголовной ответственности за указанные деяния.

В теории отечественного уголовного права системному анализу подверглись вопросы уголовно-правовой охраны культурных ценностей от хищений, контрабанды, уничтожения и повреждения. Вместе с тем на монографическом уровне комплексные исследования в области защиты от преступных посягательств именно объектов археологического наследия до сих пор представлены не были.

Сказанное отчетливо свидетельствует об актуальности и востребованности исследования теоретико-прикладных аспектов уголовно-правовой охраны объектов археологического наследия от преступных посягательств, особенно на фоне упомянутых изменений уголовного закона, а также глубокой теоретиче-

ской разработки соответствующих положений.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. Проблемы уголовной ответственности, криминологические, уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты посягательств на культурные ценности, в том числе объекты археологического наследия, рассматривались А.В. Ашурковым, В.В. Братановым, В.В. Вершковым, Д.В. Васильевым, Б.В. Волженкиным, А.В. Гайдашевым, В.А. Гусак, О.В. Давлетшиной, К.А. Дикановым, Д.П. Довгим, Е.В. Демянчук, В.А. Жбанковым, Я.С. Калининской, Л.В. Клебановым, С.Ю. Ивановой, Е.А. Лучиной, Н.А. Лопашенко, А.А. Луговым, И.А. Мартыненко, О.С. Мартышовой, В.П. Марущаком, Е.В. Медведевым, В.И. Михайловым, В.В. Мытаревым, В.Л. Нарышкиным, С.А. Овчинниковой, В.М. Первушиным, С.А. Придановым, Е.Н. Прониной, Ю.Ю. Ткачевым, А.П. Резваном, Л.Ф. Рогатых, И.А. Романовым, Г.А. Русановым, Т.Р. Сабитовым, А.В. Скачко, А.П. Сергеевым, А.С. Сенцовым, П.Н. Смоляковым, Ю.И. Сучковым, В.М. Сырых, М.В. Талан, А.В. Федоровым, С.А. Фомичевым, Е.Б. Хабаровым, И.А. Халиковым, А.И. Чудиновым, А.И. Чучаевым, И.В. Шишко, С.П. Яковлевым и иными авторами.

Вопросы уголовной ответственности за хищение предметов, имеющих особую ценность, исследовались в работах И.Б. Афолина, З.О. Ашитова, К.Ж. Балтабаева, М.М. Богуславского, Г.Н. Борзенкова, И.Ш. Борчашвили, М.В. Васильевой, Л.Н. Галенской, В.Г. Горбачева, А.И. Гурова, З.Г. Дербок, У.С. Джекебаева, А.И. Долговой, А.Э. Жалинского, А.Т. Жукенова, Г.Т. Кабанова, Я.С. Калининской, Е.И. Каиржанова, М.Ч. Когамова, С.М. Кочои, Ю.И. Ляпунова, Ю.П. Марданова, П.С. Матышевского, Г.С. Мауленова, Е.В. Медведева, В.А. Михальцевича, А.С. Михлина, А.К. Мукашева, А.В. Наумова, В.М. Первушина, П.Г. Пономарева, С.А. Приданова, В.Г. Растопчина, С.М. Рахметова, А.П. Резвана, И.И. Рогова, Т.Р. Сабитова, И.В. Савельевой, А.П. Сергеева, В.Н. Тищенко, К.Ш. Уканова, С.П. Щербы и др.

Вместе с тем комплексный анализ проблем уголовно-правовой охраны непосредственно объектов археологического наследия от преступных посягательств остался без должного внимания российских ученых-правоведов, полу-

чив лишь фрагментарное воплощение в учебной литературе и научных статьях отдельных авторов – С.Л. Баграмяна, Е.В. Кобзевой, А.Н. Панфилова, А.В. Петрова, И.А. Халикова и некоторых иных, что служит еще одним подтверждением актуальности и значимости соответствующего исследования.

Цель исследования – создание совокупности новых теоретических положений, дополняющих и развивающих доктринальное учение об уголовно-правовом противодействии посягательствам на сохранность объектов археологического наследия, и формирование на этой базе, а также на основе сравнительно-правового анализа источников отечественного и зарубежного права и обобщения правоприменительной практики выводов и предложений, направленных на оптимизацию уголовно-правовой охраны указанных объектов.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

а) осуществить историко-правовой анализ становления и развития законодательных положений о защите культурных ценностей в России;

б) определить семантическое и уголовно-правовое содержание терминов «культурные ценности», «культурное наследие», «объекты археологического наследия», «уничтожение», «повреждение», «археологическая находка» и т.п.;

в) изучить юридические признаки посягательств на сохранность объектов археологического наследия (ст. ст. 164, 190, 226¹, 243, 243¹, 243², 243³ УК РФ);

г) провести анализ международно-правовых источников в области обеспечения сохранности объектов археологического наследия;

д) обобщить опыт уголовно-правовой регламентации ответственности за посягательства на объекты археологического наследия в законодательстве ряда стран Западной Европы, США и отдельных государств постсоветского пространства с выявлением положений, представляющих интерес в ракурсе дальнейшего совершенствования отечественного уголовного закона;

е) выработать научно обоснованные рекомендации по оптимизации закрепления в законе признаков основных и квалифицированных составов преступлений, представляющих собой посягательства на сохранность объектов археологического наследия, а равно практики применения уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за указанные деяния.

Методология исследования базируется на использовании комплекса приемов научного познания, система которых включает как известные общенаучные, так и частно-научные методы: формально-логический, формально-юридический, структурного анализа, сравнительно-правовой, статистико-правовой, социологический, исследование документов и пр.

Научная новизна диссертации обусловлена комплексным характером исследования посягательств на сохранность объектов археологического наследия. Монографическое рассмотрение указанных преступлений в системном аспекте выполнено в уголовно-правовой доктрине впервые. В диссертации последовательно осуществлено изучение юридических признаков названных посягательств сообразно процессу исторического становления, развития и нынешнего содержания соответствующих законодательных установлений с формулированием совокупности выводов. Результаты такого рассмотрения, а также итоги проведенного системного анализа необходимых положений международно-правовых актов и зарубежного опыта регламентации уголовной ответственности за посягательства на сохранность объектов археологического наследия позволили сформулировать предложения по совершению действующих установлений УК РФ, поставить вопрос о дополнении уголовного закона новой статей (ст. 164¹ – «Нарушение законного порядка приобретения права собственности или законного владения имуществом, не связанное с его хищением, совершенное свойственными последнему способами»), а равно об объединении всех посягательств на культурные ценности в гл. 25¹ – «Преступления в сфере обеспечения сохранности культурных ценностей» с формирования авторской модели ее содержания. Осуществленный системный анализ соответствующих положений отечественной уголовно-правовой доктрины явился основой для разработки предложений по оптимизации процесса дифференциации уголовной ответственности за посягательства на сохранность объектов археологического наследия.

В диссертации впервые или в авторском ракурсе решены следующие вопросы, имеющие доктринальное либо прикладное значение:

- выявлены тенденции исторического развития уголовно-правовой защиты в России культурных ценностей в целом и объектов археологического наследия – в частности;
- осуществлена систематизация названных посягательств;
- сформулирована дефиниция системы преступлений, посягающих на сохранность объектов археологического наследия;
- показана целесообразность закрепления в уголовном законе единой терминологии «культурные ценности»;
- предложен унифицированный подход и дано авторское толкование категорий «повреждение», «осквернение», «уничтожение» применительно к посягательствам на сохранность объектов археологического наследия;
- обоснована необходимость унификации и систематизации квалифицирующих признаков указанных преступлений;
- установлена целесообразность дифференциации уголовной ответственности за хищение объектов археологического наследия в зависимости от их формы;
- обоснована необходимость криминализации не только уничтожения и повреждения культурных ценностей, но и их осквернения.

Научная новизна диссертации находит выражение и в **положениях, выносимых на защиту:**

1. Предложена периодизация становления и развития института уголовной ответственности за посягательства на сохранность объектов археологического наследия с выделением пяти этапов: 1) *Зарождение* уголовно-правовой охраны объектов археологического наследия (X-XVII в.). 2) *Развитие* уголовно-правовой охраны объектов культурного, в том числе археологического, наследия (конец XVII – начало XX в.). 3) *Регресс* в развитии правовой регламентации уголовной ответственности за посягательства на сохранность объектов культурного, в том числе археологического, наследия в первой половине XX в. (после октябрьских событий 1917 г.). 4) *Становление* системы советского законодательства об охране объектов археологического наследия (середина XX в. – 80-е

г. XX в.). 5) *Оптимизация* уголовно-правовой охраны объектов культурного, в том числе археологического, наследия (90-е гг. XX в. – начало XXI в.).

2. Результаты компаративистского изучения опыта криминализации посягательств на сохранность объектов археологического наследия в зарубежном уголовном законодательстве позволили разработать рекомендации по имплементации ряда содержащихся в нем положений в УК РФ (криминализация осквернения памятника археологического наследия; дифференциация ответственности в зависимости от способа совершения преступления – путем поджога, взрыва, иным общеопасным способом; в зависимости от содержания субъективной стороны – по мотивам расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды).

3. Под системой преступлений, посягающих на сохранность объектов археологического наследия, следует понимать совокупность виновно совершаемых общественно опасных деяний, объединенных общим предметом посягательства, причиняющих вред общественным отношениям, складывающимся в сфере обеспечения сохранности, охраны и использования частично или полностью скрытых в земле или под водой следов существования человека в прошлых эпохах (включая все связанные с такими следами археологические предметы и культурные слои), основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки, а также нарушающие установленные в Российской Федерации правила гражданско-правового оборота, поиска и изъятия, легализации фактов обнаружения, обеспечения режима сохранности и использования в научных и просветительских целях археологических объектов, запрещенных уголовным законом под угрозой наказания.

4. Систему посягательств на сохранность объектов археологического наследия образуют: 1) посягательства, связанные с нарушением установленного законом порядка владения и пользования объектами археологического наследия (ст. ст. 164, 190, 226¹, 243¹ УК РФ); 2) посягательства, связанные с нарушением установленного порядка обеспечения физической сохранности объектов археологического наследия (ст. ст. 243, 243¹ УК РФ); 3) посягательства, связанные с нарушением установленного порядка поиска и изъятия объектов археологиче-

ского наследия (ст. ст. 243², 243³ УК РФ).

5. Совокупность признаков предмета преступных посягательств на сохранность объектов археологического наследия включает в себя следующие их свойства: 1) это движимые и недвижимые «вещи»; 2) древние (созданные не менее 100 лет назад); 3) уникальные (представляющие ценность для истории и культуры народов России); 4) являются объектами материального мира, в которых овеществлен труд человека; 5) принадлежат на праве собственности исключительно государству; 6) обнаружены в ходе запланированных раскопок или в результате археологической находки под землей или под водой.

6. Предложения по оптимизации положений Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»: 1) уточнение дефиниций «объект археологического наследия»; «археологический предмет»; «культурный слой», «культурные ценности»; 2) закрепление понятия «археологическая находка».

7. Авторское толкование категории «общественная безопасность» как сложившейся системы обеспечения нормального поступательного и устойчивого развития социальных институтов, базирующегося на законодательстве, нормах морали и нравственности.

8. Дополнительно обоснован вывод о необходимости объединения всех посягательств на культурные ценности в рамках гл. 25¹ – «Преступления в сфере обеспечения сохранности культурных ценностей».

9. Предложения по оптимизации описания в УК РФ признаков составов преступлений, посягающих на сохранность объектов археологического наследия, систематизации этих деяний и дифференциации ответственности за них (ст. ст. 164, 190, 226¹, 243, 243¹, 243², 243³ УК РФ): 1) перемещение предусматривающих их норм в гл. 25¹ УК РФ с присвоением соответствующих номеров; 2) криминализация осквернения культурных ценностей в рамках ст. 243 УК РФ; 3) криминализация в отдельной норме незаконного завладения имуществом, не связанного с его хищением, совершенного свойственными последнему способами (ст. 164¹ УК РФ), с включением его и в перечень деяний, наказуемых

в соответствии со ст. 164 УК РФ, с одновременным изменением ее названия: «Хищение и иные нарушения законного порядка приобретения культурных ценностей»; 4) осуществление в рамках ст. 164 УК РФ дифференциации ответственности за ненасильственный грабеж, грабеж, сопряженный с насилием, и разбой при хищении объектов археологического наследия; 5) установление уголовной ответственности в различных частях ст. 243 УК РФ за уничтожение и повреждение объектов археологического наследия; 6) совершенствование системы квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков указанных преступлений.

10. На основе анализа признаков составов преступлений, посягающих на сохранность объектов археологического наследия, отраженных в УК РФ подходов к дифференциации ответственности за них, зарубежного законодательного опыта разработаны скорректированные редакции ст. 164, 190, 226¹, 243, 243¹, 243², 243³ УК РФ (в авторской модели гл. 25¹ УК РФ – ст. 245¹ – 245⁶).

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что содержащиеся в нем положения и выводы способствуют дальнейшему развитию отечественной уголовно-правовой доктрины в соответствующей ее части; его результаты могут быть положены в основу дальнейших научных изысканий по означенной в диссертации проблематике.

Сформулированные в диссертации дефиниции («культурные ценности», «объекты археологического наследия», «археологический предмет») и предлагаемое к нормативному закреплению понятие «археологическая находка» могут быть использованы при совершенствовании положений Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Разработанные соискателем направления оптимизации содержания ст. 164, 190, 226¹, 243, 243¹, 243², 243³ УК РФ, предложение о дополнении уголовного закона новой нормой (ст. 164¹ УК РФ) могут быть учтены в процессе совершенствования уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за названные деяния.

Обоснованные в диссертации выводы и рекомендации, касающиеся квалификации соответствующих преступлений и понимания ряда категорий, ис-

пользованных в законе, могут быть приняты во внимание Верховным Судом РФ при подготовке разъяснений по вопросам применения ранее указанных норм, в деятельности судебно-следственных органов в процессе квалификации посягательств на сохранность объектов археологического наследия.

Положения диссертации могут быть использованы в учебном процессе при преподавании уголовно-правовых дисциплин.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. *Достоверность результатов диссертационного исследования* обеспечена, *во-первых*, использованием совокупности общенаучных и частно-научных **методов познания**. *Во-вторых*, обширной **нормативной базой**: осуществлен анализ широкого круга международно-правовых документов, нормативных правовых актов РФ (Конституция Российской Федерации, Уголовный, Гражданский, Земельный кодексы РФ, ряд иных Федеральных законов и нормативных правовых актов); уголовного законодательства 12 зарубежных государств (Великобритании, Болгарии, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Италии, Испании, Литвы, ФРГ, Франции, Эстонии, США). *В-третьих*, исследованием монографических источников в области уголовного права, социологии и некоторых иных наук. **Теоретической основой** исследования стали труды таких авторов, как Е. Александров, И.Б. Афонин, А.И. Бойцов, В.В. Братанов, Р.Б. Булатов, В.В. Вершков, А.В. Гайдашов, О.В. Давлетшина, Т.А. Диканова, Д.П. Довгий, Я.С. Калининская, С.М. Кочои, Е.А. Лачина, Н.А. Лопашенко, В.И. Михайлов, С.А. Приданов, А.П. Резван, Г.А. Русанов, Т.Р. Сабитов, А.С. Сенцов, А.П. Севрюков, Ю.Ю. Ткачев, С.А. Фомичев, И.А. Халиков, А.И. Чудинов, С.П. Щерба и ряда иных. *В-четвертых*, **эмпирической базой** диссертации, которую составили постановления Пленума Верховного Суда РФ; статистические данные о посягательствах на сохранность культурных ценностей за период с 2016 г. по 1 полугодие 2021 г.; результаты изучения опубликованной судебной практики Верховного Суда РФ и федеральных судов ряда регионов России, в том числе Краснодарского края, Ростовской области (всего изучено 110 уголовных дел) и проведенного соискателем опроса 55 мировых и федеральных судей, 40 следователей и 20 сотрудников таможни.

Апробация результатов исследования. Основные теоретические положения, выводы, предложения по совершенствованию уголовного законодательства в соответствующей его части, по оптимизации процесса его применения, содержащиеся в работе, изложены в 11 научных статьях автора (в том числе в 5, опубликованных в изданиях, включенных в перечень ВАК). Они обсуждались на кафедре уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, на которой подготовлена диссертация, на VII и VIII Международных научно-практических конференциях «Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально значимых интересов» (Краснодар, КСЭИ, 20.04.2018 г.; 18.04.2019 г.), на Международных научно-практических конференциях «Уголовная политика и культура противодействия преступности» (Краснодар, КрУ МВД РФ, 21.09.2018 г. и 11.09.2020 г.), на Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.)» (Краснодар, КубГУ, 28-29 мая 2021 г.).

Результаты проведенного исследования внедрены в учебный процесс, а также в правоприменительную деятельность, что подтверждается актами о внедрении.

Структура диссертации predetermined целями и задачами исследования и включает введение, три главы, объединяющие 9 параграфов, заключение, список использованных источников и приложения.

1 Социально-правовая обусловленность уголовно-правовой охраны археологического наследия

1.1 Социальная значимость объектов археологического наследия как составной части культурного наследия народов Российской Федерации и необходимость их уголовно-правовой охраны

Археологическое наследие – важная составляющая национальной идентичности любого народа, хранитель его истории. Преступные посягательства на данные объекты обладают высокой степенью общественной опасности, поскольку причиняют как моральный, так и материальный вред, причем первый является в данном случае более существенным и невозполнимым. Право на доступ к культурным ценностям в научных источниках справедливо отнесено к основополагающим конституционным правам человека¹.

Наука обеспечивает атрибуцию памятника археологии, но его значение в общенациональном или мировом масштабе определяется совсем другими факторами – идеологическими или политическими². Значение открытий, осуществленных на основе археологических исследований, трудно переоценить как для отдельных наций и народов, так и для всего мирового сообщества. В литературе справедливо отмечается, что памятники археологии в современном обществе играют большую роль для культурной и политической интеграции государства. Одной из первоочередных обязанностей государства и многонационального народа Российской Федерации выступает сохранение и преумножение совокупности культурных ценностей в интересах настоящего и будущего поколений³. Территория России традиционно богата артефактами прошлых времен. Однако они находятся под угрозой полного уничтожения, поскольку по экспертным

¹ См.: Лавров В.В., Халиков И.А. Конституционно-правовые основы охраны объектов культурного наследия в Российской Федерации // Криминалист. 2019. № 2 (27). С. 70.

² Загорулько А.В. Археологическое наследие среди объектов всемирного наследия ЮНЕСКО (на примере памятника «БОЛОТА КУК», Папуа-Новая Гвинея) // Журнал института наследия. 2015. № 1. С. 2.

³ Калининская Я.С. Уголовная ответственность за уничтожение или повреждение памятников истории и культуры: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 4.

оценкам ежегодно на территории РФ уничтожается порядка 500 объектов археологического и культурного наследия. Только за десятилетие с 2004 по 2014 гг. потери составили более 5500 объектов культурного наследия¹.

Согласно информации МВД РФ, по состоянию на 11 декабря 2019 г. на территории РФ похищенными числилось более 77 тыс. предметов, имеющих культурную ценность. Наиболее «востребованными» у злоумышленников оказались иконы: их в течение года похитили около 45 тыс., или почти 60% от общего списка. На втором месте значится более 11 тыс. пропавших монет и денежных знаков². В стране насчитывается десятки тысяч «чёрных копателей»³, причиняющих невосполнимый ущерб культурному наследию. Распределение объектов археологического наследия по территории России неоднородно, что обусловлено историческими, этнокультурными и иными причинами. Наибольшее их число, по последним экспертным оценкам, приходится на такие регионы, как Республика Хакасия (97,34 %); Ханты-Мансийский автономный округ (Югра) (92,51 %); Республика Тыва (91,70 %); Республика Алтай (88,57 %); Ростовская область (85,75 %)⁴. В общей сложности на региональном учете в реестре объектов археологического наследия состоит 75131 объект⁵. Внушительный их объем выявлен и внесен в государственный реестр на территории РФ в целом –132834. Приведенные данные свидетельствуют о необходимости правовой регламентации правоотношений в сфере оборота и охраны этих объектов.

Важным направлением урегулирования названных отношений выступает систематизация сведений о числе, месторасположении названных объектов. В этих целях с 1991 г. в РФ реализуется научная программа «Археологическая

¹ Официальный сайт Министерства культуры Российской Федерации. URL: <http://mkrf.ru/news/interview/detail.php?ID=64800>; Доклад о состоянии гражданского общества за 2014 г.: утв. на пленарном заседании Общественной палаты Российской Федерации. URL: https://www.oprf.ru/files/oprf_dokladsociety_a4_12-2014_184p_rus_black_cor_4_preview_postr.pdf (дата обращения: 10 марта 2018 г.)

² Российская газета. 2020. 07 января.

³ Новгородский историк: «Черные копатели» чувствуют себя безнаказанно. URL: <https://news.novgorod.ru/news/109128.html> (дата обращения: 10 марта 2020 г.).

⁴ Энговатова А.В. Охранение археологического наследия в России: современное состояние // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. № 3. Т. 12. С. 32.

⁵ См.: Там же.

карта России». В ней впервые в сжатой форме представлены важнейшие сведения обо всех выявленных археологических памятниках. С 1992 по 2012 г. вышли из печати 28 томов серии АКР по Брянской, Владимирской, Ивановской, Калужской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Орловской, Рязанской, Смоленской, Тверской, Тульской и Ярославской областям, в которых представлена информация о 23033 памятниках археологии¹. Формирование полной и достоверной информации о выявленных объектах археологического наследия – важное направление обеспечения их сохранности, научного изучения и систематизации. В этих целях в стране подготовлена «Археологическая карта России». Вместе с тем актуальным остается вопрос о доступности сведений, содержащихся в ней, поскольку они могут быть использованы в преступных целях для осуществления несанкционированных раскопок либо разграбления «черными копателями». Последние образуют основную угрозу сохранности археологического наследия России, поскольку своими грабительскими действиями наносят существенный урон, а зачастую и полностью уничтожают уникальные артефакты. Их не интересует историко-художественная ценность археологического объекта, как правило, их цель – изъятие предметов, обладающих высокой рыночной стоимостью (бронзовые, серебряные или золотые предметы старины)². Следы грабительских раскопок зафиксированы во многих регионах. Однако, по данным, представленным органами охраны памятников, около половины субъектов РФ не имеют сведений о грабительских раскопках на их территории³. Обращают на этот факт внимание и ученые-юристы. Так, Я.С. Калининская отмечает, что ежегодно возрастает количество преступных посягательств на культурные ценности⁴. По оценкам ученых и независимых экспертов, в России за десятилетие было утрачено более 5500 объектов культурного наследия и культурных ценностей⁵. В другом исследовании отмечается, что «многочислен-

¹ См.: Археологическая карта России / ред. Ю.А. Краснов. В 26 т. М.: Институт археологии РАН. 1992-2011.

² См.: Энговатова А.В. Указ. соч. С. 32.

³ См.: Там же. С. 33.

⁴ См.: Калининская Я. С. Указ. соч. С. 5.

⁵ Официальный сайт Министерства культуры РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mkrf.ru/news/interview/detail.php?ID=64800>; Доклад о состоянии гражданского

ные факты разрушения или повреждения памятников истории и культуры, культурных ценностей происходят и по иным причинам: в целях завладения земельными участками, на которых они расположены; для перевода объектов культурного наследия с помощью коррумпированных чиновников в аффилированные с ними офшорные компании; по причине рейдерских захватов»¹.

Приведенные аргументы беспрецедентно свидетельствуют об актуальности проблемы создания правовых, организационных и технических основ охраны объектов археологического наследия в стране. Значимость памятников архитектурного наследия для российской государственности обуславливает вопрос о необходимости, в том числе, их уголовно-правовой охраны.

Важным методом уголовно-правовой политики выступает криминализация деяний, являющая собой один из юридико-технических приемов, используемых законодателем в правотворческой деятельности². Суть криминализации выражается в выявлении целесообразности установления уголовной ответственности за совершение тех или иных деяний и включение их в систему уголовного закона³.

Криминализация в реалиях современного общества должна базироваться на научных основах и принципах, охватывать собой лишь действительно наиболее общественно опасные деяния, противодействие которым не может быть эффективным вне уголовного закона. В отечественной правовой доктрине сложилось унифицированное понимание того, что в качестве главного основания криминализации деяния выступает его общественная опасность⁴. В Стратегии

общества за 2014 год: утв. на пленарном заседании Общественной палаты Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.oprf.ru/files/oprf_dokladsociety_a4_12-2014_184p_rus_blok_corr_4_preview_postr.pdf (дата обращения: 28.03.2019 г.).

¹ Мартышева О.М. Уголовная ответственность за уничтожение или повреждение объектов культурного наследия и культурных ценностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015. С. 5.

² Кузнецов А.П. Криминализация – декриминализация, пенализация – депенализация как содержание уголовной политики // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 1 (35). С. 15.

³ См.: Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1987. С. 59; Кудрявцев В.Н. Криминализация: оптимальные модели // Уголовное право в борьбе с преступностью. М., 1981. С. 6.

⁴ См.: Бавсун М.В. Целесообразность в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002; Дагель П.С. Условия установления уголовной наказуемости // Правоведе-

национальной безопасности РФ указано, что важнейшая задача государства – сохранение, в том числе, материального культурного наследия российского народа (пп. 8) п. 93).

Рассматривая вопрос критериев криминализации, П.А. Фефелов отмечал: «Для отнесения законодателем тех или иных деяний к числу преступных решающим является их общественная опасность»¹. Созвучную точку зрения высказывал и И.М. Гальперин, включая последнюю в число основополагающих критериев криминализации². Определяющую роль общественной опасности деяния для криминализации признавали в своих исследованиях и другие отечественные авторы³. Общественная опасность – это такое свойство деяния, которое определяет его «исключительную» вредоносность для общества и обуславливает объективную необходимость применения мер наиболее жесткого государственно принуждения посредством установления уголовно-правового запрета. Аналогичный подход поддержан и другими российскими учеными⁴.

Обращаясь к проблеме криминализации посягательств на сохранность археологического наследия России, также нельзя обойти стороной вопрос об их общественной опасности. В силу специфики объекта и предмета указанных деяний это основание криминализации наиболее полно раскрывается сквозь призму экономического и социального критериев, поскольку в количественном выра-

ние. 1975. №4. С. 67-70; Кудрявцев В.Н. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация. М., 1982; Курляндский В.И. Уголовная политика, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975. С.81; Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М., 2009; Пермяков Ю.Е. Категория «общественная опасность» в советском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1989; Тоболкин П.С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск, 1983; Рагулина А.В. Общественная опасность как признак деяния и как признак преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII Междунар. науч.-практ. конф., 29-30 января 2015 г. М., 2015. С. 170-173 и др.

¹ См.: Фефёлов П.А. Критерии установления уголовной наказуемости деяний // Советское государство и право. 1970. №11. С. 101.

² Гальперин И.М. Уголовная политика и уголовное законодательство // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975. С. 8.

³ См.: Тоболкин П.С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск, 1983. С. 58; Лесников Г.Ю., Лопашенко Н.А. Энциклопедия уголовного права. СПб, 2005. Т. 1. С. 75; Кадников Н.Г., Кадников Б.Н., Коробец Б.Н. К вопросу о новеллах уголовного закона в свете теории криминализации и декриминализации // Общество и право. 2015. № 3 (53). С. 61 и др.

⁴ Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика. Владивосток, 1987. С. 69. См. также: Фефёлов П.А. Указ. соч. С. 51.

жении объем рассматриваемых преступлений незначителен в числе выявленных в РФ преступлений¹. Согласно данным официальной статистики, хищение предметов, имеющих особую ценность, в структуре зарегистрированных корыстных преступлений не достигает 1%². Тем не менее, недооценивать угрозу культурному наследию РФ нельзя. По данным экспертов, количество хищений предметов, имеющих особую ценность, из музеев и церквей в 2011 г. по сравнению с 1989 г. возросло в 12 раз, краж из частных домовладений и квартир – в 20 раз³. Что касается посягательств, связанных с незаконным поиском, изъятием и контрабандой предметов археологического наследия, то эта группа преступлений отличается крайне высоким уровнем латентности.

Судебная статистика свидетельствует, что доля осужденных за посягательства на сохранность объектов археологического наследия в РФ в общем количестве осужденных невелика и составляет порядка 0,006%. Ранее в работе приводились соответствующие статистические данные, упоминалось уже и о латентности рассматриваемых деяний.

На совещании по мерам поддержки археологической науки в 2013 г. Ю.С. Осипов, являвшийся в то время президентом РАН, отметил, что «...в стране большая беда – стремительно увеличивается отряд «чернокопателей». Разоряются совершенно уникальные вещи... Курганы почти все перекопали. И то, что в результате чернокопательства добывается, исчезает бесследно»⁴. Вывод о масштабах ущерба от деятельности «черных копателей» можно сделать на основе данных о том, что «сегодня в России насчитывается не более 4,5 тыс. ар-

¹ См.: Прохоров Л.А., Мельниченко Н.Н. К вопросу об общественной опасности посягательств на археологическое наследие России как основании их криминализации // Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально значимых интересов: материалы VII Международной научно-практической конференции (Краснодар, 20 апреля 2018 г.). Краснодар, 2018. С. 22-27.

² См.: Состояние преступности январь-декабрь 2019 г. // Официальный сайт МВД России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/19412450/> (дата обращения – 27.05.2020 г.).

³ См.: Жеребченко А.В., Афроськина И.Н. Хищение предметов, имеющих особую ценность: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. М., 2017. С. 22.

⁴ Незаконная деятельность черных копателей ставит под угрозу развитие отечественной археологии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://webground.su/topic/2010/08/07/t269> (дата обращения – 27.01.2018 г.).

хеологов, тогда как «чёрных копателей» десятки тысяч»¹.

Экономический аспект общественной опасности посягательств на сохранность археологического наследия РФ проявляется в том вреде, выраженном в материальном эквиваленте, который причиняется указанными деяниями. Так, только по ст. 164 УК РФ ежегодно совершается хищений на общую сумму около 200 млрд. руб.² В отчете Счетной палаты РФ за 2008 г. по результатам мониторинга условий, необходимых для хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций, были представлены сведения о том, что за предшествующие 15 лет в России украдено около 60 тыс. предметов старинного искусства примерной стоимостью 1 млрд. долл. США³. Ущерб от уничтожения древних курганов в ходе незаконных раскопок только одного предпринимателя был оценен в 66 млн. руб.⁴

Социальные аспекты общественной опасности посягательств на предметы археологического наследия РФ проявляются в том, что они наносят невосполнимый урон культурному достоянию страны, поскольку предмет данного преступления представлен уникальными, единичными и неповторимыми артефактами, произведениями искусства, науки и культурного наследия России. В этой связи справедливо утверждение Ю.А. Демидова о том, что оценка общественной опасности деяния должна включать «не только ущерб или угрозу его причинения объектам, охраняемым уголовным правом, но главным образом направленность деяния против основных социальных ценностей. Общественная опасность деяния состоит не только в том, что оно причиняет или может причинить вред, но прежде всего в том, что оно *посягает* на ценности ... общества... Чтобы уяснить общественную опасность, следует делать акцент ... на том, на

¹ Новгородский историк: «Черные копатели» чувствуют себя безнаказанно. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://news.novgorod.ru/news/109128.html> (дата обращения – 28.01.2018 г.).

² См.: Добровольский М. Почему народное достояние становится достоянием частных коллекционеров [Электронный ресурс] // Официальный сайт научного коллектива Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. Режим доступа: <https://rublev-museum.livejournal.com/63049.html> (дата обращения – 28.01.2018 г.).

³ Архангельская Е.В. Представление и обработка информации о преступлениях с помощью компьютерной техники. URL: <http://vuzirossii.ru/publ/> (дата обращения: 29.01.2018 г.).

⁴ Предприниматель и археолог заплатят 66 миллионов рублей за разрушение курганов // URL: <http://archeonews.ru/tag/chernye-kopateli/#> (дата обращения: 28.01.2018 г.).

какие социальные ценности по самой своей сути посягает деяние»¹. Объекты археологического наследия играют особую роль в организации связи поколений, формирования устойчивой самоидентификации наций и народов, обеспечивают достоверность толкования истории, не позволяя исказить ее. Именно археологические артефакты укрепляют культурные основы социума, формируют фундамент научного познания и развития исследовательских начал у молодых ученых. В этом смысле духовно-культурная и научная значимость предметов рассматриваемых посягательств (ст. 164, 190, 226¹, 243, 243¹, 243², 243³ УК РФ) в большей мере предопределяет их общественную опасность, нежели материальная оценка последствий их совершения. Соответственно, законодатель совершенно справедливо и обоснованно осуществил криминализацию указанных деяний в специальных нормах.

По справедливому утверждению Г.А. Русанова, «специфика предмета контрабанды культурных ценностей в своей основе связана с содержанием дополнительного непосредственного объекта данного посягательства, под которым предлагается понимать общественные отношения, обеспечивающие право гражданина на осуществление его культурных прав, предусмотренных Конституцией РФ»². Кроме того, в результате совершения посягательств на сохранность указанных предметов наносится удар и по духовно-нравственной основе социума, без которой невозможна стабильность ни в одном современном обществе и государстве. В базе данных МВД по культурным ценностям, похищенным в стране, представлено более 50 тыс. предметов. На основе изучения судебно-следственной практики можно сформировать вывод о том, что в качестве похищаемых предметов, имеющих особую ценность, как правило, выступают: предметы религиозного культа – 61 %; живопись – 10 %; предметы их музейных коллекций – 9 %; ордена и медали – 7 %; книги и другие виды печатной продук-

¹ Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. С. 70-71. См. также: Андриюшенкова О.М. Роль государства в вопросах предупреждения в контексте положений действующего законодательства о ценных и особо ценных объектах культуры, искусства и истории, а также археологических объектов // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. 2016. № 10. С. 10-16.

² Русанов Г.А. Контрабанда культурных ценностей: уголовно-правовое, криминологическое и сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 6.

ции – 3 %; ювелирные изделия – 1 %¹. Среди предметов отправления религиозных обрядов, музейных экспонатов и коллекций присутствуют, в том числе, археологические объекты. В этой связи нельзя обойти вопрос о том, что до сих пор база данных похищенных ценностей в РФ фрагментарна, лишь в отдельных регионах РФ созданы филиалы НЦБ Интерпола². Поэтому следует поддержать авторов, ратующих за создание единой национальной базы данных похищенных культурных ценностей³.

Высокий уровень общественной опасности указанных посягательств обусловлен также тем, что они занимают особое место в системе воспроизводства и развития преступности. Как правило, их совершение приобретает организованные формы⁴, которые «вливаются» в общемировую сеть транснациональной преступности. К сожалению, следует констатировать, что деятельность на «черном рынке» торговли объектами археологического наследия – прибыльное направление криминальной деятельности. По экспертным оценкам, в топе преступного бизнеса она занимает третье место, уступая лишь торговле оружием и наркотиками⁵. Как и в других сферах теневого бизнеса, «черные» археологи выстраиваются в целые структуры, поскольку недостаточно найти что-то ценное в земле, но и необходимо выгодно его продать, а перед этим узнать любыми способами, где именно стоит копать. Штат таких не совсем законных групп в неле-

¹ См.: Довгий Д.П. Криминологические и уголовно-правовые меры борьбы с хищениями предметов, имеющих особую ценность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 7-8; Жеребченко А.В., Афроськина И.Н. Указ. соч. С. 22.

² См.: Похищенные культурные ценности собраны в единой базе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://72.ru/text/gorod/320158.html> (дата обращения – 20.01.2018 г.); В Нижегородской области появится база данных о похищенных культурных ценностях «Хранитель». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/198299.html> (дата обращения – 20.01.2018 г.).

³ См., напр.: Архангельская Е.В. Представление и обработка информации о преступлениях с помощью компьютерной техники. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vuzirossii.ru/publ/> (дата обращения – 20.01.2018 г.); Косицына В.М. Межведомственное взаимодействие органов внутренних дел Российской Федерации с таможенными органами государств-членов Таможенного союза по предупреждению контрабанды культурных ценностей // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2015. № 1 (91). С. 63-65.

⁴ См. также: Лепехина Е.В. Организованная преступность: понятие, детерминизм, общественная опасность, психология. Краснодар, 2006. С. 25; Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. М., 2005. С. 539; 573.

⁵ См.: Криминалистика: учебник / под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина. М., 1994. С. 338.

гальных раскопках нередко пополняют настоящие ученые и археологи, становясь, в свою очередь, на время преступниками¹.

Анализ судебной практики по рассматриваемой категории дел и здравый смысл однозначно свидетельствуют и о том, что данным преступлениям, как правило, сопутствуют контрабанда, легализация доходов, приобретенных преступным путем, равно как и подкуп должностных лиц. Специалисты отмечают, что «контрабанда культурных ценностей носит организованный характер, и в группах участвуют преступники из различных стран...»².

Говоря о последствиях посягательств на объекты археологического наследия, необходимо подчеркнуть, что они носят многоступенчатый характер. Так, среди неотдаленных последствий выступают непосредственное повреждение или уничтожение объектов археологического наследия. Однако не менее опасны и отдаленные во времени последствия – утрата памятника истории, объекта культурного наследия, что подрывает устои нации, государственности.

Таким образом, справедлива позиция, согласно которой криминологическое обоснование изменений в уголовном законе, регламентирующем борьбу с посягательствами на культурные ценности, в том числе и объекты археологического наследия, необходимо строить на достоверной и полной информации об их состоянии, структуре и динамике; на всестороннем анализе механизма преступного поведения и личностных особенностях тех, кто совершает деяния в данной сфере. Важно также учитывать прогностические тенденции и изменения в сфере борьбы с преступностью в целом³.

Резюмируя изложенное, следует подчеркнуть, что криминализация посягательств на сохранность предметов археологического наследия отвечает критерию высокого уровня общественной опасности, обусловленной экономической и социальной спецификой этих преступлений. Несмотря на незначительный

¹ Кто такие черные копатели? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://3money.ru/blog/kto-takie-chernye-kopateli/> (дата обращения – 20.01.2018 г.).

² Диканова Т.А., Осипов В.Е. Борьба с таможенными преступлениями и отмыванием «грязных денег». М., 2000. С. 11. См. также: Михайлов В.И., Федоров А.В. Таможенные преступления. СПб., 1999. С. 43-45; Прохорова М.Л., Нальгиев Р.К. Контрабанда: вопросы уголовной ответственности. Саратов, 2002. С. 12.

³ См. также: Васильев Д.В. Контрабанда культурных ценностей: криминологическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 6.

удельный вес, указанные посягательства причиняют невосполнимый урон духовно-нравственной сфере жизнедеятельности общества и государства. Они уничтожают культурное наследие, разрушают культурное достояние народов РФ, тем самым подрывают идеологическую основу российской государственности, базирующуюся на общности истории и культур народов, населяющих Россию. По своей ценности объекты археологического наследия обладают беспрецедентно высокой и материальной, и исторической ценностью. Их утрата, как правило, невосполнима. В этой связи соответствует требованию криминологической обоснованности установление достаточно строгой уголовной ответственности в отдельных нормах УК РФ (ст. 164, 190, 226¹, 243, 243¹, 243², 243³) за указанные преступные деяния.

1.2 Международно-правовые основания криминализации посягательств на сохранность объектов археологического наследия

В списке Всемирного наследия ЮНЕСКО по состоянию на начало 2015 г. числилось 1007 объектов, среди которых 779 – объекты культурного генезиса, 197 – природного, 31 – объекты так называемого смешанного наследия (культурно-природные)¹. Все они, как признают эксперты мирового уровня, обладают «выдающейся универсальной ценностью» и поэтому подлежат сохранению на вечные времена, чтобы быть переданными будущим поколениям. По данным ЮНЕСКО, на территории СНГ признаны и взяты под охрану 54 объекта всемирного наследия². Только в РФ находится 172,5 тыс. объектов культурного наследия, из которых 102,5 тыс. – федерального, 67,8 тыс. – регионального и порядка 2 тыс. – местного (муниципального) значения³. Вместе с тем примерно 83 тыс. выявленных объектов еще не получили закрепления своего правового

¹ Комиссия РФ по делам ЮНЕСКО. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.unesco.ru/ru/UNESCO> (дата обращения – 15.09.2018 г.).

² См.: Болтаевский А.А. Город, удобный для жизни: составные элементы // Урбанистика. 2015. № 1. С. 3; Макушева О.Н., Андреева А.В. Современная ситуация вокруг памятников Всемирного наследия ЮНЕСКО в России // Молодой ученый. 2016. № 26. С. 756-758.

³ Складенко С.А., Шаров В.И. Международное сотрудничество в области культурного наследия (экологические аспекты) // Биоэкономика и экобиополитика. 2016. №1. С. 207-212.

статуса и не внесены в реестр объектов культурного наследия. В современной международной практике активно развивается концепция «общего культурного наследия», в рамках которой все объекты культурного наследия рассматриваются как достояние всего человечества.

Для России вопрос о международно-правовой регламентации охраны археологического наследия как основы их уголовно-правовой защиты в национальном законодательстве актуален еще и потому, что имплементация соответствующих положений международных документов в отечественное законодательство находится практически в начале своего пути. Так, СССР присоединился к Европейской конвенции об охране археологического наследия 1969 г. лишь 14.02. 1991 г., РФ к пересмотренной в 1992 г. Конвенции – в 2011 г. с принятием Федерального закона от 27.06. 2011 г. № 163-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции об охране археологического наследия (пересмотренной)», подписанной в г. Валлетте 16 января 1992¹.

Усилия мирового сообщества, направленные на формирование правовых основ охраны археологического наследия, в рамках деятельности ООН и непосредственно ЮНЕСКО реализуются в целой системе международных документов². Помимо названных источников международного права, действует также

¹ См.: Федеральный закон от 27.06. 2011 г. № 163-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции об охране археологического наследия (пересмотренной)» // СПС «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115627/. См. также: Осминин Б.И. Принятие и реализация государствами международных договорных обязательств. М., 2006. С. 338.

² *Декларации*: Декларация принципов международного культурного сотрудничества (провозглашена 04.11.1966 г. на 14-й сессии Генеральной конференцией ЮНЕСКО); Всеобщая декларация о культурном разнообразии (провозглашена 02.11.2001 г. на 31-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО); Будапештская декларация о всемирном наследии (принята на 26-й сессии Комитета всемирного наследия; Будапешт, 2002 г.); Декларация ЮНЕСКО, касающаяся преднамеренного разрушения культурного наследия (провозглашена 17.10.2003 г. на 32-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО); Декларация о сохранении исторических городских ландшафтов (Венская декларация) (принята на 15-й сессии Генеральной ассамблеи государств-сторон Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия; Вена, 2005 г.). *Конвенции*: Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (принята 14.05.1954 г. на Межправительственной конференции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта в Гааге); Исполнительный регламент Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта; Протокол к Гаагской Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (принят 14.05.1954 г. в Гааге); Второй протокол к Гаагской Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г. (принят 26.03.1999 г. в Гааге); Конвенция о ме-

множество документов, принятых Советом Европы, – Конвенции¹ и Хартия².

Перечисленные источники создают необходимую правовую основу противодействия правонарушениям в сфере охраны археологического наследия. Правовая регламентация правоотношений в сфере обеспечения сохранности археологического наследия осуществляется посредством регламентации различных аспектов³.

Во-первых, международные документы формируют унифицированные подходы к ключевым понятиям в указанной сфере. Так, благодаря Конвенции

рах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи собственности на культурные ценности (принята 14.11.1970 г. на 16-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО); Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (принята 16.11.1972 г. на 17-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО); Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия (принята 17.10.2003 г. на 32-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО); Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения (принята 20.10.2005 г. на 33-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО). *Рекомендации*: Рекомендация, определяющая принципы международной регламентации археологических раскопок (принята 05.12.1956 г. на 9-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО); Рекомендация о сохранении красоты и характера пейзажей и местностей (принята 11.12.1962 г. на 12-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО); Рекомендация о защите культурных ценностей, подвергающихся опасности в результате проведения общественных или частных работ (принята 19.11.1968 г. на 15-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО); Рекомендация об охране культурного и природного наследия в национальном плане (принята 16.11.1972 г. на 17-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО); Рекомендация о сохранении и современной роли исторических ансамблей (принята 26.11.1976 г.); Рекомендация об исторических городских ландшафтах (принята 10.11.2011 г. на 36-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО). *Хартии*: Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (Венецианская хартия) (Венеция, 1964 г.); Хартия по культурному туризму (Брюссель, 1974 г.); Хартия по охране исторических садов (Флорентийская хартия) (Флоренция, 1981 г.); Международная хартия по охране исторических городов (Вашингтонская хартия) (Вашингтон, 1987 г.); Хартия по охране археологического наследия и управлению им (Лозанна, 1990 г.); Нарский документ о подлинности (Нара, 1994 г.); Принципы регистрации памятников, групп зданий и достопримечательных мест (София, 1996 г.); Принципы Валлетты по сохранению и управлению историческими городами и урбанизированными территориями (Ла Валлетта, 2011 г.).

¹ См.: Европейская конвенция по культурному наследию (принята 19.12.1954 г. в Париже); Конвенция об охране архитектурного наследия Европы (принята 3 октября 1985 г. в Гранаде); Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренный вариант) (принята 16.01.1992 г. в Ла Валетте); Европейская конвенция о ландшафтах (принята 20.10.2000 г. во Флоренции); Рамочная Конвенция Совета Европы о значении культурного наследия для общества (Конвенция Фаро) (принята 27.10.2005 г. в Фаро).

² Европейская хартия по охране архитектурного наследия (принята 26.09.1975 г. в Страсбурге).

³ См.: Мельниченко Н.Н. Международно-правовые основания криминализации посягательств на объекты археологического наследия // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 21 сент. 2018 г.: в 2 т. / редкол.: А.Л. Осипенко, К.В. Вишневецкий, И.А. Паршина, В.С. Соловьев, П.В. Максимов, А.З. Хун. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. Т. II. С. 30-41.

ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия» от 16 ноября 1972 г. было впервые закреплено определение элементов культурного наследия¹. Этот более точный термин пришел на смену ранее использовавшемуся в международной правовой практике понятию «культурные ценности»². Однако новый термин не исключил прежний, и они существуют в нормах международных документов как равноправные. В Декларации ЮНЕСКО, касающейся преднамеренного разрушения культурного наследия³, закреплено положение, согласно которому государствам надлежит предпринимать все необходимые меры, обеспечивающие предупреждение и противодействие разрушению культурного наследия (п. 1 разд. III – Меры по борьбе с преднамеренным разрушением культурного наследия). Обращает на себя внимание, что в данной Декларации содержится рекомендация об установлении как индивидуальной ответственности, так и ответственности отдельных государств. Последние должны нести юридическую ответственность за преднамеренное разрушение культурного наследия, имеющего большое значение для человечества, как внесенного, так и не внесенного в список, составляемый ЮНЕСКО или другой международной организацией, либо преднамеренное непринятие соответствующих мер для запрещения, предупреждения, прекращения и наказания любых действий по преднамеренному разрушению такого культурного наследия. Ответственность должна наступать за такое разрушение в той мере, в которой это предусмотрено международным правом. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта⁴ в ст. 1 гл. 1 («Общие положения о защите») содержит

¹ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия от 16.11.1972 г. // Свод нормативных актов ЮНЕСКО: Конвенции и соглашения, рекомендации, декларации. М., 1991. С. 290-302.

² См., напр.: Гагская конвенция «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» (1954 г.); Конвенция «О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности» (1970 г.) и др.

³ Декларация ЮНЕСКО, касающаяся преднамеренного разрушения культурного наследия: принята 17 октября 2003 г. Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/heritage_destruction.shtml.

⁴ Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г. // Официальный сайт ООН. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/hague54.pdf.

перечень объектов, относимых к культурным ценностям. По мнению И. Э. Мартыненко, международно-правовая охрана культурного наследия – в широком и культурных ценностей – в узком смыслах основана на концептуальных положениях, реализованных в нормативных документах ЮНЕСКО¹. В Будапештской декларации о всемирном наследии² раскрывается понятие объектов, включенных в Список всемирного наследия: богатства, доверенные нам для передачи будущим поколениям, законным наследием которых они являются.

Обращает на себя внимание, что приведенные источники международного права объекты археологического наследия выделяют в особую группу охраняемых объектов культурного наследия, что формирует необходимость специальной регламентации их правового режима и обеспечения охраны.

В ст. 1 принятой ICOMOS в 1990 г. Хартии по охране и использованию археологического наследия приводится ставшее классическим определение последнего как элемента материального мира, основным источником сведений о котором выступают археологические методы. Его компонентами, согласно Хартии, являются: места, свидетельствующие о прошлой деятельности человека (включая строения, руины (подводные и подземные); культурный материал (движимые артефакты)³.

В Европейской конвенции об охране археологического наследия (пересмотренной) в п. 2 ст. 1 объектами археологического наследия признаны все остатки и предметы, а также любые другие следы человечества прошлых эпох, сохранение и изучение которых помогает восстановить историю человечества и его связь с природной окружающей средой; для которых раскопки или открытия и другие методы изучения человечества и окружающей его среды являются основными источниками информации, и которые расположены в любом районе,

¹ См.: Мартыненко И.Э. Особая правовая защита памятников стран СНГ, включенных в Список всемирного наследия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zakon.kz/208820-osobaja-pravovaja-zashhita-pamjatnikov.html> (дата обращения: 12.09.2018 г.).

² Будапештская декларация о всемирном наследии 2002 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kgior.gov.spb.ru/media/uploads/userfiles/2015/08/27/>.

³ Хартия по охране и использованию археологического наследия 1990 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901756977>.

находящемся под юрисдикцией Сторон. Согласно Конвенции археологическое наследие включает сооружения, строения, группы зданий, освоенные участки, движимые объекты, памятники другого рода, а также окружающую их обстановку, находящиеся на суше или под водой.

В Рекомендации, определяющей принципы международной регламентации археологических раскопок, от 05.12.1956 г. содержится понятие археологических раскопок, в нем также употребляется категория «археологические остатки». Таким образом, в данном источнике используется более широкий подход к классификации объектов археологического наследия, поскольку традиционным является отнесение к таковым объектов, обнаруженных под землей или под водой. В Конвенции об охране подводного культурного наследия от 06.11.2001 г.¹ закреплена дефиниция такого объекта правовой охраны, как подводное культурное наследие (Under water Cultural Heritage – UCH). Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест 1964 г. мест содержит дефиницию исторического памятника². Обращает на себя внимание то, что к таковым Хартия относит не только архитектурные объекты, но и городскую или сельскую среду – носителей признаков определенной цивилизации. При этом под охрану подпадают не только уже признанные, значимые объекты культурного наследия, но и те, которые приобретут свою значимость с течением времени. В данном случае объекты археологического наследия включены в систему исторических памятников. Соответственно, в качестве отличительных их признаков выделяются свойства носителей определенной цивилизации, хранящих память об истории какого-либо события либо имеющие значительную культурную ценность.

Во-вторых, вырабатывают единые подходы к регламентации деятельности по изъятию объектов археологического наследия из мест их обнаружения. В 1956 г. Генеральная конференция ЮНЕСКО приняла Рекомендацию, определя-

¹ Конвенция об охране подводного культурного наследия 06.11.2001 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902114191>.

² Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (Венецианская хартия) (Венеция, 25-31.05.1964 г.) // ИПС «ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/2570714/>.

ющую принципы регламентации археологических раскопок¹. В ней в ст. 27 разд. IV («Торговля древностями») государствам рекомендуется осуществлять контроль над торговлей древностями, не допускать утрату археологических материалов, обеспечивая защиту раскопок. Регламентация проведения раскопок, реализации мер физической защиты археологического наследия, комплексного его сохранения, предотвращения незаконного оборота объектов, его составляющих, содержится и в Европейской конвенции об охране археологического наследия (пересмотренной). Все эти положения, безусловно, задают вектор и определяют границы охраны, в том числе уголовно-правовой, объектов археологического наследия и в РФ.

В-третьих, международно-правовые акты определяют принципы охраны архитектурного наследия. В целом, каждый из названных источников, так или иначе, обращается к закреплению принципов охраны культурного, в том числе археологического, наследия. Рассмотрим лишь отдельные из них, наиболее показательные для этой сферы. Так, в Декларации принципов международного культурного сотрудничества 1966 г. в ч. 1 ст. XI определено, что при реализации культурных связей государствам следует вдохновляться принципами ООН. В стремлении к достижению международного сотрудничества они должны уважать суверенное равенство друг друга и воздерживаться от вмешательства в дела, образующие внутреннюю компетенцию иных стран².

В Будапештской декларации о всемирном наследии 2002 г. провозглашен универсальный характер Конвенции ЮНЕСКО о всемирном наследии (1972 г.) и закреплена необходимость заботиться о том, чтобы она применялась к наследию во всем его разнообразии в качестве инструмента длительного развития всех обществ, через диалог и взаимопонимание. В разд. II Рекомендации, определяющей принципы международной регламентации археологических раскопок, 1956 г. в ст. 4 содержится положение об обязанности государств осу-

¹ Рекомендация, определяющая принципы международной регламентации археологических раскопок, от 05.12.1956 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901756977>.

² Декларация принципов международного культурного сотрудничества: принята 04.11.1966 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://kgiop.gov.spb.ru/media/uploads/userfiles/2015/08/27>.

ществлять охрану археологического наследия, включая контроль раскопок.

В Хартии по охране и использованию археологического наследия 1990 г. также определены принципы законодательного регулирования его сохранности, которые сводятся к следующему: охрана; запрет на разрушение, самовольную переделку и ответственность за эти действия; инвентаризация.

Обращает на себя внимание, что принципы приоритета охраны этих объектов сохраняются и в условиях военного времени. Так, в ст. 3 Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта прописана обязанность государств подготовить еще в мирное время охрану культурных ценностей, расположенных на их территории, от возможных последствий вооруженного конфликта с принятием необходимых мер. В ст. 4 указано, что стороны обязуются уважать культурные ценности, расположенные на их территории, а также на территории других стран; не использовать эти ценности, сооружения для их защиты и непосредственно прилегающие к ним участки в целях, могущих привести к разрушению или повреждению этих ценностей в случае вооруженного конфликта; воздерживаться от любого враждебного акта, направленного против этих ценностей. В ч. 3 ст. 4 Конвенции закреплена обязанность сторон запрещать, предупреждать и, если необходимо, пресекать любые акты кражи, грабежа или незаконного присвоения культурных ценностей в любой форме, а также акты вандализма в отношении них. Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (Венецианская хартия) 1964 г.¹ также содержит целый ряд принципов охраны культурного наследия. Так, в ст. 15 определено, что раскопки должны производиться с соблюдением научных норм и в соответствии с Рекомендациями, определяющими международные принципы производства археологических раскопок, принятыми ЮНЕСКО в 1956 г. В обязанности государств-участниц вменяются: 1) укрепление руин; 2) консервация архитектурных элементов раскопок; 3) защита указанных элементов; 4) защита информации об археологическом памятнике; 5) установление запрета на реконструкцию археологического объекта; 6) регламента-

¹ Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (Венецианская хартия) от 31 мая 1964 г. // ИПС «ГАРАНТ». Режим доступа: <http://base.garant.ru/2570714/>.

ция анастилозиса в отношении указанных объектов.

В-четвертых, международно-правовыми актами устанавливается запрет на нелегальный оборот объектов архитектурного наследия. В частности, соответствующие положения содержатся в Европейской конвенции об охране археологического наследия (пересмотренной) – ст. 10. В соответствии со ст. 11 Конвенции об охране подводного культурного наследия 2001 г. государства-участники несут ответственность за охрану подводного наследия на дне моря и океана и его недр за пределами национальной юрисдикции. Кроме того, должны приниматься меры по предотвращению ввоза на территорию государств-участников предметов подводного культурного наследия, незаконным образом экспортированных и/или измененных в нарушение требований Конвенции; торговых операций этими предметами или владения таким наследием. Помимо этого, в ст. 8 Конвенции о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности, 1970 г. содержится требование об установлении уголовной или административной ответственности за вывоз со своей территории культурных ценностей, к которым не приложено соответствующее свидетельство (п. в ст. 6), за ввоз культурных ценностей, похищенных из музея или религиозного и светского исторического памятника, или подобного учреждения другого государства-участника, при условии, что такая ценность числится в описи предметов, принадлежащих этому учреждению (п. в) (i) ст. 7)¹.

В приложении III к Европейской конвенции о правонарушениях в отношении культурных ценностей от 23.06.1985 г. представлен перечень деяний, рекомендованных к криминализации в национальном законодательстве (кража, контрабанда, незаконное приобретение, незаконный вывоз, разрушение и т.п.)². Обращает на себя внимание, что в ней идет речь о криминализации целой системы деяний, посягающих именно на объекты археологического наследия. К

¹ Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности, от 14.11.1970 г. // ИПС «ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/2540238/>.

² Европейская конвенция о правонарушениях, связанных с культурной собственностью (ETS № 119) // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=4125#05549390264755307>.

таким в Конвенции отнесены: незаконные археологические раскопки; сокрытие или отчуждение археологических предметов; приобретение археологических предметов, обнаруженных в результате раскопок; незаконное приобретение археологических предметов.

Согласно Декларации ЮНЕСКО, касающейся преднамеренного разрушения культурного наследия, 2003 г. государства должны установить уголовную ответственность за совершение актов преднамеренного разрушения культурного наследия, имеющего большое значение для человечества, как внесенного, так и не внесенного в список ЮНЕСКО или иной международной организации¹.

Таким образом, в условиях глобализации трудно переоценить значение международных документов в регламентации уголовно-правовой охраны объектов археологического наследия в РФ. Они формируют категоричный аппарат, принципы противодействия правонарушениям в сфере обеспечения сохранности объектов археологического наследия, в том числе связанным с их нелегальным оборотом. Анализ положений указанных источников дает основание для вывода о том, что в сфере охраны археологического наследия международное сообщество последовательно отстаивает гуманистические, универсальные принципы, направленные на обеспечение максимальной его сохранности для будущих поколений. Обращает на себя внимание, что в целом ряде источников принципы отходят от своей традиционной декларативности и приобретают вполне конкретное прикладное звучание. Особенно четко эта тенденция просматривается в нормах, направленных на обеспечение охраны археологического наследия (например, принципы реставрации, раскопок и др.).

Международное право оказывает существенное влияние на развитие и содержание национального законодательства России, ратифицировавшей все названные ранее международные акты. Российская Федерация провозглашает последовательную политику охраны культурного наследия народов России, в том числе уделяя особое внимание обеспечению правовой защиты объектов ар-

¹ Декларация ЮНЕСКО, касающаяся преднамеренного разрушения культурного наследия: принята 17.10.2003 г. Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/heritage_destruction.shtml.

хеологического наследия. Прежде всего, реализация положений международного права нашла воплощение в создании системы национальных нормативных актов, призванных обеспечивать охрану названных объектов. Помимо этого, законодательство РФ предусматривает наступление наиболее строгих видов юридической ответственности (административной и уголовной) за посягательства на их сохранность. В целом оно соответствует международным принципам охраны объектов культурного наследия. Вместе с тем в вопросах криминализации российское уголовное законодательство не в полной мере восприняло рекомендации международного сообщества. В частности, в УК РФ не получили «персональную» криминализацию приобретение объектов культурного наследия лицом, заведомо знающим о незаконном характере их получения продавцом; использование указанных объектов, полученных противоправным способом; незаконное получение в пользование данных объектов. Вместе с тем думается, что не следует стремиться к имплементации рекомендаций международного права в полном объеме, поскольку она должна осуществляться с учетом правовых и национальных традиций государства, социальной обоснованности и потребностей правоприменительной практики. На те или иные противоправные деяния в соответствующей сфере можно реагировать применением имеющихся уголовно-правовых норм, регламентирующих иные посягательства, круг которых могут образовывать, в том числе, и посягательства на сохранность объектов археологического наследия (например, это могут быть нормы, предусматривающие ответственность за служебные преступления, за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных путем, за приобретение или сбыт имущества, добытого заведомо преступным путем).

2 Ответственность за преступления, посягающие на сохранность объектов археологического наследия: компаративистские аспекты

2.1 Исторический анализ отечественного уголовного законодательства об ответственности за посягательства на сохранность объектов археологического наследия

Уголовно-правовая охрана памятников археологического наследия – важное направление обеспечения их сохранности и безопасности. Компаративистский анализ данного вопроса обладает высоким потенциалом для определения основных тенденций, существенных принципов и оптимизации криминализации деяний, посягающих на сохранность объектов археологического наследия, в отечественном уголовном законодательстве. Обращает на себя внимание тот факт, что в российской уголовно-правовой доктрине вопрос о начале процесса подобной регламентации решается неоднозначно. Так, по мнению В.В. Вершкова, первые преступления, посягающие на культурные ценности, были известны уже древнерусскому праву¹. С ним солидарен Р.Л. Клебанов, указывающий, что отправной точкой уголовно-правовой охраны культурных ценностей на территории России следует считать положения Русской правды об ответственности за церковную татьбу («кримскую татьбу»)².

В Судебниках 1497³ и 1550 г.⁴, Соборном уложении 1649 г.⁵ и Воинском артикуле 1715 г.⁶ употреблялась аналогичная терминология – «церковный

¹ Вершков В.В. Уголовная ответственность за невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С.14.

² Клебанов Л.Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 23.

³ Судебник 1497 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: // http://russiahistory.ru/download/library/istochniki/1073675_17929_sudebnik_1497_goda.pdf (дата обращения: 16.03.2020 г.).

⁴ Судебник 1550 г. // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред. тома А.Д. Горский. М., 1985.

⁵ Соборное уложение 1649 года. М., 1961.

⁶ Артикул Воинский 1715 г. // Бытко Ю.И., Бытко С.Ю. Сборник нормативных актов

тать»¹. Так, в Судебнике 1497 г. более суровое наказание следовало за церковную татьбу (ст. ст. 9, 10). Аналогичные положения содержались и в ст. 55 и 61 Судебника 1550 г. Состав церковной кражи предусматривался и в ст. 41 Уставной книги Разбойного приказа². Безусловно, это деяние лишь отдаленно можно соотнести с посягательствами на объекты культурного наследия в современном их понимании³. Лишь к середине XVII в. в отечественном законодательстве произошло отграничение «церковной татьбы» от «святотатства».

В литературе представлена и иная позиция, представители которой начало уголовно-правовой охраны культурных ценностей и археологического наследия, в том числе, связывают с нормами Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., осуществившими криминализацию деяний, посягающих на церковь и предметы религиозного культа, в частности, установление уголовной ответственности за святотатство (гл. 4 разд. «Преступления против веры»)⁴.

Ряд отечественных авторов придерживается третьей точки зрения, полагая, что уголовно-правовая охрана культурного наследия получила начало в законодательстве времен Петра I. В подтверждение этому приводятся положения Указа от 13.02.1718 г. «О приносе родившихся уродов, также найденных необыкновенных вещей во всех городах губернаторам и комендантам, о даче за принос оных награждения и о штрафах за утайку»⁵, в которых впервые в истории отечественного законодательства был предусмотрен выкуп «старых вещей»

по уголовному праву России X-XX веков. Саратов, 2006.

¹ См.: Клебанов Л.Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей / под науч. ред. А.В. Наумова. М., 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.scribd.com/doc/211579819/book917-pdf> (дата обращения: 20 июля 2019 г.).

² См.: Хрестоматия по истории русского права / составил М. Владимировский-Буданов. Выпуск третий, издание третье. 1888 г. // Allpravo.Ru – 2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://allpravo.ru/library/doc313p/instrum3943/item3948.html> (дата обращения: 28.04.2020 г.).

³ См. также: Melnichenko N. (Мельниченко, Н.Н.) Criminal legal protection of objects of archaeological heritage in Russia in the X-XIX centuries (Уголовно-правовая охрана объектов археологического наследия в России в X-XIX веках) // Sciences of Europe (Praha, Czech Republic). VOL 4, No 47 (2020). P. 56-59.

⁴ См.: Калининская Я.С. Уголовная ответственность за уничтожение или повреждение памятников истории и культуры: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 9; Мартышева О.М. Уголовная ответственность за уничтожение или повреждение объектов культурного наследия и культурных ценностей. Омск, 2015. С. 15; Медведев Е.В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. С. 12.

⁵ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. 1830. Т. 5. С. 541-542.

у населения. В развитие указанных положений Петр I издал особое распоряжение «О вознаграждении за археологические находки»¹. Именно в этот период памятники прошлого были объявлены ценностью, подлежащей сохранению в государственном музее. Таким образом, в указанном источнике была предпринята первая попытка классификации памятников старины и регламентации мер, способствующих как сохранению, так и приумножению культурных ценностей².

В ряду рассматриваемых правовых документов особое место занимает Указ «О покупке в Сибири курioзных вещей и о присылке оных в Берг- и Мануфактур-коллегию», опубликованный 16 февраля 1721 г.³ В данный период предпринимаются и первые попытки государственной реставрации памятников истории. Так, в 1722 г. в Астрахани был издан еще один Указ, содержащий повеление о сохранении остатков древнего, разоренного города Болгар⁴. В том же году появился Указ «О присылке из всех епархий и монастырей древних рукописных летописей и подобных книг в Москву в Синод»⁵. Эти Указы принято считать первыми русскими государственными актами, предусматривающими охрану и реставрацию исторических памятников. Артикул Воинский 1715 г. продолжил традицию установления уголовной ответственности за расхищение церквей и иных святых мест (арт. 186)⁶.

Таким образом, в эпоху царствования Петра I были сформированы правовые основы охраны, реставрации и осуществления археологических исследований памятников старины на территории России, но криминализация посягательств на сохранность объектов культурного наследия осуществлена не была.

В дальнейшем отечественное законодательство об охране культурного наследия развивалось поступательно. Периоды правления Екатерины I, Петра II, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны были отмечены рядом важных указов,

¹ См.: Сборник Императорского Русского исторического общества. Вып. 11. СПб., 1873. С. 372.

² Калининская Я.С. Указ. соч. С. 9.

³ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. 1830. Т. 6. С. 557-558.

⁴ См.: Матюшин Г.Н. Археологический словарь. М., 1996. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.ru/HISTORY/MATYUSHIN/archeodict.txt> (дата обращения: 20 июля 2019 г.).

⁵ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. 1830. Т. 7. С. 511-512.

⁶ Законодательство Петра I. М., 1997. С. 751-791.

направленных на сохранение отечественных древностей¹. Так, согласно Указу от 04.08.1732 г. «О присылке в Мастерскую палату из присутственных мест примечательных вещей»² предметы старины и редкие экспонаты собираются и хранятся в Мастерской и Оружейной палатах. 20.12.1737 г. был издан Именной указ «О правилах, по коим надлежит поступать с конфискованными всякого рода именными»³. Он подробнее определил круг предметов, подлежащих хранению в Мастерской Палате. В Именном указе от 24.05.1759 г. «О исправлении городских стен в Москве, ворот, башен и Ивановской колокольни без всякой отмены противу старой фасады» были впервые в российской истории определены правила ведения ремонтных работ на древних архитектурных памятниках. Данный источник особо предписывал принцип сохранения первоначального облика указанных объектов⁴.

Период царствования Екатерины II ознаменован масштабной ревизией и постановкой на государственный учет памятников культурного наследия, за счет чего круг объектов, включаемых в их массив, был существенно расширен⁵. Так, в 1763 г. издан Указ «Об описи архиерейских и монастырских вотчин и об отправлении для того армейских обер-офицеров»⁶. Это была первая попытка создать в стране свод наиболее древних собраний рукописей, икон, различных произведений прикладного искусства. За ним следовал Сенатский указ от 09.04.1771 г. «О снятии уездных планов с надлежащею верностию и о включении в экономические журналы замечаний о древних курганах, развалинах, пещерах, островах и других признаках»⁷. Важную роль сыграл и Синодский указ от 25.06.1771 г. «О ведении во всех ставропигиальных и епархиальных мона-

¹ См.: Охрана культурного наследия России, XVII-XX вв.: хрестоматия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russist.ru/biblio/chrestom/0.htm> (дата обращения: 2 июня 2019 г.).

² Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. 1830. Т. 8. С. 896.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. 1830. Т. 10. С. 376.

⁴ См.: Реставрация памятников истории и искусства в России в XIX-XX веках. История, проблемы: учебное пособие. М., 2008. С. 78.

⁵ См.: Охрана культурного наследия России, XVII-XX вв.: хрестоматия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russist.ru/biblio/chrestom/0.htm> (дата обращения: 2 июня 2019 г.).

⁶ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. 1830. Т. 16. № 11745. С. 146-152.

⁷ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. 1830. Т. 19. № 13593. С. 263-264.

стырях порядочных описей всему церковному и монастырскому имуществу»¹.

К началу XIX в. в России была создана комплексная правовая основа для обеспечения выявления, учета, регистрации и сохранности памятников культурного наследия. Это стало почвой для формирования нормативной регламентации исследовательской деятельности в рассматриваемой сфере. Большой вклад в развитие государственной поддержки дела охраны культурного, в том числе археологического наследия внесли и исследования ученых. Так, по результатам экспедиций Академии наук по изучению древностей в 1804 и 1821 гг. их руководителем Е.Е. Кёлером был осуществлен доклад. В развитие его выводов в последующем были изданы два крайне важных документа: «Указ о запрете путешественникам собирать древности на казенных землях Тавриды» (1805 г.)² и Положение «О сохранении памятников древностей в Крыму» (1822 г.)³. Тем самым создавались правовые основы запрета на произвольные археологические раскопки и изъятие объектов археологического наследия. В последующем Синодский указ от 6 июня 1804 г. «Об отсылке древних русских летописей и хронографов в учрежденное при императорском Московском университете Истории и древности российских общество»⁴ определил вектор развития государственной поддержки научных исследований объектов культурного наследия, в том числе и археологического. Кроме того, развивалось и законодательство об учете и хранении художественных ценностей (например, Именной указ «О правилах управления и сохранения в порядке и целости находящихся в Мастерской и Оружейной палате древностей» 10 марта 1806 г.)⁵.

О высоком уровне развития музейного дела, археологии и исследований культурного наследия свидетельствует процесс оптимизации категорийного аппарата нормативных источников указанного периода. В частности, в тексте

¹ См.: Охрана культурного наследия России, XVII - XX вв.: хрестоматия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russist.ru/biblio/chrestom/7.htm> (дата обращения: 02 июня 2019 г.).

² Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002. С. 67-72.

³ Высочайше утвержденное положение Комитета министров «О сохранении памятников древности в Крыму» // Охрана культурного наследия России XVII-XX вв.: хрестоматия. М., 2000. Ч. I. С. 93-95.

⁴ См.: Там же.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. 1830. Т. 29. С. 133.

устава Общества истории и древностей российских 1811 г. впервые появляется слово «памятник» (§ 3 гл. 1 Устава). К памятникам культурного наследия Устав отнес: древние рукописи, медали, монеты и другие памятники, служащие к объяснению разных происшествий в русской истории¹.

Законодательство Николая I ознаменовано развитием «охранительских» принципов в организации неприкосновенности памятников культурного наследия. Для этих целей в 1859 г. была образована Императорская археологическая комиссия². Продолжалась эволюция и специализированного законодательства. Так, 31.12.1826 г. был принят циркуляр Министерства внутренних дел гражданским губернаторам «О доставлении сведений о памятниках архитектуры и о воспрещении разрушать их»³. 14.12.1827 г. последовал Именной указ «О сохранении древних зданий по губерниям»⁴. Эти источники закрепили направленность интересов государства на выявление, учет и охрану всех существовавших в империи памятников архитектуры. В Строительном уставе 1832 г. появилось указание о том, что строжайше воспрещается разрушать остатки древних замков, крепостей, памятников и других зданий древности под ответственностью за нарушение сего начальников губерний и местных полиций⁵. В последующем эти положения были развиты в Уставе строительном 1857 г., ст. 181 которого устанавливала запрет на разрушение остатков древних замков, крепостей, памятников и других зданий древности⁶. К числу важнейших актов периода правления Николая I можно также отнести: Высочайше утвержденные положения Комитета министров от 31.03.1836 г. «О принятии на счет казны издержек для поддержания древних зданий»⁷; от 15.05.1846 г. «О учреждении в Санкт-

¹ См.: Охрана культурного наследия России, XVII-XX вв.: хрестоматия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russist.ru/biblio/chrestom/9.htm> (дата обращения: 02.06.2019 г.).

² Николаева Н.С. Роль археологической комиссии в формировании музейных собраний во второй половине XIX в. // Вопросы музеологии. 2013. № 2 (8). С. 112.

³ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. 1830. Т. 1. № 794. С. 1373-1374.

⁴ См.: Реставрация памятников истории и искусства в России в XIX-XX веках. История, проблемы: учебное пособие. С. 185.

⁵ См.: Свод законов Российской Империи: Собр. 1-е. 1833. Т. 12. С. 93.

⁶ См.: Там же.

⁷ См.: Высочайше утвержденное положение Комитета министров от 31.03.1836 г. «О принятии на счет казны издержек для поддержания древних зданий» // ПСЗ II. Т. 11.

Петербурге Археологическо-Нумизматического общества»¹; Сенатский, по высочайшему повелению Указ от 14.02.1848 г. «О наблюдении за сохранением памятников древности»²; распоряжение Министерства внутренних дел 1853 г. «О свидетельствовании архивов»³; Высочайше утвержденное положение от 29.04.1855 г. «О Музее древностей и о временной Археологической комиссии в Вильно»⁴.

Во второй половине XIX в. развитие правовых основ охраны культурных ценностей в России продолжается. В период правления Александра III принимаются: Высочайше утвержденное положение Комитета министров от 13.04.1884 г. «Об учреждении губернских исторических архивов и ученых архивных комиссий»⁵; циркуляры Министерства внутренних дел гражданским губернаторам от 31.05.1884 г. «О подтверждении распоряжений о запрещении кладоискательства и о порядке сдачи археологических находок»⁶; от 27.11.1886 г. «О запрещении производить раскопки на государственных, церковных и общественных землях без разрешения Археологической комиссии»⁷. Вместе с тем нельзя не отметить, что регламентация правоотношений в указанной сфере отличалась избытком подзаконных нормативных актов, что формировало правоприменительные проблемы. В этой связи в данный период велась активная работа по подготовке единого источника – «Положения об охране памятников старины»⁸. Несомненным его достоинством являлось закрепление легальной дефиниции «культурные ценности (древности)». Ими признавались «все памятники зодчества, ваяния, живописи и иного искусства до половины XIX в., замечательные по своему художественному, историческому или археологическому

Отд. 1. № 9045.

¹ См.: Охрана культурного наследия России, XVII-XX вв.: хрестоматия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russist.ru/biblio/chrestom/10.htm> (дата обращения: 02.06.2019 г.).

² Реставрация памятников истории и искусства в России в XIX-XX веках. История, проблемы: учебное пособие. С. 121.

³ См.: Охрана культурного наследия России, XVII-XX вв.: хрестоматия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russist.ru/biblio/chrestom/10.htm> (дата обращения: 02.06.2019 г.).

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: Охрана культурного наследия России, XVII-XX вв.: хрестоматия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russist.ru/biblio/chrestom/10.htm> (дата обращения: 02.06.2019 г.).

⁷ См.: Там же.

⁸ См.: Там же.

достоинству, а равно акты, рукописи и первобытные древности»¹.

По мере формирования комплексной, устойчивой системы законодательства об охране объектов культурного, в том числе археологического, наследия, установления принципов и критериев этой деятельности возникала необходимость в обеспечении указанных предписаний мерами уголовно-правового характера. Как отмечено ранее, истоки криминализации посягательств на сохранность объектов культурного наследия лежат в формировании положений об уголовной ответственности за посягательства на веру. В ракурсе темы диссертационного исследования обращает на себя внимание установление в Своде законов (изд. 1835 г.) ответственности за разрытие могил, ограбление мертвых тел². Аналогичные положения содержались и в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в ред. 1885 г.). Помимо этого, в гл. 4 разд. «Преступления против веры» располагалась ст. 243, криминализовавшая посягательства на атрибуты отправления религиозного культа³. Пристального внимания заслуживает ст. 387 Уложения, предусматривавшая наказание за незаконное и тайное похищение должностным лицом ценностей, которые могли поступить в число вверенных ему для хранения предметов. В целом же, следует констатировать отсутствие в рассматриваемом источнике системной криминализации посягательств на объекты культурного наследия в общем и археологические – в частности. В этой связи Московское археологическое общество в 1869 г. разработало и вынесло на обсуждение Проект положения об охране древних памятников. В нем предлагалось криминализовать целый ряд посягательств на культурные ценности. В частности, установить уголовную ответственность должностных лиц, которые своими действиями не обеспечили сохранность памятника древности, находившегося на учете в специальном списке (дополнить ст. 341 Уложения)⁴; лиц, умышленно повредивших древности или документы, равно как и умышленно истребивших предмет древности или письменный памятник или

¹ Цит. по: Медведев Е. В. Указ. соч. С. 65.

² См.: Клебанов Л.Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей.

³ К ним относились потиры, диски, дарохранильницы, лжицы, копии, кресты, евангелия, образа, мощи, в том числе оклады и украшения на крестах, образах, мощах, а равно антиминсы, покрывала со священных сосудов, одежда с престолов и жертвенников.

⁴ См.: Клебанов Л.Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей.

повредивших его до такой степени, что он не мог быть восстановлен в прежнем виде; за незаконное осуществление археологических раскопок и кладоискательство; за утаивание случайно найденных или добытых в недрах земли ценностей; за непредоставление на экспертизу в Императорскую археологическую комиссию всех случайно найденных или добытых в недрах земли ценностей.

Приведенные положения свидетельствуют о том, что уже к концу XIX в. в отечественной законодательной практике были сформированы концептуальные подходы к вопросу криминализации деяний, посягающих на сохранность культурного наследия. Однако, к сожалению, они не были реализованы.

Развернутая система преступлений, связанных с посягательствами на объекты культурного наследия, была представлена в Уголовном уложении 1903 г. Прежде всего, в продолжение традиций, выработанных в нормативных источниках предыдущего периода, Уложение 1903 г. устанавливало ответственность за посягательства на веру. Данные преступления были размещены в гл. 2 Уложения «О нарушении ограждающих веру постановлений». Но в отличие от ранее действовавшего законодательства уголовно-правовой охране подлежали не только предметы религиозного культа, но и иные предметы исторического и культурного наследия. Их уголовно-правовой защите посвящались нормы гл. 30 («О повреждении имущества, путей сообщения, предостерегательных, граничных и тому подобных знаков или иных предметов»), гл. 31 («О необъявлении, о находке, присвоении чужого имущества и злоупотреблении доверием») и гл. 32 («О воровстве, разбое и вымогательстве»). Были криминализованы посягательства как на публичные памятники (п. 1 ст. 550), так и на предметы науки и искусства (п. 2 ст. 550). В данной норме особо оговаривалось, что указанные предметы должны принадлежать не частным лицам, а императорским дворцам, публичным библиотекам, музеям или иным государственным или общественным хранилищам. Помимо этого, в рассматриваемом источнике устанавливалась уголовная ответственность за совершение поджога, взрыва или затопления публичных библиотек, музеев, государственных или общественных хранилищ предметов науки и искусств (п. 2 ст. 563). Особый интерес представляет ст. 563, предусматривающая наказание за организованные формы деятельности,

направленной на повреждение или уничтожение объектов культуры. Обращает на себя внимание и тот факт, что в Уложении ответственность предусматривалась как за умышленное, так и неосторожное совершение указанных действий (ст. 568). Интересными видятся и положения ст. 573 гл. 31 («О необъявлении о находке, присвоении имущества и злоупотреблении доверием»), установившей наказуемость присвоения клада, найденного виновным в чужой земле.

Таким образом, анализ памятников отечественного уголовного права до-революционного периода дает основание для вывода о формировании системы преступлений, связанных с посягательствами на объекты культурного наследия. Постепенно от уголовно-правовой охраны исключительно религиозных святынь и предметов религиозного культа законодатель переходит к охране более широкого круга предметов культурного наследия. Однако нормы, специально направленные на установление уголовно-правового запрета на совершение посягательств на сохранность объектов археологического наследия, в указанный период в законодательстве отсутствовали.

После октябрьских событий 1917 г. охрана памятников культурного наследия, в том числе памятников археологии, обрела новый вектор развития. Новая власть столкнулась с ранее не существовавшей проблемой – незаконным массовым вывозом культурных ценностей из страны. Поэтому первые нормативные акты в рассматриваемой сфере были посвящены именно противодействию контрабанде культурных, в том числе и археологических, ценностей.

Так, в постановлении СНК РСФСР от 29 декабря 1917 г. «О разрешениях на ввоз и вывоз товаров»¹ была закреплена одна из первых в отечественном законодательстве легальных дефиниций контрабанды. В качестве ее отличительного признака определялось отсутствие специального разрешения на ввоз либо вывоз предметов (формальный критерий). Важную роль в обеспечении сохранности культурного наследия Советской России сыграл Декрет от 19.09.1918 г. «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения». В нем значительно ужесточалась ответственность за нарушение требований учета и хранения предметов искусства, памят-

¹ См.: СУ РСФСР. 1918. № 14. Ст. 197.

ников быта, культуры и старины¹. Кроме этого, были введены в действие временные правила «О досмотре лиц, следующих за границу, и их багажа»².

Особое значение для обеспечения сохранности культурного наследия имел и Декрет от 05.10.1918 г. «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений»³. Его нормами устанавливалась уголовная ответственность за несанкционированное перемещение за границу культурных ценностей и сокрытие их от государственного учета. Для обеспечения реализации положений данного декрета ВЧК 05.11.1918 г. был издан циркуляр «О мерах против расхищения художественных ценностей»⁴.

В 1921 г. был принят целый ряд нормативных актов, призванных направить в нужное русло процесс оборота культурных ценностей на территории Советской республики (Декрет СНК РСФСР от 03.01.1921 г. «О реквизициях и конфискациях», Декрет СНК РСФСР от 17.10.1921 г. «О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ» и постановление СНК РСФСР от 08.12.1921 г. «О борьбе с контрабандой»). Так, Декретом «О реквизициях и конфискациях»⁵ в понятие контрабанды был включен тайный провоз или попытка тайного провоза товаров, а также закреплялся перечень контрабандных товаров, подлежащих конфискации. Постановление «О борьбе с контрабандой» устанавливало, что ревтрибуналы рассматривают дела о контрабанде в порядке, предусмотренном Декретом СНК от 01.06.1921 г. о борьбе с хищениями, и должны применять лишение свободы со строгой изоляцией на срок не менее 3

¹ О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения: Декрет от 19 сентября 1918 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lawru.info/dok/1918/09/19/n1206062.htm> (дата обращения: 20 июля 2019 г.).

² Постановление Народного комиссариата торговли и промышленности о досмотре лиц, следующих за границу, и их багажа (Временные Правила) // СУ. 1918. № 79. Ст. 832.

³ О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений: Декрет от 05.10.1918 г. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=17462&req> (дата обращения: 16.05.2019 г.).

⁴ См.: Васкэ П.А. Государственно-правовое регулирование охраны православных церковных памятников истории и культуры в советской России. 1917-1941 гг.: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 16.

⁵ См.: СУ РСФСР. 1921. № 5. Ст. 37.

лет и высшую меру наказания при отягчающих обстоятельствах¹.

В названный период принимается УК РСФСР 1922 г.² Он содержал два состава преступления, связанных с посягательствами на объекты культурного наследия. Прежде всего, сокрытие коллекций и памятников старины и искусства, подлежащих регистрации, учету или передаче в государственные хранилища (ст. 102 УК РСФСР). Это был первый опыт выделения в отечественном уголовном законе специальной нормы, в которой говорилось об объектах культурного наследия. Однако следует подчеркнуть, что в уголовном законе не использовалась общей категории для обозначения таких объектов, а применялась терминология: «коллекция», «памятники старины и искусства». Кроме того, на обеспечение защиты культурного наследия государства была нацелена и ст. 97 УК 1922 г., криминализовавшая контрабанду. Она была включена в группу государственных преступлений. В диспозиции ч. 2 ст. 97 УК РСФСР делалась отсылка к положениям Декрета СНК от 17 октября 1921 г. «О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ»³.

Многочисленные нормативные акты, принятые в указанный период, тем не менее, не обеспечивали сохранность культурного наследия. Поэтому 07.07.1924 г. было издано постановление Наркомпроса РСФСР «Об утверждении Инструкции об учете и охране памятников искусства, старины, быта и природы»⁴. Она содержала целый ряд указаний, направленных на обеспечение сохранности археологических памятников (курганов, городищ, стоянок и т.п.). В документе устанавливался запрет на несанкционированный раскоп или иное нарушение целостности названных объектов. В Инструкции устанавливался разрешительный порядок их исследования – через предоставление открытых листов. Кроме этого, Инструкция предписывала обязательность передачи в му-

¹ См.: СУ. 1921. № 49. Ст. 262.

² См.: Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

³ О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ: Декрет СНК от 17.10.1921 г. // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=17293&req> (дата обращения: 16.05.2019 г.).

⁴ Об утверждении Инструкции об учете и охране памятников искусства, старины, быта и природы: постановление Наркомпроса РСФСР от 07.07.1924 г. // СУ РСФСР. 1924. № 18. Ст. 179.

зейный фонд всех случайно найденных предметов археологического значения. Но слабость административно-территориального взаимодействия и просчеты в управлении культурным наследием привели к неэффективности этого нормативного акта. Как указано в литературе, «общее состояние дел в области охраны всех видов памятников оставалось тревожным. На местах не всегда знали, что охранять и зачастую узнавали о значимости памятника после его гибели»¹.

Анализ приведенных источников дает основание для вывода о том, что в указанный период уголовно-правовая охрана объектов культурного наследия, в том числе и археологического, осуществлялась по двум направлениям: противодействие контрабанде и сокрытию от государства. Криминализация хищения археологических ценностей и уничтожения или повреждения такого рода предметов в отечественном законодательстве по-прежнему осуществлена не была.

С принятием УК РСФСР 1926 г. система преступлений в сфере сохранности культурных ценностей не претерпела значимых изменений. Как и прежде, ответственность устанавливалась за сокрытие коллекций и памятников старины и искусства, подлежащих регистрации, учету или передаче в государственные хранилища (ст. 188 УК РСФСР)². Обеспечивать охрану объектов культурного наследия были призваны и нормы о контрабанде (ст. 59⁹ и ст. 83 УК РСФСР). Но они имели общий характер, специальные виды контрабанды, в том числе и культурных ценностей, не выделялись. При этом, безусловно, при совершении каких-либо посягательств на объекты культурного наследия оставалась возможность их квалификации по общим нормам о хищениях и др. (кража (ст. 162), грабеж (ст. 165), разбой (ст. 167), присвоение или растрата (ст. 168), мошенничество (ст. 169), умышленное истребление либо повреждение имущества (ст. 175)). В августе 1933 г. ВЦИК и СНК утвердили постановление «Об охране исторических памятников», согласно которому реконструкция, снос, использо-

¹ Васкэ П.А. Указ. соч. С. 17.

² См.: Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600. См. также: Завалиев С.В. Уголовное законодательство России советского и постсоветского периода об охране археологического наследия // Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально-значимых интересов: материалы III Международной научно-практической конференции (Краснодар, КСЭИ, 24 апреля 2014 г.) / отв. ред. М.Л. Прохорова. Краснодар, 2014. С. 34.

вание памятников истории, поставленных на государственный учет, не могла осуществляться без предварительного специального разрешения, для чего была определена задача осуществить ревизию и учет памятников истории, нуждающихся в государственной охране¹.

Важным и практически первым специализированным источником в области обеспечения сохранности археологического наследия выступает постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 10.02.1934 г. «Об охране археологических памятников»². Данный акт запрещал уничтожение, повреждение или использования археологических памятников без получения соответствующего разрешения от Комитета по охране памятников при Президиуме ВЦИК (ст. 1). В постановлении впервые на нормативном уровне был определен перечень объектов, относящихся к археологическим памятникам: древние городища, селища, стоянки, места древних горных разработок, курганов, могильников, каменные изваяния, сооружения, столбы, древние изображения и письма на камнях и скалах и др.³ Кроме того, в ст. 3 предписывалось сформировать список крупных и значимых археологических памятников с целью создания археологических заповедников. Таким образом, отношения, связанные с обеспечением сохранности археологического наследия, впервые получили самостоятельное правовое регулирование, что в последующем предопределило формирование специальных уголовно-правовых норм, направленных на их защиту.

В послевоенный период деятельность по обеспечению сохранности культурного наследия возобновилась. Так, в 1948 г. было издано постановление Совмина СССР от 14.10.1948 г. № 3898 «О мерах улучшения охраны памятни-

¹ Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 10.08.1933 г. «Об охране исторических памятников» // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU;n=24224> (дата обращения: 16.05.2019 г.).

² Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 10.02.1934 г. «Об охране археологических памятников» // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=24166&req> (дата обращения: 16.05.2019 г.).

³ Мельниченко Н.Н. Современное российское законодательство в области охраны археологического наследия // Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально значимых интересов: материалы VIII Международной научно-практической конференции (г. Краснодар, КСЭИ, 18.04.2019 г.) / отв. ред. М.Л. Прохорова. Краснодар, 2019. С. 19.

ков культуры»¹ и утверждено «Положение об охране памятников культуры», в котором закреплялся перечень объектов, к ним отнесенных: древние курганы, городища, остатки древних стоянок и селищ и др. Специальный раздел был посвящен вопросам охраны памятников археологии (разд. IV).

Концептуально новый подход к уголовно-правовой охране памятников исторического, культурного и археологического наследия получил закрепление в УК РСФСР 1960 г. Прежде всего, сокрытие коллекций и предметов старины в нем было декриминализовано. В то же время согласно ст. 230 УК РСФСР преступными признавались умышленное повреждение и уничтожение памятников истории и культуры². Как показывает осуществленный анализ, долгое время регламентация правоотношений в сфере охраны памятников культурного наследия осуществлялась на уровне подзаконных нормативных актов. По мере накопления таковых возникла проблема их систематизации, внутреннего взаимодействия и инкорпорации. В этих условиях возникла необходимость разработки и принятия единого нормативного источника. Первым шагом на пути его создания стало принятие в мае 1966 г. постановление Совета Министров РСФСР «О состоянии и мерах улучшения охраны памятников истории культуры РСФСР»³. Однако лишь 29.10.1976 г. в СССР был принят первый в истории закон «Об охране памятников истории и культуры»⁴. Кроме этого, в Конституции СССР 1977 г. появилось положение о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей (ст. 68). 15.12.1978 г. принят закон РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры»⁵.

Оптимизация уголовно-правовой охраны объектов культурного наследия

¹ Постановление Совмина СССР от 14.10.1948 г. № 3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры» // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=6510&req> (дата обращения: 04.07.2019 г.).

² См.: Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/.

³ Постановление Совета Министров РСФСР от 24 мая 1966 г. № 473 «О состоянии и мерах улучшения охраны памятников истории культуры РСФСР». Режим доступа: <http://base.garant.ru/6151887/>.

⁴ Закон СССР от 29.10.1976 г. № 4692-IX «Об охране и использовании памятников истории и культуры» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 44. Ст. 628.

⁵ Закон РСФСР 15 декабря 1978 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры» // ИПС «ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/2306262/>.

продолжилась в 80-е гг. XX в. В частности, 16.09.1982 г. было принято постановление Совета Министров СССР «Об утверждении Положения об охране памятников истории и культуры»¹. В этот же год в ст. 230 УК РСФСР были внесены существенные изменения. Прежде всего, был скорректирован предмет преступления, в который включались три вида объектов культурного наследия: памятники истории и культуры; природные комплексы и объекты, взятые под охрану государства; предметы и документы, имеющие историческую, научную или культурную ценность². Федеральным законом от 01.07.1994 г. № 10-ФЗ³ была осуществлена дифференциация уголовной ответственности за названное преступление в зависимости от характера предмета посягательства. В ч. 2 ст. 230 УК РФ криминализировались умышленное разрушение, повреждение либо уничтожение памятников истории и культуры, предметов или документов, имеющих *особую* историческую, научную или культурную ценность.

Значительное развитие российское законодательство об обеспечении сохранности и защиты объектов культурного наследия получило в 90-е гг. В этот период был принят целый пакет документов в рассматриваемой сфере: Указ Президента РФ от 30.11.1992 г. № 1487 «Положение об особо ценных объектах культурного наследия народов Российской Федерации»; утвержденные законом РФ от 09.10.1992 г. № 3612-1 Основы законодательства Российской Федерации о культуре; Федеральные законы от 15.04.1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей»; от 29.12.1994 г. № 78-ФЗ «О библиотечном деле»⁴. В

¹ Постановление Совета Министров СССР «Об утверждении Положения об охране памятников истории и культуры» // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26798/.

² См.: Завалиев С.В. Указ. соч. С. 35.

³ См.: О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: Федеральный закон от 01.07.1994 г. № 10-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4016/.

⁴ См.: Положение об особо ценных объектах культурного наследия народов Российской Федерации: Указ Президента от 30.11.1992 г. № 1487 (ред. от 09.09.2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4650/; Основы законодательства Российской Федерации о культуре: утв. Законом РФ от 09.10.1992 г. № 3612-1 (ред. от 18.07.2019 г.) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/; О вывозе и ввозе культурных ценностей: Федеральный закон от 15.04.1993 г. № 4804-1 (ред. от 28.12.2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1905/; О библиотечном деле: Федеральный закон от 29.12.1994 г. № 78-ФЗ (ред. от 01.05.2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5434/.

1991 г. был принят закон «Об уголовной и административной ответственности за нарушение законодательства об охране и использовании памятников истории и культуры»¹. Его нормы устанавливали ответственность за такие деяния, как умышленное уничтожение, разрушение или порча памятников истории и культуры; неосторожное разрушение или уничтожение памятника истории и культуры, повлекшие тяжкие последствия; надругательство над памятниками истории и культуры, отличающееся исключительным цинизмом (ст. 3). Этот закон, хотя и не вступил в силу, но, тем не менее, повлиял на совершенствование положений республиканского уголовного закона. Так, в УК РСФСР Федеральным законом РФ от 01.04.1994 г. №10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР»² были включены три новых состава преступления: хищение (ст. 147²), контрабанда (перечень предметов контрабанды, представленный в диспозиции ст. 78 УК РСФСР, был расширен за счет включения в него объектов достояния (художественного, исторического и археологического) народов РФ и зарубежных стран) и невозвращение на территорию РФ (ст. 78²) культурных ценностей.

Развитие правовых основ охраны объектов культурного наследия продолжилось в условиях перестроечной России. Несмотря на принятие таких Федеральных законов, как «О Музейном фонде и музеях в Российской Федерации» (от 26.05.1996 г. № 54-ФЗ) и «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ)³, остался нерешенным целый ряд вопросов: отсутствие единой терминологии; наличие противоречивых положений, касающихся схожих вопросов

¹ Об уголовной и административной ответственности за нарушение законодательства об охране и использовании памятников истории и культуры: Закон СССР от 02.07.1991 г. № 2284-1 // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU;n=2803;req=doc#06270862347351696>.

² См.: О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: Федеральный закон от 01.07.1994 г. № 10-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4016/#p88.

³ См.: О Музейном фонде и музеях в Российской Федерации: Федеральный закон от 26.05.1996 г. № 54-ФЗ (ред. от 27.12.2018 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496/; Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ (ред. от 24.02.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/.

регламентации; переизбыток ведомственного нормативного регулирования посредством множества подзаконных нормативных актов.

С принятием УК РФ 1996 г. принципы, заложенные предыдущими источниками уголовного права применительно к обеспечению уголовно-правовой защиты объектов культурного наследия, были сохранены. Помимо этого, существенное развитие уголовно-правовая охрана объектов археологического наследия получила в 2013 г., когда гл. 25 УК РФ была дополнена тремя новыми преступлениями – нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, либо выявленных объектов культурного наследия (ст. 243¹); незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания (ст. 243²); уклонение исполнителя земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения (открытого листа), от обязательной передачи государству обнаруженных при проведении таких работ предметов, имеющих особую культурную ценность, или культурных ценностей в крупном размере (ст. 243³)¹.

Таким образом, к концу XX в. в России сложились не только правовые основы охраны объектов культурного наследия, но и система норм, предусматривающих специальные составы соответствующих преступлений и призванных обеспечивать уголовно-правовую защиту указанных объектов, включая археологические ценности. Вместе с тем за пределами криминализации остались деяния, связанные с осуществлением незаконных раскопок.

Подводя итог историческому анализу процесса становления и развития уголовной ответственности за посягательства на сохранность объектов археологического наследия, следует выделить отдельные его периоды:

1. *Зарождение* уголовно-правовой охраны объектов археологического

¹ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии: Федеральный закон от 23.07.2013 г. № 245-ФЗ (ред. от 28.12.2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149696/.

наследия (X-XVII в.) – установление ответственности за «церковную татьбу» и «святотатство» (Русская правда, Судебники 1497 и 1550 гг., Соборное уложение 1649 г.).

2. *Развитие* уголовно-правовой охраны объектов культурного, в том числе археологического, наследия (конец XVII – начало XX в.) – криминализация поругания действием и поношением религиозных святынь; повреждения или полного уничтожения памятника; укрывательства клада; похищения предметов религиозного культа, к ним относились и объекты археологического наследия (Уложение 1903 г.).

3. *Регресс* в развитии правовой регламентации и установлении уголовной ответственности за посягательства на сохранность объектов культурного, в том числе археологического, наследия в первой половине XX в. (в период после октябрьских событий 1917 г.): акцент на учет указанных объектов и контроль за ввозом и вывозом их за пределы страны; сужение рамок криминализации посягательств на сохранность данных объектов – установление уголовной ответственности лишь за контрабанду указанных предметов и сокрытие коллекций и памятников старины и искусства (ст. 102 УК РСФСР 1922 г.).

4. *Становление* системы советского законодательства об охране объектов археологического наследия (середина XX- 80-е г. XX в.): формирование законодательных основ обеспечения защиты и охраны объектов культурного, в том числе археологического, наследия; закрепление системы преступлений, посягающих на сохранность памятников исторического, культурного и археологического наследия, в УК РСФСР 1960 г.

5. *Оптимизация* уголовно-правовой охраны объектов культурного, в том числе археологического, наследия (90-е гг. XX в. – начало XXI в.): формирование системного подхода к институту уголовной ответственности за посягательства на сохранность объектов археологического наследия (ст. 164, ч. 2 ст. 188 (позднее – ст. 226¹), ст. 190, 243, 243¹, 243², 243³ УК РФ).

2.2 Уголовная ответственность за преступления против сохранности археологического наследия в зарубежном законодательстве

Сравнительно-правовой анализ законодательства различных государств открывает новый потенциал для совершенствования национального закона, помогая определять наиболее удачные пути его оптимизации. В полной мере данное утверждение относится и к сфере криминализации посягательств на сохранность археологического наследия. Предваряя анализ уголовного законодательства ряда зарубежных государств, необходимо сразу обратить внимание на тот факт, что государства Европы и Северной Америки осуществляют политику охраны объектов культурного наследия, в том числе и археологических ценностей. Какого-либо единого подхода к криминализации посягательств на сохранность указанных объектов установить не удалось. В целом, исследование показало, что государства можно подразделить на две группы в зависимости от наличия специальных норм, непосредственно направленных на уголовно-правовую защиту археологических ценностей¹. В первую группу входят страны, в которых действуют уголовно-правовые нормы общего характера, направленные на охрану объектов культурного наследия (Испания, Литва, ФРГ, Франция). Во вторую – те государства, нормативные источники которых содержат специальные предписания об уголовно-правовой защите археологических ценностей (Болгария, Великобритания, США, Эстония).

Развернутая система норм, криминализующих посягательства на объекты культурного наследия, существует в ФРГ. В УК ФРГ² к числу наказуемых отнесены такие деяния, как кража предметов религиозного культа из здания церкви или иного обрядового помещения (п. 4 § 243), публично экспонируемой или находящейся в общедоступной коллекции вещи, имеющей значение для науки,

¹ Мельниченко Н.Н. Уголовно-правовое противодействие посягательствам на объекты археологического наследия в законодательстве зарубежных государств // Право и государство: теория и практика. 2020. № 1 (181). С. 292-295.

² См.: Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242733> (дата обращения: 20.12.2021 г.).

искусства, истории или технического развития (п. 5 § 243)¹; повреждение или разрушение предметов общественного достояния (§ 304 УК ФРГ). К последним отнесен широкий круг предметов: вещи религиозного культа; памятники (как природные, частные, так и общественные); хранящиеся в общественных собраниях предметы искусства, науки или ремесла; предметы, украшающие дороги, площади или общественные сооружения.

Для Германии характерна сложная система источников уголовного права. Так, помимо УК, положения об уголовной ответственности за преступления рассматриваемой группы содержатся в Законе от 6 августа 1955 г. «О защите немецкого культурного достояния от вывоза за границу»². В соответствии со ст. 16 Закона неправомерный вывоз предметов, составляющих национальное культурное достояние, наказывается лишением свободы на срок до 3 лет или крупным денежным штрафом, а сами предметы могут быть конфискованы³.

Уголовный кодекс Франции также содержит ряд норм, устанавливающих уголовную ответственность за посягательства на объекты археологического наследия. Вместе с тем, в отличие от УК РФ, рассматриваемый источник не содержит специальной нормы об ответственности за хищение археологических ценностей. Последнее квалифицируется как обычное хищение, а стоимость похищенного выступает квалифицирующим признаком⁴. В настоящее время хищение культурных ценностей по УК Франции квалифицируется по статьям главы I («О хищении») отдела 1 («О простом хищении и хищениях, совершенных при отягчающих обстоятельствах»). Так, ст. 311-1 УК устанавливает ответственность за хищение культурной ценности. Квалифицирующим обстоятельством в соответствии со ст. 311-4 является совершение деяния в месте, используемом или предназначенном для хранения ценностей. Однако за их поврежде-

¹ См.: Сабитов Т.Р. Ответственность за посягательства на культурные ценности по уголовному законодательству некоторых государств // Вестник Челябинского университета. Серия Право. 2001. № 2. С. 118.

² См.: Власов И.С. Охрана исторических памятников в Германии // Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах. М., 2005. С. 44.

³ См.: Борьба с незаконным оборотом культурных ценностей за рубежом // Полиция и борьба с преступностью за рубежом: сб. аналит. матер. Вып. 1 (3). М., 2003. С. 77.

⁴ Сабитов Т.Р. Указ. соч. С. 118.

ние или уничтожение ответственность наступает в рамках отдельной нормы¹. Повреждение археологической находки, согласно п. 3 ст. 322-2 УК Франции, расценивается как квалифицированное повреждение имущества. Предусмотрена ответственность за такое повреждение, осуществленное во время исторической или культурной выставки (п. 4 ст. 322-2 УК).

Законодательство Литвы содержит ограниченное количество нормативных предписаний, направленных на охрану культурного наследия. В УК государства² охрана объектов культурного наследия осуществляется по общему принципу, без выделения специальных положений об объектах археологического наследия. Так, кодекс устанавливает ответственность лица, отдавшего приказ об уничтожении исторических памятников; объектов культуры, искусства, просвещения, воспитания, науки, религии (ст. 106). В этой же норме криминализованы такие деяния, как уничтожение или расхищение национальных ценностей на оккупированной либо аннексированной территории. К наказуемым в УК Латвии отнесены умышленное и неосторожное уничтожение либо повреждение культурных ценностей (ч. 2 ст. 187), а равно научных, исторических, культурных ценностей большой значимости (ч. 1 ст. 188).

Достаточно серьезное внимание уделяет охране культурных ценностей Уголовный кодекс Испании³, который содержит указание на ряд соответствующих преступлений. Список преступлений, посягающих на культурные ценности, разнообразен, однако больший интерес для нас представляют деяния, предусмотренные ст. ст. 323 и 324. В первой установлена ответственность за причинение ущерба архиву, реестру, музею, библиотеке и др., а равно археологическим раскопкам (ст. 323). В ст. 324 УК признано наказуемым неосторожное причинение ущерба объектам культурного наследия, в том числе археологическим раскопкам. Важным критерием криминализации этого деяния выступает оценка причиненного ущерба, размер которого установлен законодательно.

¹ См.: Уголовный кодекс Франции. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243018> (дата обращения: 20.12.2021 г.).

² См.: Уголовный кодекс Литовской республики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243877> (дата обращения: 15.12.2021 г.).

³ См.: Уголовный кодекс Испании. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1247923> (дата обращения: 20.12.2021 г.).

Наказание здесь, соответственно, более мягкое.

Как отмечено ранее, среди зарубежных государств можно выделить группу, спецификой уголовного законодательства которой выступает выделение специальных положений, непосредственно посвященных археологическим ценностям. Так, болгарское законодательство отличается тем, что в нем существуют как общие положения о защите культурных и исторических ценностей, так и специальные – о защите именно археологических ценностей. Причем система указанных преступлений включает широкий спектр деяний. Согласно Закону от 4 апреля 1969 г. «О памятниках культуры и музеях», в состав культурных ценностей включены, и это особо подчеркивается, также и археологические объекты¹. Рассматриваемые преступления отнесены законодателем к группе преступлений против порядка управления и помещены в гл. 8 («Преступления против деятельности государственных органов и общественных организаций») УК Болгарии². Систему уголовно-наказуемых деяний образуют: уничтожение, разрушение или повреждение памятника культуры или архивного материала (абз. 1 ст. 278 УК); незаконная выдача должностным лицом разрешения на уничтожение, разрушение, повреждение или видоизменение памятника культуры (абз. 2 ст. 278 УК); вывоз из страны без надлежащего разрешения памятника культуры или архивного материала (абз. 3 ст. 278 УК); продажа без разрешения или передача памятника культуры или архивного материала при наличии осознания того, что она может быть вывезена за границу (абз. 4 ст. 278 УК); несообщение о факте обнаружения памятника культуры или иной исторической находки (абз. 1 ст. 278а УК); совершение указанного деяния в отношении памятника культуры, имеющего особо высокую научную или художественную ценность, что усиливает наказание (абз. 2 ст. 278а УК); поджог имущества, которое имеет историческую, научную или художественную ценность (ст. 330 УК; квалифицирует посягательство причинение значительного ущерба, а также чья-либо смерть, если виновный при этом не желал и не допускал ее наступления); уничтожение, по-

¹ См.: Андреева Г.Н. Законодательство о памятниках истории и культуры в Болгарии // Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах. С. 24

² См.: Уголовный кодекс Республики Болгария // Lex.bg. Българският правен портал. URL: <https://www.lex.bg/bg/laws/ldoc/1589654529> (дата обращения: 27.12.2021 г.).

вреждение или приведение в негодность культурных или исторических памятников и предметов, произведения искусства, строений и сооружений культурного, научного или другого гуманитарного значения (в нарушение правил международного права о ведении войны) (абз.1 ст. 414); похищение, противозаконное присвоение или сокрытие предметов, указанных в абз. 1, их конфискация или изъятие в виде контрибуции (абз. 2 ст. 414). В рамках осуществляемого исследования особо внимания заслуживают положения ст. 278б УК Болгарии, устанавливающая ответственность за археологические раскопки, полевые, геофизические и подводные исследования памятника культуры без надлежащего разрешения при условии использования технических средств.

Широкий спектр криминализации посягательств на объекты культурного наследия присущ и законодательству Италии. Однако обращает на себя внимание то, что итальянское законодательство не содержит понятия «памятник истории и культуры», оно оперирует более широким понятием – историческое, художественное, археологическое, архивное и библиотечное достояние¹. В Италии в результате реформирования законодательства о памятниках истории и культуры был принят Законодательный декрет от 29.10.1999 г. № 490 «Единый текст положений законодательства по вопросам культурных ценностей и ценностей окружающей среды». В данном источнике осуществлена систематизация норм, регламентирующих охрану и порядок исследования объектов культурного наследия. В гл. 7 Единого текста... к числу наказуемых отнесены такие деяния, как незаконные работы, использование, отчуждение, вывоз; нарушение порядка ведения археологических исследований; хищение находящихся в государственной собственности произведений искусства; подделка произведений искусства (воспроизведение живописных работ, скульптуры или графики, античного объекта или объекта, исторически или археологически ценного, в целях извлечения прибыли)². Материальная конструкция состава незаконных работ предполагает

¹ См.: Аналитический вестник №5 (372). Совет Федерации ФС РФ. Комиссия Совета Федерации по культуре. 01.09.2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://voopik.ru/doc/practice/international-law/01_italy.pdf (дата обращения: 27.07.2019 г.).

² См. также: Клебанов Л.Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей / под науч. ред. А.В. Наумова. М., 2011. С. 48; Ковачев Д.А. Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах: сб. науч. тр. М., 2005. С. 60-61.

наступление последствий в виде разрушения, уничтожения фресок, перестройки объекта культурного наследия. «Незаконное использование» следует толковать как использование культурных ценностей не по назначению, что способно причинить им ущерб. Итальянское уголовное законодательство устанавливает ответственность и за контрабанду культурных ценностей. Как отмечает Л.Р. Клебанов, она выражается либо в незаконном вывозе (без лицензии или свидетельства), либо в невозвращении на территорию Италии культурных ценностей¹.

Законодательство Италии, помимо общих норм об охране объектов культурного наследия, содержит предписания, касающиеся непосредственно археологических ценностей. Так, согласно Единому тексту... уголовной ответственности подлежит лицо, нарушающее порядок ведения археологических работ. Статья 733 УК предусматривает ответственность за нанесение ущерба национальному археологическому, историческому или художественному достоянию².

Уголовный (Пенитенциарный) кодекс Эстонии также обеспечивает сохранность археологических ценностей, предусматривая как общий, так и специальный составы преступлений³: ст. 198 кодекса криминализует уничтожение или повреждение памятника культуры или объекта природы, охраняемого государством; ст. 199 – проведение, по сути, незаконных археологических раскопок под водой. Диспозиция данной нормы устанавливает запрет на совершение действий, направленных на извлечение, поднятие на поверхность жертв кораблекрушений, равно как и имущества. Достаточно своеобразным подходом видится в данном случае помещение указанных положений в статью с названием «Разорение могил или надругательство над памятью захороненных».

Представляет особый интерес законодательство об уголовно-правовой охране объектов археологического наследия в странах общего права. Так, в Великобритании отсутствует единый нормативный источник в сфере охраны памятников истории и культуры. Вместе с тем в государстве действует несколько нормативных актов (порядка 15), в той или иной мере регламентирующих пра-

¹ См.: Клебанов Л.Р. Указ. соч. С. 48.

² См.: Там же. С. 82.

³ Уголовный (Пенитенциарный) кодекс Эстонии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://constitutions.ru/?p=24972> (дата обращения: 27.12.2021 г.).

воотношения в сфере охраны объектов культурного наследия. Так, Закон о памятниках старины и археологических зонах 1979 г. содержит легальную дефиницию таких категорий, как «памятник» и «памятник старины» (ст. 61 Закона). Кроме того, данный закон устанавливает уголовную ответственность за целый ряд деяний: за осуществление без разрешения или разрешение проведения работ, в результате которых охраняемый памятник повреждается, разрушается, перемещается, затапливается либо уничтожается. Под запретом также находится и организация свалок на территории зарегистрированного памятника¹. Что касается умышленного разрушения или порчи охраняемых памятников, то они наказуемы согласно ст. 28 Закона². Особое внимание привлекает п. 1 ст. 35 Закона, устанавливающий уголовно-правовой запрет на осуществление без соответствующего разрешения в пределах археологической зоны работ, наносящих ущерб земляному покрову, затопительных работ, организацию свалок³.

Осуществлена криминализация деяний, посягающих на объекты культурного наследия, и в Законе о планировании городского и сельского строительства 1971 г. Так, согласно п. 1 ст. 57 Закона уголовное наказание влекут умышленные действия, создающие опасность порчи списочных строений. В соответствии с п. 5 ст. 55 Закона запрещено под угрозой наступления уголовной ответственности осуществление без разрешения или в нарушение условий такого разрешения сноса или перестройки списочного строения. Вместе с тем из данного запрета исключены строения, принадлежащие на праве собственности церкви или строения, используемые в культурных целях (п. 1 ст. 56 Закона 1971 г.)⁴.

В Великобритании также действует Закон от 1939 г. об экспорте, импорте и таможенных полномочиях. В частности, в нем определено, что допустим лишь вывоз культурных ценностей, не старше 50 лет создания, при наличии лицензии на вывоз и при условии, что стоимость предмета или их коллекции не более 16

¹ См.: Клебанов Л. Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей. С. 44.

² См.: Домрин А. Н. Охрана памятников истории и культуры в Великобритании // Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах. М., 2005. С. 41.

³ См.: Там же. С. 42.

⁴ Town and Country Planning Act 1971 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1971/78/contents/enacted> (дата обращения: 27.07.2021 г.).

тыс. фунтов стерлингов¹. В случае нарушения данных требований наступает уголовная ответственность, а культурные ценности конфискуются.

В Соединенных Штатах Америки также уделяется серьезное внимание вопросу уголовно-правовой охраны объектов культурного наследия. основополагающим источником в рассматриваемой сфере является Акт о культурных ценностях. В нем закреплено такое понятие, как «археологический и этнологический материал». К таковым отнесены объекты, представляющие археологический или этнологический интерес, имеющие культурное значение и насчитывающие более 250 лет существования, полученные в обязательном порядке либо в ходе научных раскопок, либо находки клада, либо изыскательских работ в земле или под водой. Особого внимания в свете осуществляемого исследования заслуживает Акт о защите археологических ресурсов США 1979 г., определяющий правовой режим предметов культуры, принадлежащих государству и индейским племенам. Установлен запрет на вывоз археологических ценностей с территории США и земель индейских племен. Криминализован и их сбыт. Согласно Директиве таможенной службы США 1982 г., археологический или этнологический материал, полученный в результате нелегальных раскопок, считается априори похищенным. Обращает на себя внимание специфика дифференциации уголовной ответственности за нарушение требований экспорта предметов археологического наследия. Квалифицирует деяние стоимость их восстановления (ремонта), превышающая 5000 долл.²; повторное его совершение³.

Более близкими к УК РФ по своему содержанию выступают источники уголовного права государств СНГ. В этой связи логично сопоставить их положения с аналогичными установлениями отечественного законодательства. Так, в Уголовном кодексе Республики Казахстан (далее – УК РК) специальных составов преступлений, образующих посягательства на объекты археологического

¹ Import, Export and Customs Powers (Defence) Act 1939. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/2-3/69> (дата обращения: 17.03.2021 г.). См. также: Вершков В. В. Особенности уголовного законодательства зарубежных стран, регулирующего вопросы охраны культурных ценностей // Экономика и право. XXI век. 2013. № 1. С. 160-167.

² См.: Клебанов Л.Р. Указ. соч. С. 51.

³ См.: Вершков В.В. Особенности уголовного законодательства зарубежных стран, регулирующего вопросы охраны культурных ценностей. С. 160-167.

наследия, не выделено. Вместе с тем охране культурных ценностей в данном государстве традиционно придается большое значение. Об этом свидетельствует существующая в РК правовая база – законы «О культуре»¹ и «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия»², иные нормативные правовые акты (в частности, целый ряд приказов Министра культуры и спорта РК³). Непосредственно уголовно-правовой охране культурных ценностей посвящены ст. ст. 167, 193, 196, 203 УК⁴. К числу криминализованных отнесены следующие деяния: умышленное использование вопреки международным договорам во время военных действий охранных знаков для культурных ценностей (ст. 167); хищение предметов или документов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурных ценность (ст. 193); приобретение или сбыт заведомо добытых преступных путем памятников истории, культуры, а также предметов, документов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность (ст. 196); умышленное уничтожение или повреждение памятников истории, культуры, природных комплексов или объектов, взятых под охрану государства, а также предметов или документов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность (ч. 1 ст. 203); незаконный вывоз культурных ценностей и объектов национального культурного достояния за пределы РК или их невозврат в РК (ч. 1-1 ст. 203). Указанные преступления размещены в разных главах УК РК, что предопределяет несовпадение содержания их родового и видового объектов.

¹ О культуре: Закон Республики Казахстан от 15.12.2006 г. № 207-III (ред. от 30.12.2020 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30081960 (дата обращения: 20.02.2022 г.).

² Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия: Закон Республики Казахстан от 26.12.2019 г. № 288-VI. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=34894354 (дата обращения: 20.02.2022 г.).

³ См., напр.: Об утверждении Правил определения охранной зоны, зоны регулирования застройки и зоны охраняемого природного ландшафта памятника истории и культуры и режима их использования: приказ Министра культуры и спорта РК от 14.04.2020 г. № 86. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34560866; Об утверждении Правил выявления, учета, придания и лишения статуса, перемещения и изменения, мониторинга состояния и изменения категории памятников истории и культуры: приказ Министра культуры и спорта РК от 15.04.2020 г. № 92. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35167387; приказ Министра культуры и спорта РК URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36146021; приказ Министра культуры и спорта РК URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32959245 (дата обращения: 20.02.2022 г.).

⁴ См.: Уголовный кодекс Республики Казахстан 2014 г. (по сост. на 10.01.2022 г.). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 20.02.2022 г.).

В законодательстве РК сохранена традиция внимательного отношения к вопросам дифференциации уголовной ответственности посредством структурирования квалифицированных и особо квалифицированных составов преступлений. Вместе с тем унифицированного подхода к их построению в УК РК не наблюдается. Так, в качестве оснований дифференциации уголовной ответственности применительно к указанным преступлениям названы такие обстоятельства, как совершение группой лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 193); путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом (ч. 2 ст. 203); причинение по неосторожности тяжкого или средней тяжести вреда здоровью (ч. 2 ст. 203); совершение по мотивам социальной, национальной, расовой или религиозной вражды (ч. 2 ст. 203). К особо отягчающим обстоятельствам законом отнесены: совершение преступной группой (ч. 3 ст. 193); уничтожение либо порча предметов или документов (ч. 3 ст. 193); к обстоятельствам исключительной тяжести – использование служебного положения (ч. 4 ст. 196); наступление по неосторожности смерти человека (ч. 3 ст. 203).

Весьма лаконичен в части охраны культурного наследия новый Уголовный кодекс Кыргызской Республики 2021 г.¹ В нем не только не содержатся отдельные нормы, посвященные защите объектов археологического наследия, но и вообще крайне ограничены рамки криминализации посягательств на сохранность памятников истории и культуры. К числу наказуемых отнесены лишь такие деяния, как вандализм, проявляющийся в осквернении охраняемых государством памятников истории, культуры либо природного объекта надписями, рисунками или иным способом (ст. 281); контрабанда культурных ценностей, выделенная в рамках контрабанды группы предметов, в отношении которых установлены специальные правила перемещения через таможенную границу Кыргызской Республики (ст. 285); превращение ясно опознаваемых исторических памятников, произведений искусства или мест отправления культа, которые являются культурным или духовным наследием народов, находящихся под защитой, в объект нападения либо их уничтожение или хищение; совершение в от-

¹ См.: Уголовный кодекс Кыргызской Республики 2021 г. (ред. от 18.01.2022 г.). URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112309?cl=ru-ru> (дата обращения: 20.02.2022 г.).

ношении этих ценностей актов вандализма при отсутствии военной необходимости, использование культурных ценностей, находящихся под усиленной защитой, либо непосредственно прилегающих к ним мест для поддержания военных действий при отсутствии военной необходимости; превращение этих ценностей либо непосредственно прилегающих к ним мест в объект нападения (п. п. 10, 11 ст. 413 «Преступные нарушения норм международного гуманитарного права»).

Обращает на себя внимание, что законодатели как Казахстана, так и Кыргызстана относят отдельные из рассматриваемых преступлений при определенных условиях к числу международных.

Отличается определенным своеобразием уголовно-правовая охрана культурного наследия в Республике Беларусь (далее – РБ)¹. В УК РБ не употребляется терминология «археологическое наследие», «памятники археологии». В статьях, криминализирующих посягательства на указанные объекты, используются обобщающие категории – «историко-культурные ценности» и «культурные ценности» (ст. 344, 345, 346 УК РБ). К числу наказуемых УК РБ относит такие деяния, как умышленное уничтожение либо повреждение историко-культурных ценностей или культурных ценностей (ст. 344); уничтожение, повреждение таких предметов, совершенные по неосторожности, либо их утрата вследствие небрежного хранения, повлекшие причинение ущерба в крупном размере (ст. 345); надругательство над историко-культурными ценностями (ст. 346). Таким образом, в этом источнике права, в отличие от иных, установлена уголовная ответственность и за совершенные по неосторожности посягательства на объекты культурного наследия. Круг обстоятельств, повышающих степень общественной опасности указанных деяний, белорусский законодатель очерчивает такими, как повторность (ч. 2 ст. 344); группой лиц (ч. 2 ст. 344); в отношении особо ценных историко-культурных или культурных ценностей (ч. 2 ст. 344, ч. 2 ст. 345, ч. 2 ст. 346); причинение ущерба в особо крупном размере (ч. 2 ст. 344, ч. 2 ст. 345); надругательство над памятниками защитникам Отечества (ч. 2 ст. 346).

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. (в ред. от 05.01.2022 г.) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (дата обращения: 20.02.2022 г.).

Подводя итог сопоставительному анализу уголовно-правовых норм ряда зарубежных государств об ответственности за преступления в сфере охраны археологического наследия, необходимо сделать акцент на следующих *выводах*:

– объекты археологического наследия выделены как самостоятельный предмет соответствующих преступлений в УК далеко не всех зарубежных государств; как правило, их защита осуществляется в рамках общих норм об ответственности за посягательства на сохранность объектов культурного наследия;

– система преступлений в сфере охраны объектов культурного наследия отличается разнообразием и отсутствием унифицированного подхода к криминализации в разных странах; наиболее обширная их система закреплена из числа подвергшихся анализу законодательств в УК Болгарии;

– по правовой конструкции они представлены чаще всего материальными составами (уничтожение, повреждение и т.п.), реже – формальными (незаконная выдача разрешений должностным лицом, сокрытие клада и др.);

– круг криминализуемых деяний уникален для разных государств; прежде всего, к наказуемым отнесены: похищение предметов культурного наследия (УК Болгарии, Италии, Литвы, ФРГ, Франции); их уничтожение, повреждение, разрушение (УК Болгарии, Литвы, ФРГ, Франции, Эстонии; законодательство Великобритании); неправомерный вывоз (УК Болгарии, Беларуси, Казахстана, Италии, США, ФРГ); причинение ущерба (УК Испании); продажа без разрешения; несообщение о факте обнаружения (УК Болгарии); незаконная выдача должностным лицом разрешения (УК Болгарии); незаконные работы; незаконное отчуждение (УК Италии); проведение в пределах археологической зоны незаконных работ и организация незаконных свалок (Великобритания); торговля ворованными предметами культурного наследия (США);

– перечень деяний, посягающих на сохранность археологических ценностей, тоже не унифицирован и включает: осуществление незаконных археологических раскопок, полевых, геофизических и подводных исследований памятника культуры с использованием при этом технических средств (УК Болгарии); нарушение порядка ведения археологических исследований (УК Италии); нанесение ущерба национальному археологическому достоянию (УК Италии); веде-

ние незаконных археологических раскопок под водой (УК Эстонии); осуществление без соответствующего разрешения в пределах археологической зоны проведения работ, которые наносят ущерб земляному покрову; проведение в пределах археологической зоны без разрешения затопительных работ; организация свалок (Великобритания); вывоз археологических ценностей (не находящихся в частной собственности) с этой территории и их сбыт (продажа) (США);

– субъективная сторона рассматриваемых преступлений выражается в большинстве случаев в умышленной форме вины; вместе с тем в ряде государств установлена ответственность и за неосторожные посягательства на объекты культурного наследия (УК РБ, РК, Литвы, Испании);

– субъект рассматриваемых преступлений общий, но в качестве квалифицирующего обстоятельства в ряде уголовных законов зарубежных государств указывается на должностное лицо (Болгария, Казахстан, Великобритания).

Зарубежный опыт дает почву для дальнейшей оптимизации дифференциации ответственности за рассматриваемые преступления в УК РФ, которая далеко не совершенна. Так, имеет под собой объективные основания осуществление более четкой градации ответственности за изучаемые посягательства в зависимости от наступивших последствий – причинение ущерба в особо крупном размере; по неосторожности тяжких последствий. Позитивен опыт законодателей РК (п. 1) ч. 2 ст. 203 УК) и Болгарии (ст. 330 УК) по усилению наказания за умышленное уничтожение или повреждение соответствующих предметов общепасным способом; за посягательства на объекты археологического наследия по экстремистским мотивам (ч. 2 ст. 203 УК РК). Позитивно оцениваем криминализацию в УК Болгарии несообщения о факте обнаружения памятника культуры или иной исторической находки (абз. 1 ст. 278а), проведения без разрешения затопительных работ; организацию свалок в Великобритании.

3 Преступления, посягающие на сохранность объектов археологического наследия (ст. ст. 164, 190, 226¹, 243, 243¹, 243², 243³ УК РФ): уголовно-правовой анализ, перспективы совершенствования законодательного описания их составов

3.1 Преступления против сохранности археологического наследия: понятие, предмет как консолидирующий их признак и система

Преступность в XXI в. охватила разные сферы жизнедеятельности общества. Одним из наиболее циничных ее проявлений являются посягательства на сохранность археологического наследия. Появившись впервые на рубеже XIX-XX вв., к середине 60-х гг. XX в. они получили беспрецедентное распространение, приобретая все более масштабные формы. Однако их правовая оценка не всегда отражает объективное содержание указанных деяний¹. Система преступлений, изучаемая в рамках данного исследования, формируется на основе единства их предмета. Благодаря трудам Н.С. Таганцева², А.А. Пионтковского³, П.Н. Панченко⁴, В.Н. Кудрявцева⁵, Г.А. Кригера⁶, В.Я. Тацья⁷ и других авторов были сформированы теоретические основы понимания предмета преступления.

¹ Так, в 2018 г. в прессе был обнародован факт разграбления царского кургана на окраине села Урвань в КБР. Нанесённый памятнику ущерб оценен в полмиллиарда рублей. При этом преступникам удалось избежать уголовного наказания. Действия копателей были квалифицированы по ч. 1 ст. 243 УК РФ. Но деяния виновного Ж. суд признал преступлением небольшой тяжести, соответственно, срок давности привлечения к ответственности за них к моменту судебного рассмотрения истек. Уголовное дело было прекращено // Как на Кавказе спасают от грабителей уникальные археологические объекты. [Электронный ресурс]. URL: https://news.rambler.ru/other/41019230/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=corylink (дата обращения: 06.09.2020 г.).

² Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая: в 2 т. Т. 1. СПб., 1902. М., 1994. С. 24.

³ Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 134.

⁴ Панченко П.Н. Исследование объекта и предмета преступления. Рецензия на книгу Коржанского Н.И. «Объект посягательства и квалификация преступлений» // Проблемы борьбы с преступностью: сборник научных трудов. Омск, 1979. С. 159-163.

⁵ Кудрявцев В.Н. К вопросу о соотношении объекта и предмета преступления // Советское государство и право. 1951. № 8. С. 51-60.

⁶ Кригер Г.А. К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве // Вестник Московского университета. 1955. № 1. С. 111-123.

⁷ Тацый В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков, 1988. С. 5.

Особое правовое значение имеет предмет и в составах преступлений, направленных против сохранности объектов археологического наследия. Вместе с тем анализ диспозиций ст. ст. 164, 190, 226¹, 243-243³ УК РФ свидетельствует о том, что при описании предмета названных преступлений законодатель прибегает к использованию нескольких терминологических конструкций: предметы или документы, имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную ценность (ст. 164 УК РФ); культурные ценности (ст. 190 и 226¹ УК РФ); объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов РФ, включенные в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, выявленные объекты культурного наследия, природные комплексы, объекты, взятые под охрану государства, или культурные ценности; археологические предметы (ст. 243-243³ УК РФ)¹. Указанными нормами обеспечивается уголовно-правовая охрана и объектов археологического наследия, однако законодатель, не называя их прямо в качестве предмета преступного посягательства, включает, тем не менее, в более широкие категории: предметы, имеющие особую историческую ценность; культурные ценности; объекты культурного наследия. Лишь в ст. 243² УК РФ в диспозиции названы археологические предметы.

Несмотря на близость смыслового содержания, очевидна и разность описательных подходов к предмету преступлений, посягающих на сохранность, в том числе, объектов археологического наследия. В этой связи возникает вопрос о целесообразности такого законодательного решения. При ответе на данный вопрос следует отталкиваться от таких постулатов уголовного права, как стремление к унификации, минимизации оценочных категорий и единству правоприменительной практики. Указанные нормы обладают спецификой, проявляющейся в бланкетном характере их диспозиций. Поэтому дополнительным источником толкования и уяснения последних являются нормативные установления иной отраслевой принадлежности. В России вопросам правовой регламентации охраны объектов культурного наследия посвящено несколько источни-

¹ См. также: Клебанов Л.Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 10.

ков: Федеральные законы от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ (ред. от 21.12.2021 г.) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», от 26.05.1996 г. № 54-ФЗ (ред. от 11.06.2021 г.) «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», Закон РФ от 15.04.1993 г. № 4804-1 (ред. от 08.12.2020 г.) «О вывозе и ввозе культурных ценностей»¹. Отдельные интересующие нас положения содержатся в Земельном и Гражданском кодексах РФ.

В рамках данного исследования системному анализу подвергаются вопросы уголовно-правовой охраны объектов археологического наследия. В этой связи уместно рассмотреть вопрос о соотношении указанных ранее понятий. Согласно ст. 3 Федерального закона № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 73-ФЗ) объекты археологического наследия включены в систему культурного наследия. Вместе с тем из этой нормы следует, что первые рассматриваются законодателем как особый вид объектов культурного наследия, требующий специфической законодательной регламентации. Поддерживается подобный подход и в отечественной правовой доктрине. Так, в частности, С.В. Гусев считает очевидным, что археологическое наследие требует специальных методов сохранения².

Российское законодательство оперирует тремя взаимосвязанными категориями: «объект археологического наследия», «археологические предметы», «культурный слой». Однако обращает на себя внимание, что непосредственно к объектам культурного наследия отнесена лишь первая из названных категорий (ч. 1 ст. 3 Федерального закона № 73-ФЗ). Логика подсказывает, что, соответственно, «археологические предметы» и «культурный слой» являют собой составные части более общего понятия – «объекты археологического наследия». Обратимся к более детальному их анализу. Согласно ст. 3 Федерального закона

¹ О вывозе и ввозе культурных ценностей: Закон РФ от 15.04.1993 г. № 4804-1 (ред. от 08.12.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1905/.

² Гусев С.В. Использование международного опыта для создания правовой базы по сохранению археологического наследия России // Охрана наследия за рубежом: опыт прошлого и современные проблемы: сб. ст. / отв. ред. Р.А. Мнацаканян. М., 1993. С. 19.

№ 73-ФЗ под объектом археологического наследия понимаются частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека в прошлых эпохах (включая все связанные с такими следами археологические предметы и культурные слои), основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки. Анализ приведенной дефиниции дает основание для следующих выводов. Прежде всего, отечественное законодательство идет по пути закрепления широкого определения объектов археологического наследия, что вряд ли оправданно, поскольку затрудняет процесс правоприменения. Так, рассматриваемая дефиниция опирается на такие оценочные категории, как «следы существования человека...», «культурный слой». Наиболее широкое понимание объектов археологического наследия предлагает В.С. Бочкарев, относя к ним как комплексы артефактов, так и их структуры ископаемого происхождения¹. В современной археологии все большее число авторов к рассматриваемой группе объектов относит и экофакты (остатки естественной среды обитания человека)². С подобным подходом вряд ли можно согласиться, поскольку он необоснованно расширяет содержание категории «объекты археологического наследия».

С критикой нормативной позиции выступали и другие авторы³. В частности, А.Н. Панфилов справедливо обращает внимание на то, что законодатель необоснованно расширяет круг объектов, составляющих археологическое культурное наследие⁴.

¹ Бочкарев В.С. О некоторых характерных чертах археологических памятников и археологических источников // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона (03.05.1929-19.02.2010). Труды ИИМК РАН. Т. XLII. СПб., 2014. С. 47-52.

² Гарден Ж.-К. Теоретическая археология / пер. с фр. Л.А. Лавлинской, Л.Е. Торшиной. М., 1983. С. 29.

³ См.: Кобзева Е.В. Незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания – новое преступное посягательство на нравственные основы культурной памяти // Человек: преступление и наказание. 2014. № 2 (85). С. 118; Козлова В.Н., Козлов В.Н. Соотношение понятий «объект культурного наследия» и «памятник истории и культуры» // Грамота. 2013. № 1 (27). С. 96-99.

⁴ Панфилов А.Н. Правовые понятия «объект археологического наследия», «археологические предметы», «культурный слой» в российском законодательстве и проблемы их правовой определенности // Проблемы гражданского права и процесса: сб. статей. Гродно, 2017. С. 145. См. также: Сидakov И.А. Некоторые вопросы понимания археологического наследия как предмета уголовно-правовой охраны // Евразийский юридический журнал. 2021. № 1

Еще один дискуссионный вопрос для современного права – вопрос о включении движимых предметов в систему объектов археологического наследия. Современные ученые-археологи едины во мнении о том, что в круг объектов археологического наследия входят как движимые, так и недвижимые предметы¹. Справедливо мнение А.Б. Шухободского о том, что культурные ценности могут быть представлены как движимыми, так и недвижимыми археологическими объектами².

Кроме того, обращает на себя внимание громоздкость и сложный характер дефиниции объектов археологического наследия, закрепленной в ст. 3 Федерального закона № 73-ФЗ. Предлагаем ее уточнить, изложив в следующей редакции: *«Под объектом археологического наследия понимаются археологические предметы, городища, курганы, грунтовые могильники, древние погребения, селища, стоянки, каменные изваяния, стелы, наскальные изображения, остатки древних укреплений, производств, каналов, судов, дорог, места совершения древних религиозных обрядов и культурные слои, частично или полностью скрытые в земле или под водой, основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки»*.

Определение правового статуса «движимых» артефактов законодатель осуществляет через закрепление категории «археологические предметы». Данный подход также вызывает критику отечественных ученых-правоведов, которые отстаивают парадигму отнесения к объектам археологического наследия лишь недвижимых объектов³. Помимо этого, исходя из ст. 3 Федерального закона №73-ФЗ, не представляется возможным четко определить круг движимых предметов, которые ею охватываются. В ч. 2 ст. 3 названного закона к ним отнесены городища, курганы, грунтовые могильники, древние погребения, селища, стоянки, каменные изваяния, стелы, наскальные изображения, остатки древ-

(152). С. 294.

¹ Амальрик А.С., Монгайт А.Л. В поисках исчезнувших цивилизаций. М., 1959. С. 144; Матюшин Г.Н. У колыбели истории: пособие для учителей. М., 1972. С. 15-17.

² Шухободский А.Б. Объект археологического наследия как отдельный феномен культурных ценностей // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). 2011. № 4. С. 136.

³ См.: Пронина Е.Н. Правовая деятельность Российского государства в сфере сохранения культурного достояния в XIX-XX вв.: историко-теоретическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 39.

них укреплений, производств, каналов, судов, дорог, места совершения древних религиозных обрядов, отнесенные к объектам археологического наследия культурные слои. В частности, буквальное толкование содержания нормы свидетельствует о включении в предметы археологии и объектов естественной среды. Вместе с тем логика подсказывает, что такой подход недопустим. В данном случае возникает смысловой диссонанс, обусловленный тем, что, с одной стороны, археологический предмет является более узким понятием по сравнению с объектом археологического наследия и по логике должен в него входить как составная часть, с другой стороны, последний, согласно закону, не включает недвижимые объекты. Кроме того, поскольку законодатель относит артефакты и экофакты к археологическим предметам, то они шире, чем понятие «объекты археологического наследия». Такое противоречие недопустимо и нуждается в устранении. Полагаем, что более верной является позиция, согласно которой к объектам археологического наследия должны быть отнесены все объекты, обнаруженные под землей или водой и отвечающие признакам исторической или культурологической ценности, древности (созданы не ранее 100 лет назад).

Для оценки законодательной дефиниции объектов археологического наследия обратимся к анализу их признаков, которые выделяются отечественными учеными. Обращает на себя внимание отсутствие унифицированного подхода к данному вопросу. Так, к отличительным признакам объекта археологического наследия в российских доктринальных источниках отнесены следующие: 1) это материальные, объективно существующие остатки жизнедеятельности человека в прошлом¹; 2) они частично или полностью скрыты в земле или под водой²; 3) хронология возникновения объекта археологического наследия со-

¹ См.: Александрова М.А. Актуальные правовые аспекты археологической деятельности // Закон. 2006. № 7. С. 124-133; Зубенко Ю.С. Археологические предметы и археологические находки: сравнительно-правовой анализ // Хозяйство и право. 2015. № 4. С. 97-101; Панфилов А.Н. Правовые понятия «объект археологического наследия», «археологические предметы», «культурный слой» в российском законодательстве и проблемы их правовой определенности. С. 145 и др.

² См.: Бочкарев В.С. О некоторых характерных чертах археологических памятников и археологических источников. С. 47-52; Каменский С.Ю. Археологические памятники как объекты культурного наследия: аксиологический аспект // Известия Уральского государственного университета. 2008. № 55. Серия 2 «Гуманитарные науки». Выпуск 15. С. 17; Мартыненко И.Э. Классификация памятников археологического наследия // Вестник Евразийского нацио-

ставляет не менее 100 лет (п. 12 ст. 18 Федерального закона № 73-ФЗ); 4) все объекты археологического наследия относятся исключительно к федеральному уровню (ст. 4 Федерального закона № 73-ФЗ); 5) объекты археологического наследия считаются выявленными объектами культурного наследия со дня их обнаружения лицом, получившим разрешение (открытый лист) на проведение работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия (ч. 16 ст. 16.1 Федерального закона № 73-ФЗ); 6) все объекты археологического наследия, а также все археологические предметы, залегающие на поверхности земли, в земле или под водой, находятся исключительно в государственной собственности (ч. 3 ст. 49 Федерального закона № 73-ФЗ), и отчуждению из государственной собственности не подлежат (ч. 1 ст. 50 Федерального закона № 73-ФЗ). В целом, общий анализ указанных подходов дает основание для вывода о том, что для отечественного законодательства характерно закрепление правового режима объектов археологического наследия как имущества.

Согласно ст. 3 Федерального закона №73-ФЗ отличительный признак объектов археологического наследия в том, что основным или одним из основных источников информации о них независимо от обстоятельств их обнаружения являются археологические раскопки или находки. Названные объекты с момента их обнаружения признаются государственной собственностью.

Указанные признаки, нашедшие отражение в легальной дефиниции объектов археологического наследия, позволяют определить пределы правовой регламентации охраны объектов археологического наследия. В частности, в уголовно-правовом аспекте – отграничить посягательства на указанные объекты от экологических преступлений. Приведенные признаки являются объективным основанием для выделения посягательств на сохранность объектов археологического наследия в отдельную группу. Специфика предмета посягательства в данном случае позволяет систематизировать разбросанные по различным главам УК РФ составы преступлений в единую группу – преступления против сохранности объектов археологического наследия. В силу специфики предмета данные

деяния и выделены в самостоятельные составы.

Другая категория, используемая законодателем, – предмет археологического наследия. Согласно ст. 3 Федерального закона №73-ФЗ отличительный признак этих предметов заключается в том, что основным или одним из основных источников информации о них независимо от обстоятельств их обнаружения являются археологические раскопки или находки. Помимо этого, к признакам археологических предметов ученые относят такие, как музеефицированность (наличие статуса музейных предметов) и изъятость из раскопов¹. Такой вывод проистекает из положений действующего законодательства РФ. Так, согласно ч. 13 ст. 45.1 Федерального закона № 73-ФЗ исполнитель археологических полевых работ в течение 3 лет со дня окончания срока действия разрешения (открытого листа) обязан передать в порядке, установленном федеральным органом охраны объектов культурного наследия, все изъятые археологические предметы в государственную часть Музейного фонда РФ. Следовательно, с точки зрения уголовно-правовой охраны рассматриваемых объектов, важно отметить, что до момента включения предметов археологии в Музейный фонд они являются неотъемлемой частью объекта археологического наследия. В правоприменительной практике возникает проблема при квалификации хищений предметов археологического наследия, входящих в музейную коллекцию. Особенно актуален данный вопрос в ракурсе действующей редакции ст. 164 УК РФ, поскольку в ней идет речь лишь о предметах, имеющих особую историческую или культурную ценность. В этой связи возникает вопрос о квалификации хищения отдельных предметов коллекции, которые не обладают таковой ценностью по отдельности, однако коллекция в целом признается особо ценной. Отечественные ученые обращают внимание на то, что в правоприменительной практике отсутствует единообразная позиция относительно привлечения к ответственности в случаях, когда предмет, хотя и относится к перечню

¹ См.: Шухободский А.Б. Объект археологического наследия как отдельный феномен культурных ценностей // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2011. № 4. С. 139.

культурных ценностей, однако рыночной стоимости не имеет¹. Можно ли признать в данном случае коллекцию археологических предметов в качестве «сложной вещи» согласно ст. 134 ГК РФ? Думается, что, исходя не из экономического критерия, а культурологического, подобное правило применимо в данном случае. Следовательно, похищение даже одного археологического предмета из целостной коллекции необходимо квалифицировать по ст. 164 УК РФ.

Таким образом, к числу дискуссионных относится вопрос об отнесении к археологическим предметам как движимых, так и недвижимых предметов, а также о включенности в них «экофактов». В этой связи необходимо внести уточнение в ст. 3 Федерального закона №73-ФЗ и закрепить в ней следующее определение археологических предметов: *«Археологическими предметами являются артефакты, изъятые в результате археологических раскопок или археологической находки и переданные компетентным федеральным органом охраны объектов культурного наследия в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации»*.

В публикациях отечественных ученых справедливо обращено внимание на то, что действующее законодательство поставило на повестку дня новые проблемы понятийного аппарата в сфере охраны археологического наследия, требующие осмысления и обобщения². Так, в российском законодательстве не нашел закрепления такой термин, как «археологическая находка», определение юридического статуса которой крайне важно для обеспечения правовой защиты археологического наследия РФ. Между тем, его доктринальное осмысление уже осуществлено представителями археологической науки. Так, Ю.С. Зубенко к археологическим находкам отнесены найденные в земле, вовлеченные в гражданский оборот движимые культурные ценности, обладающие признаком уни-

¹ См.: Диканов К.А. Борьба с преступными посягательствами на культурные ценности: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 16.

² См., напр.: Панфилов А.Н. Правовые понятия «объект археологического наследия», «археологические предметы», «культурный слой» в российском законодательстве и проблемы их правовой определенности. С. 145.

кальности¹. По мнению автора, археологический предмет и археологическая находка – категории взаимоподчиненные, причем первое понятие более широкое. В связи с этим заслуживает критической оценки подход, согласно которому понятие «археологические находки» может рассматриваться как синонимичный термину «археологические предметы»². На взгляд Л.С. Клейн, находка – это обладающие признаков портативности вещи или разрозненные части вещей³. Хотя и в меньшей мере, но все же и в юридической доктрине поднимается вопрос о правовой природе археологической находки⁴. Если обратиться к гражданскому законодательству, то согласно ст. 227 ГК РФ находка – это потерянная вещь. Применительно к сфере археологии более уместно рассматривать археологическую находку как случайно найденный артефакт. Признак случайности является определяющим, поскольку целенаправленный поиск образует иной правовой режим, а именно – режим клада (ст. 233 ГК РФ). Вместе с тем в данной норме также присутствует пробел, связанный с отсутствием регламентации правового режима клада для предметов, добытых под водой. В этой связи необходимо внести коррективы соответствующего содержания в указанную норму. Обязательным признаком клада является значительная материальная или культурная ценность.

Вместе с тем нельзя поддержать Ю.С. Зубенко в том, что определяющим признаком археологической находки следует признавать свойство удовлетворять как духовные, так и материальные потребности⁵. Особая правовая защита объектов археологического наследия в РФ как раз и направлена на исключение потребительского отношения к ним. В преамбуле Федерального закона № 73-ФЗ четко определено, что он направлен на реализацию конституционного права каждого на доступ к культурным ценностям и конституционной обязанности

¹ Зубенко Ю.С. Гражданско-правовой режим археологических находок: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2015. С. 11.

² См.: Панфилов А.Н. Указ. соч. С. 147.

³ Клейн Л.С. Археологические источники: учеб. пособие. Л., 1978. С. 97.

⁴ См.: Сергеев А.П. Гражданско-правовая охрана культурных ценностей в СССР. Л., 1990. С. 13; Горбачев В.Г., Растопчин В.Г., Тищенко В.Н. Культурные ценности: понятие, порядок приобретения, хранения и обращения: справ. пособие. М., 1994. С. 3; Зубенко Ю.С. Правовое понятие и сущность археологических находок // Современное право. 2010. № 3. С. 73-77.

⁵ Зубенко Ю.С. Правовое понятие и сущность археологических находок. С. 74.

каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры.

Таким образом, *под археологической находкой следует понимать случайно (вне рамок плановых археологических раскопок) найденные под землей или водой объекты археологического наследия.* Важным видится вопрос о гражданско-правовой характеристике указанных объектов. Ошибочной следует признать позицию, согласно которой археологическая находка не ограничена в гражданско-правовом обороте¹. Ограниченный гражданско-правовой оборот археологической находки устанавливается прямым предписанием ч. 3 ст. 49 и ч. 1 ст. 50 Федерального закона № 73-ФЗ.

Анализ представленных позиций дает основание для вывода о необходимости закрепления в законодательстве легальной дефиниции археологической находки, поскольку она обладает теоретико-прикладной спецификой, имеющей значение для правовой охраны объектов культурного наследия. Значимость предлагаемой новеллы связана еще и с тем, что категория «находка» употребляется законодателем при раскрытии содержания понятия «объекты археологического наследия». При этом находка противопоставляется археологическим раскопкам. От четкости употребления указанной категории, на наш взгляд, будет зависеть привлечение к ответственности по ст. 243² УК РФ. В этой связи ошибочно понимание объекта археологического наследия как следов существования человека в прошлом, обнаруженных исключительно в ходе археологических раскопов в форме полевых работ². Напротив, законодатель прямо указывает, что признание объекта археологического наследия таковым не зависит от того, получен он в результате легально осуществляемой археологической раскопки или случайной находки.

Важной характеристикой объекта культурного наследия выступает его так называемая «древность». В законе ее критерием названо время существования – не менее 100 лет. Так, Л.С. Клейн обращает внимание на то, что чем древнее ар-

¹ См.: Зубенко Ю.С. Правовое понятие и сущность археологических находок.

² См.: Там же.

хеологические объекты, тем они вещественнее¹. Как справедливо указывает Ю.Н. Захарук, «археология не была и не может быть наукой о современности»². В свою очередь И.Е. Забелин отмечает, что предмет археологии есть древность³. Большинство авторов в значение категории «древность» включает не только временной промежуток, но и разрыв в традиции, то есть такая утрата логической взаимосвязи событий и предметов, которая требует системного анализа мест обнаружения, разрозненных фрагментов, а также их смыслового значения и прикладного назначения⁴.

Согласно ст. 3 Федерального закона № 73-ФЗ к самостоятельному виду объектов археологического наследия отнесен «культурный слой» – слой в земле или под водой, содержащий следы существования человека, время возникновения которых превышает сто лет, включающий археологические предметы. В этой связи не вполне ясна логика законодателя, опирающегося в приведенной дефиниции на категорию «археологические предметы», вместо более уместной и логически выверенной – «объекты археологического наследия». При таком подходе значительно сужается содержание категории «культурный слой», поскольку из него исключаются недвижимые объекты. Помимо этого, такой подход законодателя идет вразрез с толкованием рассматриваемой категории, выработанным в археологической науке. Так, к культурному слою большинство авторов относит систему органических и строительных остатков (напластований) – результат деятельности предыдущих поколений⁵. Поэтому логичнее определять его понятие через категорию «объекты культурного наследия».

Как отмечено ранее, в ст. ст. 190, 226¹, 243 УК РФ используется такая се-

¹ Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию. Книга 1: Метаархеология: учеб. пособие. СПб., 2004. С. 131-132.

² Захарук Ю.Н. Спорные вопросы объекта и предмета археологии // КСИА. Вып. 152. М., 1978. С. 13.

³ См.: Забелин И.Е. В чем заключаются основные задачи археологии, как самостоятельной науки? // Труды третьего Археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. Т. 1. Киев: Типогр. Императорского универс. Св. Владимира, 1878. С. 1-2; Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700-1971 гг. СПб., 1992. С. 14.

⁴ См.: Клейн Л. С. Введение в теоретическую археологию. Книга 1. С. 127.

⁵ Авдусин Д. А. Полевая археология СССР: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1980. С. 25; Амальрик А.С., Монгайт А.Л. Указ. соч. С. 165; Мартыненко И.Э. Правовая охрана археологического наследия Украины // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія «Юриспруденція». 2013. № 5. С. 129.

мантическая конструкция, как «культурные ценности». Однако ее смысловое содержание, закрепленное в отечественном законодательстве в абз. 3 ст. 3 Основ законодательства Российской Федерации о культуре¹, вызывает дискуссии. Достаточно детальное описание, свойственное соответствующей дефиниции, не избавило ее от явных недостатков и противоречий. Так, многие авторы высказываются с резкой критикой легального определения категории «культурные ценности»². Основная претензия состоит в том, что включение в круг культурных ценностей помимо материальных и нематериальных объектов (в частности, нравственных и эстетических идеалов, норм и образцов поведения, языков, диалектов и пр.), делает их правовую охрану эфемерной и декларативной. Что касается границ охвата объектов правовой охраны, то в рассматриваемую категорию законодатель включил необоснованно широкий круг таковых. Однако, с точки зрения четкого определения внутренних пределов защиты культурных ценностей, в анализируемой дефиниции просматривается ни на чем не основанная фрагментарность. Например, в части охраны научных открытий, предметов, хотя и не имеющих исторической ценности, но обладающих научной ценностью. Кроме того, она не коррелирует с понятиями, закрепленными в других нормативных источниках (например, в Федеральном законе № 73-ФЗ).

Дефиниция «культурные ценности» нашла закрепление и в ст. 5 Федерального закона «О ввозе и вывозе культурных ценностей», где определено, что это движимые предметы материального мира независимо от времени их создания, имеющие историческое, художественное, научное или культурное значение. Что касается понятия «культурные ценности, имеющие особое значение», то под ними в законе понимаются ценности, отнесенные в соответствии с критериями, установленными Правительством РФ, к культурным ценностям, имеющим особое историческое, художественное, научное или культурное значение. Следовательно, исходя из данных понятий, вытекает вывод о том, что уголовно-

¹ Основы законодательства Российской Федерации о культуре: утв. Верховным Советом РФ 09.10.1992 г. № 3612-1 (ред. от 01.04.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/.

² Жигалов С.В. Понятие «культурные ценности»: плюрализм подходов // Право и современное государство. 2017. № 5. С. 19.

правовой охране в рамках ст. 164, 190 и 226¹ УК РФ подлежат лишь движимые объекты материального мира, обладающие определенной культурной, исторической или художественной ценностью.

В рамках данного исследования важным представляется вопрос о соотношении понятий «культурные ценности» и «объекты археологического наследия». Безусловно, эти категории соотносятся как часть и целое. Однако это соотношение имеет многомерный, а не линейный характер. Объекты археологического наследия как исторические ценности, имеющие особое культурное значение, безусловно включены в систему культурных ценностей РФ. С другой стороны, объекты археологического наследия, как было отмечено ранее, это и движимые, и недвижимые объекты. В этом аспекте данная категория содержательно шире, нежели понятие «культурные ценности». Думается, что подобные сложности толкования не способствуют высокому качеству правоприменения, поскольку создают определенную путаницу и логический диссонанс.

В этой связи, несмотря на наличие легально закрепленной дефиниции культурных ценностей, представители уголовно-правовой доктрины предпринимают попытки ограничить ее применение лишь сферой ввоза и вывоза указанных ценностей, отмечая, что подобное их понимание не применимо для целей уголовного права. Почвой для подобных предложений выступает ограничительный подход к термину «культурные ценности» в отечественном законодательстве, что не соответствует международной практике. В целом ряде международных источников в круг рассматриваемых объектов включены как движимые, так и недвижимые ценности¹. Таким образом, в международном праве закреплена более широкая и объективно отражающая сущность категории «культурные ценности» дефиниция. Действительно, нет определенной логики в ис-

¹ См.: ст. 1 Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Гаага, 14 мая 1954 г.) // Официальный сайт Международного комитета Красного креста. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/treaties-cultural-properties-140554.htm>; ст. 1 Конвенции о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (заключена в г. Париже 14.11.1970 г.) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLIV. М., 1990. С. 506-513; Рекомендация ЮНЕСКО «О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного вывоза, ввоза и передачи права собственности на культурные ценности» (принята в г. Париже 19.11.1964 г. на 13-ой сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО) // Свод нормативных актов ЮНЕСКО. М., 1991. С. 319-322.

ключении из их круга недвижимых объектов. Думается, что подобный диссонанс необходимо устранить, приведя национальное законодательство в соответствие в международным.

В теории уголовного права представлены различные подходы к определению отличительных признаков «культурных ценностей», которые выходят за рамки ранее представленной легальной дефиниции. К числу таковых, в частности, относят: старину (В.В. Братанов¹, А.К. Мукашев²); уникальность (В.В. Братанов, Р.Б. Булатов³, А. К. Мукашев); искусственное происхождение путем опосредованного труда человека (Е. Александров⁴, В.В. Братанов, Р.Б. Булатов, Ю.Ю. Ткачев⁵, А.И. Чудинов⁶, С.А. Фомичев⁷); статус памятника истории или культуры, охраняемого государством (В.В. Братанов); общероссийскую, федеральную или международную значимость (В.В. Братанов, А.К. Мукашев, Ю.Ю. Ткачев); повышенную потребительскую стоимость (уровень цен на рынке, высокий спрос) (В.В. Братанов, А. К. Мукашев, Ю.Ю. Ткачев); культурную ценность (А.К. Мукашев); это образцы культуры, характеризующие историческую эпоху; направленность на совершенствование личности (С.А. Фомичев); связь между поколениями (Р.Б. Булатов).

В доктринальных источниках предпринимались попытки и полного отказа от рассматриваемой категории. Так, вряд ли позитивно можно оценить предложение, высказанное А.А. Ахметзяновым, о ее замене на понятие «культурная

¹ Братанов В.В. Хищение культурных ценностей: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. С. 44.

² Мукашев А.К. Проблемы уголовной ответственности за хищение предметов и документов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность (по материалам Республики Казахстан): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 16.

³ Булатов Р.Б. Культурные ценности: правовая регламентация и юридическая защита: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1995. С. 45-46.

⁴ Александров Е. Международно-правовая защита культурных ценностей и объектов. София, 1978. С. 9-10.

⁵ Ткачев Ю.Ю. Хищение предметов, имеющих особую ценность: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 96.

⁶ Чудинов А.И. Защита культурных ценностей от незаконных ввоза, вывоза за пределы государств и передачи права собственности на них: дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1990. С. 28.

⁷ Фомичев С.А. Контрабанда культурных ценностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 9.

собственность»¹. В предлагаемом определении акцент делается на гражданско-правовой сущности рассматриваемых предметов. Однако в прикладном аспекте они подлежат правовой охране, в первую очередь, не как объекты собственности, подчиняющиеся принципам вещного права, а как объекты особого рода – обладающие значительным историческим и культурологическим значением. Кроме того, эти предметы обладают режимом ограниченного гражданско-правового оборота.

Помимо попыток расширительного толкования категории «культурные ценности», в уголовно-правовой науке критическому анализу подвергнуты формулировки, используемые в диспозициях статей Особенной части УК РФ, в которых закреплены признаки составов преступлений, посягающих на сохранность археологического наследия. Так, следует поддержать негативные оценки содержания диспозиции ст. 164 УК РФ, поскольку в ней законодатель прибегает к необоснованно широкому описанию предмета преступления². В данном случае достаточно указать на краткое и имеющее легальное толкование понятие – «культурные ценности». Единообразный подход к границам охвата данной группы предметов и унификация понятийного аппарата в отношении категории «культурные ценности» позволит усовершенствовать юридическую конструкцию составов преступлений, и, в конечном счете, оптимальное правоприменение³. Преследуя цель оптимизации и унификации языка уголовного закона, многие авторы высказываются в пользу закрепления в примечании к ст. 164 УК РФ понятия «культурные ценности»⁴. Однако думается, что подобный путь

¹ Ахметзянов А.А. Международно-правовая защита культурных ценностей в случае вооруженного конфликта: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 66.

² См.: Афонин И.Б. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 14; Братанов В.В. Указ. соч. С. 44; Гайдашов А.В. Уголовная ответственность за хищения предметов, имеющих особую историческую, научную или культурную ценность: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 58; Мукашев А.К. Указ. соч. С. 16.

³ Глазков К.А. Уголовно-правовое значение понятия «культурные ценности» при совершении хищения предметов, имеющих особую ценность // Научный форум: юриспруденция, история, социология, политология и философия: сб. статей по материалам XXVII международной научно-практической конференции (г. Москва, 08.04. 2019 г.). М., 2019. С. 87.

⁴ См.: Афонин И.Б. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 63; Беспалько В.Г. Понятие и признаки культурных ценностей как предметов преступлений // Журнал российского права. 2005. № 3. С. 73; Его же. Уголовная ответственность за невозвращение культурных ценностей из-за границы // Закон. 2006. № 6.

нельзя признать оптимальным. Заслуживает внимания предложение А.К. Князькиной о необходимости закрепления рассматриваемого понятия в специальном законе о культурных ценностях¹. По нашему мнению, основываясь на принципах межотраслевой дифференциации, следует уточнить сообразно общемировой практике дефиницию «культурные ценности» в абз. 3 ст. 3 Основ законодательства Российской Федерации о культуре.

Таким образом, *система преступлений против сохранности археологического наследия РФ* представляет собой совокупность объединенных общим предметом посягательства преступных деяний, причиняющих вред общественным отношениям, складывающимся в сфере обеспечения сохранности, охраны и использования частично или полностью скрытых в земле или под водой следов существования человека в прошлых эпохах (включая все связанные с такими следами археологические предметы и культурные слои), основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки. Данная группа преступлений не структурирована в УК РФ в рамках единой главы, что следует признать упущением, так как де факто преступные деяния, закрепленные в ст. ст. 164, 190, 226¹, 243, 243¹, 243², 243³ УК РФ, посягают на один объект – общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения сохранности, охраны и использования объектов археологического наследия.

Уголовный кодекс РФ устанавливает противоправность и наказуемость ряда наиболее опасных деяний в области сохранности археологического наследия, чем вносит свой значительный вклад в обеспечение защиты духовной без-

С. 55; Вершков В.В. Уголовная ответственность за невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 43, 167; Гайдашов А.В. Уголовная ответственность за хищения предметов, имеющих особую историческую, научную или культурную ценность: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 43-44; Давлетшина О.В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2003. С. 10, 25, 183; Медведев Е.В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. С. 104, 144; Сабитов Т.Р. Охрана культурных ценностей: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2002. С. 80, 127.

¹ Князькина А.К. Культурные ценности: что под ними понимается в международном и уголовном праве // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 2. С. 194.

опасности социума от преступных посягательств. Всего в УК РФ выделено семь преступлений, непосредственно посягающих на сохранность археологического наследия. Следовательно, можно с полной уверенностью говорить о формировании в действующем уголовном законе РФ института уголовной ответственности за посягательства на сохранность археологического наследия народов России. Наличие в законе норм, предусматривающих ответственность за названные деяния, свидетельствует о наличии множества элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом и образующих определенную целостность, единство¹. Все указанные преступления объединяет общность предмета посягательства – объекты археологического наследия.

Проблема систематизации указанных преступлений имеет несколько аспектов: определение их перечня; определение их места в системе Особенной части УК РФ; определение внутренней системы посягательств на сохранность объектов археологического наследия. основополагающим принципом построения Особенной части УК РФ выступает систематизация составов на основе классификационного признака – объекта преступления. Именно он характеризует общность социально-правовой природы тех или иных деяний, криминализуемых в УК РФ. Внутренняя структура кодекса основывается на иерархии их общественной опасности.

Итак, обладает несомненной общностью юридическая природа преступлений, посягающих на сохранность объектов археологического наследия. Прежде всего, она предопределена содержанием их объекта, то есть совокупностью общественных отношений, складывающихся в сфере обеспечения сохранности, охраны и использования объектов археологического наследия². Систему названных преступлений в УК РФ можно представить следующим образом: 1) посягательства, связанные с нарушением установленного законом порядка владения и пользования объектами археологического наследия (ст. ст. 164, 190, 226¹, 243¹); 2) посягательства, связанные с нарушением установленного порядка

¹ См.: Малый академический словарь. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981-1984. [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/mas/> (дата обращения: 20.08.2020 г.).

² См. также: Российское уголовное право: учебник: в 2 т. / под ред. Э.Ф. Побегайло. М., 2008. Т. 2: Особенная часть. С. 240.

обеспечения физической сохранности объектов археологического наследия (ст. ст. 243, 243¹); 3) посягательства, связанные с нарушением установленного порядка поиска и изъятия объектов археологического наследия (ст. 243², 243³)¹.

Осуществленный анализ показал отсутствие унифицированного подхода к легальному описанию предмета рассматриваемых преступлений как в УК РФ, так и в источниках права специальной отраслевой принадлежности.

Действующее законодательство обладает как внешними, так и внутренними коллизиями относительно описания предметов, попадающих в рамки правовой защиты в сфере обеспечения интересов национальной безопасности в области культуры. В этой связи следует уточнить дефиницию объекта археологического наследия, изложив ее в следующей редакции: *«Под объектом археологического наследия понимаются археологические предметы, городища, курганы, грунтовые могильники, древние погребения, селища, стоянки, каменные изваяния, стелы, наскальные изображения, остатки древних укреплений, производств, каналов, судов, дорог, места совершения древних религиозных обрядов и культурные слои, частично или полностью скрытые в земле или под водой, основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки»*.

Помимо этого, ст. 3 Федерального закона №73-ФЗ необоснованно включает в предметы археологии объекты естественной среды – «экофакты». Поэтому необходимо внести уточнение в названную норму, закрепив следующее определение археологических предметов: *«Археологическими предметами являются артефакты, изъятые в результате археологических раскопок или археологической находки и переданные компетентным федеральным органом охраны объектов культурного наследия в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации»*. Подлежит уточнению и дефиниция культурного слоя: *«Под культурным слоем понимается слой в земле или под водой, содержащий следы существования человека, время возникновения которых превышает сто лет, включающий объекты культурного наследия»*. Кроме этого, в абз. 5

¹ См.: Мельниченко Н.Н. Преступления против археологического наследия: понятие и система (ст. 164, 190, 226¹, 243, 243¹, 243², 243³ УК РФ) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 4. С. 133-137.

ст. 3 №73-ФЗ необходимо закрепить понятие археологической находки: *«Под археологической находкой следует понимать случайно (вне рамок плановых археологических раскопок) найденные под землей или водой объекты археологического наследия».*

Нуждается в корректировании понятие культурных ценностей: *«Культурные ценности – движимые и недвижимые объекты материального мира, созданные человеком и представляющие особое значение для истории, литературы, искусства и науки народов Российской Федерации. Культурные ценности составляют объекты культурного и археологического наследия, научные открытия и изобретения, произведения литературы и искусства, являющиеся культурным достоянием народов Российской Федерации».* Таким образом, данной категории придается более широкий охват, нежели понятию «объекты культурного наследия», закрепляется более широкое ее содержание, поскольку в него включаются как движимые, так и недвижимые объекты.

В целях унификации языка уголовного закона при описании предмета посягательств на сохранность объектов археологического наследия следует оперировать единой терминологией, включая категорию «культурные ценности», отказавшись от употребления иных сочетаний, используемых в УК РФ. Единообразный подход к границам охвата данной группы предметов и унификация понятийного аппарата позволят усовершенствовать юридическую конструкцию составов рассматриваемых преступлений¹.

Правовая природа предмета преступлений посягательств на сохранность объектов археологического наследия, раскрывается через его признаки, определенные нами в данном разделе работы.

Таким образом, предмет преступления выступает в качестве консолидирующего признака преступлений, посягающих на сохранность археологического наследия. Его специфика позволяет систематизировать «разбросанные» по

¹ См.: Мельниченко Н.Н. К вопросу об унификации терминологии уголовного закона в нормах, устанавливающих ответственность за посягательства на сохранность объектов археологического наследия // Гуманитарные социально-экономические и общественные науки. 2020. № 8. С. 90-95.

различным главам УК РФ составы преступлений в единую группу с обособлением их в структуре Особенной части кодекса в рамках отдельной главы.

3.2 Объект преступлений, посягающих на сохранность археологического наследия

Как было отмечено ранее, система преступлений, посягающих на сохранность объектов археологического наследия, сложна и представлена несколькими составами преступлений. Отличительной чертой последних является то, что их родовой и видовой объекты разнятся согласно тому, к кругу каких общественных отношений законодатель относит предмет того или иного посягательства¹.

Вместе с тем в уголовно-правовой доктрине обосновывается необходимость уточнения *de iure* содержания родового объекта составов преступлений рассматриваемой группы. Так, по мнению О.В. Давлетшиной, духовная, экономическая и национальная безопасность выступают родовым объектом рассматриваемой группы преступлений². Не соглашаясь с подобной формулировкой в целом, все же следует поддержать саму постановку вопроса, так как действительное содержание родовых и видовых объектов рассматриваемых преступлений иное, нежели определенное законодателем в Особенной части УК РФ. В обоснование данной точки зрения приведем следующие аргументы.

Система родовых объектов указанных преступлений согласно действующей редакции кодекса охватывает две группы общественных отношений: в сфере экономики и в сфере обеспечения общественной безопасности и общественного порядка. Совокупность их видовых объектов более многопланова: отношения собственности (ст. 164 УК РФ); общественные отношения в сфере осуществления экономической деятельности (ст. 190 УК РФ); общественные отношения в сфере обеспечения общественной безопасности (ст. 226¹ УК РФ); общественные отношения в сфере обеспечения здоровья населения и обществен-

¹ См.: Афонин И.Б. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 13.

² Давлетшина О.В. Указ. соч. С. 52-53.

ной нравственности (ст. ст. 243, 243¹, 243², 243³ УК РФ).

В отечественной уголовно-правовой доктрине вопрос об обоснованности подобного решения законодателя оценивается диаметрально противоположно. Одни авторы оправдывают размещение рассматриваемых преступлений в разных разделах и главах Особенной части УК РФ превалирующей степенью общественной опасности¹. Кроме того, Е.В. Медведевым предлагается исключить ст. 164 из УК РФ с одновременным дополнением ст. 158-162 таким квалифицирующим признаком, как «в целях завладения культурными ценностями», а ч. 3 ст. 163 пунктом «в целях получения культурных ценностей»².

Целый ряд авторов критически оценивает современную структуру УК РФ относительно расположения посягательств на объекты археологического наследия. В основу своих контраргументов они кладут то, что родовым объектом данной группы преступлений выступают общественные отношения в сфере обеспечения сохранности и созидательного использования культурных ценностей, в том числе объектов археологического наследия. Так, на взгляд В.В. Кулыгина, охрана культурных ценностей от хищений осуществляется в первую очередь не потому, что они выступают объектом права собственности, а в силу того, что они обладают универсальной значимостью³. В научной литературе также предлагается в качестве видового объекта хищения предметов, имеющих особую ценность, признавать общественную нравственность⁴.

Отличается своеобразием позиция, сформулированная О.В. Давлетшиной, которая предлагает перенести названное преступление в гл. 29 УК РФ («Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства»)⁵. С подобным подходом вряд ли можно согласиться по той причине, что хищение указанных предметов по своему объективному содержанию не затрагивает ни конституционный строй РФ, ни безопасность государства как таковую. Более

¹ См.: Медведев Е.В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. С. 10.

² Там же.

³ Кулыгин В.В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей. М., 2006. С. 28.

⁴ См.: Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М., 2000. С. 123; Ткачев Ю.Ю. Указ. соч. С. 15.

⁵ См.: Давлетшина О.В. Указ. соч. С. 15.

предпочтительна позиция, согласно которой видовой объект посягательств на объекты археологического наследия – интересы общества и государства по поводу сохранения, использования и охраны культурных ценностей. Предлагается выделить в разд. IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» УК РФ гл. 25¹ «Преступления против исторического и культурного наследия» и включить в нее деяние, указанное ныне в ст. 164 УК РФ¹. Но данное предложение не может быть поддержано, поскольку идет вразрез с терминологией, принятой в действующем законодательстве РФ (речь идет о категории «культурные ценности»).

Сходная аргументация, но в отношении преступления, предусмотренного ст. 190 УК РФ, высказана В.В. Вершковым². В частности, автор обращает внимание на то, что родовым объектом преступлений, посягающих на культурные ценности, является интерес (благо), характеризующийся состоянием защищенности культурных ценностей от преступных посягательств, которые причиняют или могут причинить вред таким ценностям³. В целом солидаризируясь с этой точкой зрения, все же считаем необходимым следовать единой нормативной терминологии и в названии новой главы придерживаться формулировок Основ законодательства РФ о культуре, а именно – категории «культурные ценности».

Поддержана критика существующей структуры УК РФ в отношении местоположения ряда преступлений, посягающих на сохранность культурных ценностей, в том числе объектов археологического наследия, в исследованиях и других авторов⁴. Действительно, включение ст. 190 УК в гл. 22 не обосновано, поскольку невозвращение объектов археологического наследия не причиняет

¹ Российское уголовное право: учебник: в 2 т. / под ред. Э.Ф. Побегайло. М., 2008. Т. 2: Особенная часть. С. 240.

² Вершков В.В. Уголовная ответственность за невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 20.

³ Там же. С. 8.

⁴ См., напр.: Клебанов Л.Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей / под ред. А.В. Наумова. М., 2011. С. 318; Предеина Л.В. Уголовно-правовые меры обеспечения национальной безопасности по возвращению культурных ценностей в Россию // Актуальные проблемы правового обеспечения национальной безопасности в России: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции (г. Курган, 21 апреля 2017 г.) / отв. ред. Л.Н. Чертова, О.И. Филонова. Курган, 2019. С. 161.

вреда экономике, а нарушает интересы сохранения культурных ценностей. В данном случае вопрос экономического вреда отходит на второй план, так как объекты археологического наследия нельзя рассматривать только и преимущественно сквозь призму материального, они обладают особой социально-правовой характеристикой и значимостью для национальной безопасности.

В дополнение к аргументации означенной позиции следует обратить внимание на то, что, поскольку в преамбуле Федерального закона №73-ФЗ закреплены границы регулирования правовой защиты культурного наследия, в том числе и объектов археологического наследия, то, следовательно, при определении объекта уголовно-правовой охраны следует опираться на них. В частности, в соответствующие рамки включены отношения в сфере: 1) сохранения; 2) использования; 3) популяризации; 4) государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ.

Не менее дискуссионным в отечественной уголовно-правовой науке является и вопрос о содержании родового и видового объектов контрабанды культурных ценностей (ст. 226¹ УК РФ). Несмотря на серьезные изменения, которые претерпел состав контрабанды в 2011 г., отнесение его к группе преступлений, посягающих на общественную безопасность, нельзя признать оптимальными. По своей сути, на наш взгляд, контрабанда объектов археологического наследия нарушает общественные отношения в области обеспечения их сохранности, поскольку противоправный вывоз таковых фактически означает изъятие их из сегмента культурных ценностей РФ, безвозвратную потерю для национального достояния народов России. При этом отношения в сфере обеспечения общественной безопасности напрямую не затрагиваются. Определяя содержание родового и видового объектов контрабанды археологического наследия, впрочем, как и в целом культурных ценностей, следует учитывать ограниченность последних в гражданском обороте. Специфика же предмета, о которой ранее уже велась речь, предопределяет тот факт, что при контрабанде культурных ценностей в первую очередь страдают отношения в сфере обеспечения их сохранности в РФ. Все это обуславливает логический вывод о необходимости выделения контрабанды культурных ценностей в самостоятельный состав преступления и

размещение статьи, его закрепляющей, в гл. 25 УК РФ¹. Необходимость выделения в структуре УК РФ специальной нормы о названном преступлении высказывается и другими авторами. В частности, на взгляд А.В. Скачко², необходимо осуществить реструктурирование ст. 226¹ УК с учетом специфики предметов преступления, объединенных в данной статье, и выделить самостоятельный состав контрабанды культурных ценностей.

Именно специфика содержания предмета контрабанды культурных ценностей не позволяет поддержать предложение Н.А. Ершова о том, что видовым объектом контрабанды выступает порядок управления, на основании чего он предлагает поместить норму об ответственности за это деяние в гл. 32 УК РФ³.

Что касается родового и видового объектов деяний, криминализованных в ст. ст. 243-243³ УК РФ, то определение их содержания также требует системного анализа. Первый вопрос, который возникает в данном ключе: нарушают ли соответствующие преступления отношения в сфере обеспечения общественной безопасности и общественного порядка? Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что вопрос о толковании категорий «общественная безопасность» и «общественный порядок» лежит в плоскости уголовно-правовой доктрины, так как они не получили легального закрепления. Наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой общественная безопасность трактуется как состояние защищенности и устойчивого развития общества⁴. Такими же категориями оперирует и Стратегия национальной безопасности РФ при трактовке категории «национальная безопасность». Согласно п. 30 данного источника к национальным, а не общественным интересам отнесено такое направление, как со-

¹ В поддержку этого предложения высказалось 79,1 % опрошенных в ходе диссертационного исследования респондентов. См.: Приложение 2.

² См.: Скачко А.В. Контрабанда и уклонение от уплаты таможенных платежей: стратегические направления уголовно-правовой политики противодействия им в современной России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2017. С. 10.

³ Ершов Н.А. Объект контрабанды по российскому законодательству // Молодой ученый. 2019. № 48. (286). С. 210.

⁴ См.: Климов О.Н. Национальная безопасность России в условиях глобализации (политологический аспект): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2003. С. 25; Прохожев А.А. Теория развития и безопасности человека и общества. М., 2006. С. 20; Рыбалкин Н.Н. Природа безопасности: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2003. С. 24; Хамхоев Б.Т. Генезис формирования понимания сущности общественной безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 8. С. 178 и др.

хранение и развитие культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Следовательно, вопросы сохранения и правовой защиты культурных ценностей отнесены к сегменту национальной безопасности. Кроме того, в п. 76 Стратегии закреплено, что стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в области культуры являются, в частности, сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества, сохранение и развитие общероссийской идентичности народов РФ, единого культурного пространства страны.

Таким образом, культура не включена в систему государственной или общественной безопасности, а составляет национальную безопасность РФ. Такой вывод следует из анализа п. 42 Стратегии, в котором четко очерчен круг вопросов, отнесенных к государственной и общественной безопасности, при этом вопросы сохранения культурных ценностей в нем отсутствуют. В данном случае возникает терминологическое несоответствие между Стратегией и УК РФ, поскольку раздел IX кодекса включает более широкий круг объектов охраны. Думается, что от подобных коллизий следует уходить в целях оптимизации и законодательной деятельности, и правоприменительной практики.

В литературе также высказана справедливая критика относительно включения в содержание родового объекта названных преступлений общественных отношений в сфере обеспечения общественного порядка. Так, аргументированная позиция целого ряда авторов сводится к тому, что «общественный порядок – одна из составляющих общественной безопасности»¹. Поскольку вопрос о сущности общественного порядка выходит за рамки данного исследования, отметим лишь, что, на наш взгляд, высказанная точка зрения заслуживает поддержки.

В уголовно-правовой доктрине вопрос об унифицированном понимании категории «общественная безопасность» долгие годы остается открытым. В научных публикациях отечественных авторов² справедливо подвергается кри-

¹ См.: Прохорова М.Л., Торосян Р.В. К вопросу об объекте преступлений против общественной нравственности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2010. № 20 (91). С. 144.

² См.: Мансуров Г.З. Новый закон о безопасности и старые проблемы законодательства о безопасности // Управленец. 2011. № 1-2. С. 17-18; Сидорова С.А. К вопросу о понятии «общественная безопасность» // Право и политика: теоретические и практические проблемы:

тике отсутствие легальной дефиниции общественной безопасности в Федеральном законе от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ (ред. от 09.11.2020 г.) «О безопасности»¹. В ст. 1 безопасность (национальная безопасность) определена как широкая категория, вбирающая в себя все виды безопасности: государства, общественную, экологическую, безопасность личности, иные ее виды, предусмотренные законодательством РФ. Такой же подход закреплен и в п. 6 разд. I «Общие положения» Стратегии национальной безопасности: «Национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, ... прежде всего ... общественную...».

Таким образом, общественная и национальная безопасность категории, хотя и смежные, но не тождественные, в силу этого следует проводить между ними четкий водораздел. Национальная безопасность – более широкое понятие, нежели общественная. Основное отличие рассматриваемых категорий заключается в том, что общественная безопасность охватывает собой сферу обеспечения нормального поступательного и устойчивого развития социальных институтов, базирующегося на законодательстве, нормах морали и нравственности. В этой связи критически следует оценивать попытки сформулировать излишне широкое ее определение². Несостоятельны, на наш взгляд, и попытки закрепления «узкого» ее понятия – через деятельность функциональных институтов. Так, на взгляд В.Н. Шамрай, общественная безопасность – это система отношений, в основе которой лежат строгое соблюдение и исполнение широкого круга правил (организационно-технических и т.п.) в целях обеспечения безопасности личности, сохранения зданий, сооружений³. Узость такого подхода очевидна, по-

сборник материалов I Международной научно-практической конференции, 2 ноября 2012 г. / отв. ред. А.В. Малько. Рязань, 2012. С. 127-128.

¹ О безопасности: Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ (ред. от 09.11.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/.

² См.: Воронов А.М. Проблемы теории и практики обеспечения общественной безопасности Российской Федерации. М., 2006. С. 31; Жаглин А.В. Общественная безопасность как социальное явление и элемент системы национальной безопасности // Вестник Воронежского института МВД России. 2007. № 1. С. 33; Ирошников Д.В. Государственная безопасность Российской Федерации: понятие и содержание // Юридическая наука. 2011. № 2. С. 65-70; Хамхоев Б.Т. Генезис формирования понимания сущности общественной безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 8. С. 41.

³ Шамрай В.Н. Теоретико-правовое обеспечение общественного порядка и общественной безопасности в современных условиях // Социология и право. 2012. № 1. С. 112.

сколькo в нем определен ограниченный круг как источников угроз общественной безопасности, так и их носителей (должностные лица и граждане).

В силу приведенных аргументов нельзя признать оптимальным и определение, предлагаемое А.И. Сапожниковым¹, понимающим под общественной безопасностью социально-правовое явление, образуемое совокупностью общественных отношений, регулируемых системой юридических норм в целях предотвращения, локализации и ликвидации условий и факторов, создающих потенциальную или реальную опасность жизненно важным интересам граждан и обществу в целом».

Резюмируя изложенное, следует подчеркнуть, что под общественной безопасностью следует понимать исключительно безопасность общества, которая представляет собой *сложившуюся систему обеспечения нормального поступательного и устойчивого развития социальных институтов, базирующегося на законодательстве, нормах морали и нравственности.*

Однако, как показано ранее, общественные отношения в сфере обеспечения сохранения и защиты культурных ценностей отнесены de jure к сфере национальной безопасности без конкретизации при этом ее подвида.

Согласно действующей редакции гл. 25 УК РФ рассматриваемая группа преступлений посягает на отношения в сфере обеспечения общественной нравственности. По мнению И.А. Халикова, последняя представляет собой общественные отношения, затрагивающие взгляды человека на эстетику, достоинство, уважение и память о культурных достижениях предшествующих поколений, самобытность народа². Содержание данного объекта уголовно-правовой охраны выступает объективным основанием для усиления уголовной ответственности³. Следовательно, именно названные отношения выступают в качестве видового объекта преступлений, закрепленных в ст. ст. 243-243³ УК РФ.

¹ Сапожников А.И. Административно-правовой режим общественной безопасности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 9.

² Халиков И.А. Уголовная ответственность за нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 75.

³ Халиков И.А. О необходимости усиления уголовной ответственности за нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия // Мониторинг правоприменения. 2018. №4 (29). С. 27.

Сама по себе категория «нравственность» в высшей мере оценочна. Как справедливо отмечает А.А. Гусейнов, «оба понятия – «культура» и «нравственность» имеют общую особенность. Они являются многозначными, у них ускользающие смыслы»¹. Изначально данная категория соотносима со сферой внутреннего мира и отражающего его поведения человека. В общем смысле – это идеи о добре и зле, справедливости, стереотипах поведения, ценностных установках личности. В этом аспекте существование в УК РФ категории «общественная нравственность» вызывает сомнения. Учитывая, что Россия многонациональное государство, не требует дополнительного обоснования факт зависимости нравственных основ личности от национальных традиций и обычаев, от религиозной принадлежности. В этом аспекте сочетание «общественная нравственность» представляется искусственным и надуманным. Кроме того, в п. 11 Стратегии национальной безопасности к духовно-нравственным ценностям отнесены: история России, свобода и независимость, гуманизм, межнациональный мир и согласие, единство культур многонационального народа РФ, уважение семейных и конфессиональных традиций, патриотизм. Что касается легальной дефиниции общественной нравственности, упоминаемой только в УК РФ, то она отсутствует.

В связи со сказанным выдвигается предложение о необходимости принятия специального закона «Об общественной нравственности», в котором следует закрепить как понятие общественной нравственности, так и «совокупности традиционных ценностей, духовных и моральных представлений народов России о благе общества, семьи и человека, милосердии, сострадании, уважении к ближним, терпимости, правде и справедливости»². Поддержать подобное предложение не представляется возможным, поскольку объективно нельзя охватить государственным регулированием, в том числе и нормативным, такую сложную систему, как нравственность и духовная сфера жизни человека. Оно напрямую противоречит конституционным принципам свободы человека и неприкосно-

¹ Гусейнов А.А. Культура и нравственность // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 4. С. 221.

² Овчинников А.И. Юридическая формализация понятия «общественная нравственность» // Философия права. 2016. № 6 (79). С. 101.

венности его частной жизни. Кроме того, в ст. 9 Основ законодательства РФ о культуре защищается принцип приоритетности прав человека: «Права человека в области культурной деятельности приоритетны ...».

Сложно признать оптимальными определения общественной нравственности, представленные в монографических исследованиях. Так, Е.А. Старков формулирует следующее определение: «Нравственность представляет собой социально обусловленные, исторически изменчивые правила поведения, относящиеся как ко всему обществу, так и индивиду, которые сложились на основе традиционных и культурных ценностей, охраняемые от нарушений нормами уголовного права»¹. В данном случае осуществлено необоснованное сужение содержания категории «нравственность» и отождествление ее исключительно с правилами поведения.

В другом исследовании², напротив, предлагается неоправданно широкое и, соответственно, формально-неопределенное понятие, в которое включаются нормы и правила поведения, идеи, традиции, взгляды о справедливости, долге, чести, достоинстве, а также общечеловеческих ценности.

По мнению Р.Б. Осокина, нравственность включает такие элементы, как публичные этические нормы, принципы и ценности, носящие надындивидуальный характер³. Сложную формулировку, трудно соотносимую с потребностями правовой регламентации соответствующих вопросов, предлагает А.М. Герасимов, раскрывая нравственность через такие категории, как «учение о добре и зле», «духовные качества человека», «социальные качества человека»⁴.

В силу приведенных аргументов считаем необходимым отказаться от использования в уголовном законе категории «общественная нравственность» и заменить ее на более формально-определенную категорию «культурные ценности». Тем более что, как показано ранее, Основы законодательства о культуре

¹ Старков Е.А. Уголовная ответственность за преступления против общественной нравственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 8.

² См.: Полянская М.П. Уголовно-правовая охрана общественной нравственности в сфере половой морали: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2009. С. 10.

³ Осокин Р.Б. Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления против общественной нравственности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 12.

⁴ Герасимов А.М. Нравственность в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 10.

дают достаточно широкое определение культурных ценностей, вполне пригодное для целей обеспечения их уголовно-правовой защиты. Следовательно, соответствующие корректировки необходимо внести и в гл. 25 УК РФ, исключив из ее названия указание на общественную нравственность, и присоединиться к справедливой критике объединения в рамках гл. 25 столь различных категорий, как «здоровье населения» и «общественная нравственность»¹. Поэтому считаем обоснованным преступления, посягающие на сохранность культурных ценностей, объединить в рамках самостоятельной гл. 25¹ УК РФ – «Преступления в сфере обеспечения сохранности культурных ценностей»².

Обратимся к анализу непосредственных объектов преступлений, посягающих на сохранность археологического наследия.

Основным непосредственным объектом хищения предметов, имеющих особую ценность, выступают отношения собственности. В определении содержания данного элемента состава преступления разногласий среди ученых нет. Однако, говоря об объектах археологического наследия, следует иметь в виду, что при их хищении нарушается исключительно право государственной собственности. Вместе с тем специфика предмета данного преступления предопределяет наличие его дополнительного объекта. При установлении его содержания ученые высказывают различные точки зрения. Так, на взгляд С.М. Кочои, таковым в составе хищения предметов, имеющих особую ценность, выступает общественная нравственность³. Вместе с тем в диссертации И.Б. Афонина данные интересы отнесены к факультативному объекту названного состава⁴. В свою очередь А.В. Гайдашов к таковым относит общественные отношения, затрагивающие материальную и духовную культуру общества⁵. В качестве допол-

¹ Полный курс уголовного права. Том IV: Преступления против общественной безопасности / под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008. С. 239; Уголовное право. Общая и Особенная части: учеб. / под общ. ред. М.П. Журавлева, С.И. Никулина. М., 2008. С. 564-565.

² В поддержку данного предложения высказалось 73 % респондентов. См.: Приложение 2.

³ Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М., 1998. С. 120.

⁴ Афонин И.Б. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 14.

⁵ Гайдашов А.В. Уголовная ответственность за хищения предметов, имеющих особую историческую, научную или культурную ценность: дис. ... канд. юрид. наук. С. 58.

нительного объекта данного преступления определяют и интересы государства в сфере обеспечения сохранности культурного наследия страны (А.К. Мукашев)¹. На взгляд В.В. Братанова, дополнительным объектом названного хищения выступает культурное достояние народа, в качестве факультативного – право на доступ к культурным ценностям, здоровье, свободу и достоинство человека, религиозные чувства верующих и национальную безопасность России².

Думается, что, исходя из действующей редакции УК РФ, необходимо признавать дополнительным объектом хищения предметов, имеющих особую ценность, общественные отношения в сфере реализации установленного в РФ порядка сохранения, использования и государственной охраны объектов культурного наследия. Если хищение совершено с применением насилия (насильственный грабеж или разбой), то в данном случае неизбежно нарушение неприкосновенности здоровья. При совершении хищения, что достаточно распространено, путем незаконного проникновения в музей или музейные хранилища в качестве дополнительного объекта выступают общественные отношения в сфере обеспечения неприкосновенности государственного или частного помещения либо иного хранилища.

Вызывает определенные дискуссии и вопрос о содержании непосредственного объекта невозвращения на территорию Российской Федерации культурных ценностей (ст. 190 УК РФ). Так, И.Б. Афонин обосновывает вывод о том, что непосредственным объектом в данном случае является установленный законодательством порядок своевременного возвращения на территорию РФ временно вывозимых за ее пределы предметов культурного достояния народов России и зарубежных стран³. Иное мнение у В.В. Вершкова. Непосредственным объектом данного преступления он признает «интерес (благо), заключающийся в состоянии защищенности культурных ценностей, временно вывозимых за

¹ Мукашев А.К. Проблемы уголовной ответственности за хищение предметов и документов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность (по материалам Республики Казахстан): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 16.

² Братанов В.В. Хищение культурных ценностей: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. С. 9.

³ Афонин И.Б. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 14.

пределы территории Российской Федерации, с обязательством их обратного вывоза в оговоренный срок»¹. По справедливому утверждению Г.А. Русанова, специфика предмета соответствующего деяния «в своей основе связана с содержанием дополнительного непосредственного объекта данного посягательства, под которым предлагается понимать общественные отношения, обеспечивающие право гражданина на осуществление его культурных прав, предусмотренных Конституцией РФ»². Исходя из действующей редакции УК РФ, непосредственным объектом рассматриваемого преступления следует признавать совокупность общественных отношений в сфере реализации установленного в РФ порядка вывоза культурных ценностей, обеспечивающего их сохранность.

Более верный (однако не соответствующий расположению ст. 190 в УК РФ) подход, как представляется, был сформулирован Е.В. Миллеровым³, относящим рассматриваемое преступление к посягательствам на общественную нравственность в сфере охраны исторического и культурного достояния народов России.

Разнообразием доктринальных подходов отличается трактовка непосредственного объекта контрабанды культурных ценностей, в том числе и объектов археологического наследия. Законодатель установил уголовную ответственность за это деяние в ст. 226¹ УК РФ, чем предопределил содержание ее непосредственного объекта, каковым, по мнению ряда авторов, выступают общественные отношения в сфере установленного порядка перемещения объектов через таможенную границу⁴. Достаточно интересная трактовка непосредственного объекта контрабанды представлена в одном из учебников уголовного права, в котором под ним понимаются общественные отношения в сфере обеспечения общественной безопасности при обращении особого рода предметов⁵. По-

¹ Вершков В.В. Уголовная ответственность за невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 8.

² Русанов Г.А. Контрабанда культурных ценностей: уголовно-правовое, криминологическое и сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 6.

³ Миллеров Е.В. Уголовно-правовая охрана нравственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2006. С. 8.

⁴ Фомичев С.Н. Контрабанда культурных ценностей: дис. ... канд. юрид. наук. С. 10.

⁵ Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Про-

лагаем, подобный подход излишне широк, так как непосредственно общественная безопасность при контрабанде названных предметов не нарушается.

О наличии особого рода охраняемых общественных отношений при контрабанде культурных ценностей писали также Л.Д. Гаухман и С.В. Максимов. Они считали ими общественные отношения, обеспечивающие общественную нравственность, вред которой причиняется в результате бесконтрольного перемещения через таможенную границу РФ культурных ценностей¹. На взгляд С.Н. Фомичева, «непосредственным объектом контрабанды являются общественные отношения, обеспечивающие установленный порядок перемещения товаров или иных предметов через таможенную границу РФ»².

На наш взгляд, поскольку ст. 226¹ УК РФ в действующей редакции УК РФ помещена в гл. 24, основной непосредственный объект контрабанды следует определять исходя из этого обстоятельства. Следовательно, таковым являются общественные отношения в сфере обеспечения безопасности внешнеэкономической деятельности РФ и сохранности ее культурного наследия.

В монографических источниках высказывается позиция, согласно которой в качестве дополнительного объекта может выступать право граждан на пользование культурными ценностями³. Думается, что указанные блага нарушаются не в каждом случае совершения контрабанды, что дает основание для выделения их в качестве факультативного объекта.

Исходя из действующей редакции гл. 25 УК РФ, непосредственным объектом деяний, предусмотренных ст. 243-243³, являются общественные отношения в сфере обеспечения общественной нравственности в области сохранения наследия прошлого и поддержания связи поколений⁴. По мнению Е.В. Миллерова, непосредственный объект в данном случае – общественная нравствен-

хоровой. М., 2015. С. 494.

¹ Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Преступления в сфере экономической деятельности. М., 1998. С. 275.

² Фомичев Н.С. Указ. соч. С. 10.

³ Афонин И.Б. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 14.

⁴ Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. Краснодар, 2015. С. 555.

ность¹. На взгляд М.Л. Прохоровой и Р.В. Торосьяна, объектом конкретного преступления не может быть общественная нравственность в целом².

Некоторыми авторами содержание непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ, формулируется достаточно сложно через указание на общественные отношения, обеспечивающие реализацию соответствующих конституционных прав и конституционных обязанностей личности относительно исторического и культурного наследия³. В одном из комментариев к Уголовному кодексу РФ в качестве такового названы общественная нравственность в области духовной и культурной жизни⁴. Сходная трактовка данного элемента рассматриваемого состава преступления представлена и в другом комментарии УК РФ⁵. Полагаем, что при уничтожении или повреждении объектов культурного наследия в качестве непосредственного объекта выступают общественные отношения в сфере обеспечения их сохранности и защиты от разрушения и иных противоправных действий.

Нет унифицированного подхода среди ученых к содержанию непосредственного объекта преступления, закрепленного в ст. 243¹ УК РФ. Так, согласно одному из мнений, объект этого преступления – общественная нравственность в сфере содержания и использования объектов культурного наследия⁶. Вместе с тем думается, что при совершении действий, криминализованных в указанной статье, вред причиняется общественным отношениям в сфере обеспечения легитимного гражданского-правового оборота объектов культурного наследия, их

¹ Миллеров Е.В. Указ. соч. С. 10.

² См.: Прохорова М.Л., Торосян Р.В. Указ. соч. С. 146; Торосян Р.В. Преступления против общественной нравственности: вопросы криминализации, систематизации и законодательного описания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2012. С. 9.

³ Уголовное право особенная часть: учебник / под общей ред. Л.М. Прокументова. Томск, 2019. С. 524.

⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (последнее обновление 31.07.2020). Библиотека электронных кодексов. URL: <http://ukrfinfo.ru/Kommentariy-k-st-243-UK-RF/> (дата обращения: 07.09.2020 г.).

⁵ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации в 4 т. Том 2. Особенная часть. Разделы VII-VIII / отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2020 // ЭБС Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/451906> (дата обращения: 07.09.2020 г.).

⁶ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный). Т 1. 2-е изд. / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2015. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=17796#0829604611675395> (дата обращения: 07.09.2020 г.).

сохранности и защиты от неправомерных действий.

Непосредственный объект преступления, названного в ст. 243² УК РФ, – отношения по поводу поиска и (или) изъятия археологических предметов и сохранения культурного слоя¹. В данном случае следует внести уточнение, определив объект этого деяния как совокупность общественных отношений, складывающихся в сфере научного исследования археологического наследия и обеспечения его сохранности.

Непосредственным объектом деяния, криминализованного в ст. 243³ УК РФ, признаны общественные отношения, возникающие в связи с обнаружением при проведении предусмотренных законом работ предметов, имеющих особую культурную ценность, или культурных ценностей². Вместе с тем анализ диспозиции указанной нормы дает основание для вывода о том, что непосредственным объектом данного деяния выступает совокупность общественных отношений, возникающих в сфере реализации установленного законом порядка передачи государству обнаруженных при производстве земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, объектов культурного наследия, обеспечивающего их сохранность.

Большинство авторов признает наличие непосредственного дополнительного объекта для преступлений, указанных в ст. 243 и 243¹ УК РФ, называя таковым отношения собственности³. Дополнительным объектом уничтожения или повреждения соответствующих объектов культурного наследия (ст. 243 УК РФ), а также нарушения требований их сохранения или использования (ст. 243¹ УК РФ) выступают отношения государственной собственности, поскольку объекты археологического наследия могут находиться исключительно в таковой.

Подводя итог анализу объекта преступлений, посягающих на сохранность объектов археологического наследия, необходимо еще раз подчеркнуть ряд

¹ Уголовное право. Особенная часть: учебник / под общ. ред. Л.М. Прокументова. Томск, 2019. С. 531.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. Том 2. Особенная часть. Разделы VII-VIII / отв. ред. В.М. Лебедев (дата обращения: 07.09.2020 г.).

³ См.: Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. С. 563; Уголовное право. Особенная часть: учебник / под общ. ред. Л.М. Прокументова. С. 524; 531.

ключевых аспектов:

1. В действующей редакции УК РФ нормы о преступлениях, посягающих на сохранность объектов археологического наследия, размещены в разных разделах и главах. Система родовых объектов этих преступлений, согласно действующей редакции кодекса, охватывает две группы общественных отношений: в сфере экономики (ст. ст. 164 и 190) и в сфере обеспечения общественной безопасности и общественного порядка (ст. ст. 226¹, 243, 243¹, 243², 243³). Такой подход не соответствует объективному содержанию общественных отношений, нарушаемых в ходе совершения данных преступных посягательств. Анализ законодательства РФ позволяет сделать вывод о том, что общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения охраны и защиты объектов культурного наследия от преступных посягательств, структурно встроены в систему общественной безопасности, отношения в сфере обеспечения которой должны выступать родовым объектом для всех рассматриваемых деяний. Это дает основание для вывода о необходимости их объединения в рамках раздела IX УК РФ.

2. По итогам осуществленного исследования уточнено и представлено авторское толкование категории «общественная безопасность» – это сложившаяся система обеспечения нормального поступательного и устойчивого развития социальных институтов, базирующегося на законодательстве, нормах морали и нравственности. Анализ категории «общественная нравственность» дает основание для вывода о необходимости отказа от нее в уголовном законе и замене применительно к рассматриваемой группе преступлений (в названии предлагаемой гл. 25¹ УК РФ) на более формально-определенную категорию «культурные ценности», легально определенную в Основах законодательства о культуре.

3. Системный анализ видовых объектов рассматриваемых преступлений дает основание для единственно верного вывода о том, что все они направлены в первую очередь на общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения сохранности, использования и государственной охраны культурных ценностей. В УК РФ сложилась целая система подобных посягательств, что ставит на повестку дня вопрос об их объединении и обособлении в рамках отдельной главы. В данном случае будет достигнута цель унификации уголовного за-

кона, его логического структурного построения и обеспечения высокого уровня правоприменения, основанного на принципах законности и неотвратимости наказания. Поэтому предлагается включение в УК РФ гл. 25¹ – «Преступления в сфере обеспечения сохранности культурных ценностей».

6. Составы названных преступлений отличаются спецификой основных непосредственных объектов: отношения государственной собственности (ст. 164 УК РФ); совокупность общественных отношений в сфере реализации установленного в РФ порядка вывоза культурных ценностей, обеспечивающего их сохранность (ст. 190 УК РФ); общественные отношения в сфере обеспечения безопасности внешнеэкономической деятельности Российской Федерации и сохранности ее культурного наследия (ст. 226¹ УК РФ); общественные отношения в сфере обеспечения их сохранности и защиты от разрушения и иных противоправных действий (ст. 243 УК РФ); общественные отношения в сфере обеспечения легитимного гражданского-правового оборота объектов культурного наследия, их сохранности и защиты от неправомерных действий (ст. 243¹ УК РФ); совокупность общественных отношений, возникающих в сфере реализации установленного законом порядка передачи государству обнаруженных при производстве земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, объектов культурного наследия, обеспечивающего сохранность последних (ст. 243² УК РФ).

7. Для рассматриваемых составов преступлений характерно сложное содержание непосредственного объекта, о чем свидетельствует наличие дополнительных и факультативных объектов в следующих составах: хищение предметов, имеющих особую ценность, – установленный в РФ порядок сохранения, использования и государственной охраны объектов культурного наследия; хищение предметов, имеющих особую ценность, совершенное с применением насилия, – общественные отношения в сфере обеспечения неприкосновенности здоровья личности (насильственный грабеж, разбой); для хищения, совершенного путем проникновения в музей или музейные хранилища, – общественные отношения в сфере обеспечения неприкосновенности государственного или частного помещения или иного хранилища; для уничтожения или повреждения объ-

ектов культурного наследия и нарушения требований их сохранения или использования – отношения государственной собственности.

3.3 Объективная сторона посягательств на сохранность объектов археологического наследия

Объективная сторона посягательств на сохранность объектов археологического наследия может выражаться в активном поведении виновного (ст. 164, 226¹, 243² УК РФ) или бездействии (ст. 190 и 243³ УК РФ). Преступления, предусмотренные ст. 243 УК РФ и ст. 243¹ УК РФ, предполагают как действие, так и бездействие. Для некоторых преступлений имеют значение время (ст. 190 УК РФ) и место (ст. ст. 226¹ и 243² УК РФ) их совершения.

В уголовном законе определена система преступных деяний, в форме которых совершаются посягательства, предметом которых выступают соответствующие археологические объекты: незаконное изъятие и обращение в пользу виновного или иных лиц (ч. 1 ст. 164 УК РФ); невозвращение на территорию РФ (ст. 190 УК РФ); уничтожение или повреждение (ч. 1 ст. 243 УК РФ); нарушение требований сохранения или использования (ст. 243¹ УК РФ); незаконный поиск и (или) изъятие (ч. 1 ст. 243² УК РФ); уклонение исполнителя земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения (открытого листа), от обязательной передачи государству обнаруженных при проведении таких работ предметов (ст. 243³ УК РФ).

Таким образом, в УК РФ криминализован широкий круг деяний, совершаемых в отношении объектов археологического наследия. Преобладающей, но не единственной, формой их совершения выступают активные действия¹.

Наиболее распространенными из названной группы преступлений по выявленным фактам являются хищения предметов или документов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность (ч. 1

¹ См. также: Афонин И.Б. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 15.

ст. 164 УК РФ). Объективная сторона состава преступления, закрепленного в данной норме, выражается в совершении незаконного изъятия и (или) обращения чужого имущества (в нашем случае – объектов археологического наследия) в пользу виновного или других лиц, причинивших ущерб собственнику или иному владельцу. При этом форма хищения может быть любой (кража, мошенничество, присвоение, растрата, грабеж, разбой). Таким образом, законодатель не дифференцирует ответственность за названный особый вид хищения от способа его совершения. Обращает на себя внимание, что в отношении посягательств на объекты археологического наследия (кроме мошенничества) данная норма применяется лишь тогда, когда они совершены вне археологических полевых, а равно земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ. В противном случае уголовно-правовая оценка будет определяться в рамках ст. 243³ УК РФ. Таким образом, важным аспектом квалификации деяния по ст. 164 УК РФ выступает посягательство на те объекты археологического наследия, которые отнесены к движимым и приобрели статус имущества. Исключение составляет лишь мошенничество в части незаконного приобретения права на чужое имущество.

Согласно ч. 1 ст. 164 УК РФ объективная сторона выражается в совершении преступного действия, поскольку хищение иначе вообще выражено быть не может. Наиболее распространенным способом совершения рассматриваемого преступления выступает тайное изъятие объектов археологического наследия (кража). Значительно реже в реальной действительности преступление осуществляется в форме грабежа, разбоя, присвоения или растраты. Что касается мошенничества, то и такой способ противоправного изъятия объектов археологического наследия на практике встречается крайне редко. При этом в диспозиции рассматриваемой нормы прямо указано на то, что способ изъятия значения не имеет. Следовательно, по ч. 1 ст. 164 УК РФ устанавливается ответственность как за тайное, так и открытое хищение, как совершенное с применением насилия, так и без такового. Вместе с тем не вызывает сомнений более высокая степень общественной опасности грабежа и разбоя по сравнению с кражей, мошенничеством, присвоением и растратой. Все это ставит на повестку вопрос об

обоснованности недифференцированного подхода к установлению уголовной ответственности в ч. 1 ст. 164 УК РФ без учета формы хищения. Вместе с тем способ хищения является важным критерием ее дифференциации. В этой связи считаем, что нельзя объединять в одной части статьи все формы хищений, поскольку это создает основу для нарушения принципа соразмерности и справедливости назначаемого наказания¹. Конструкция нормы, избранная законодателем, исключает возможность дифференциации уголовной ответственности в зависимости от формы хищения. Аргументация в пользу ее осуществления с учетом названного критерия высказывалась и другими авторами². В частности, по мнению А.В. Данилова, в ст. 164 УК РФ необходимо предусмотреть ответственность за ненасильственные формы хищения названных предметов или документов в ч. 1, а ответственность за насильственные формы – в ч. 2³. Вывод о необходимости усиления уголовной ответственности за хищение предметов, имеющих особую ценность, совершенное в форме разбоя, был обоснован и З.Г. Дербок⁴. В силу приведенных аргументов не вызывает сомнений необходимость внесения соответствующих коррективов в конструкцию ст. 164 УК РФ.

Специфика кражи объектов археологического наследия проявляется в том, что, как правило, она совершается в музеях, на территории выставок и т.п. Согласно российскому законодательству, объекты археологического наследия ограничены в гражданско-правовом обороте и могут находиться исключительно в государственной собственности. Направлена кража на археологические предметы или археологические коллекции. Суть ее проявляется в том, что в процессе совершения указанные объекты изымаются из законного владения помимо воли собственника или лица, которому они вверены на легальных основаниях. На практике может возникнуть вопрос о квалификации кражи объекта археоло-

¹ См.: Волошин В.П. К вопросу об особенностях объективных признаков хищения предметов, имеющих особую ценность // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 27 (281). Право. Вып. 32. С. 83.

² См., напр.: Данилов А.В. Уголовная ответственность за хищение предметов, имеющих особую научную, культурную, историческую и художественную ценность // Пробелы в российском уголовном законодательстве. 2008. № 1. С. 205-206.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Дербок З.Г. Специальные виды хищения и вымогательства: проблемы криминализации и перспективы оптимизации их законодательного описания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. С. 11.

гического наследия не у собственника или законного владельца, а у лица, который сам незаконно, например, в результате противоправных действий, получил в свое владение указанные предметы. Исходя из буквы закона, точного ответа на данный вопрос найти невозможно. В примечании 1 к ст. 158 УК РФ содержится указание на то, что хищение осуществляется у собственника или иного владельца этого имущества. По логике, речь должна идти лишь об ином *законном* владении. В противном случае при расследовании данного деяния возникает абсурдная ситуация, обусловленная необходимостью признания в качестве потерпевшего (с вытекающими правовыми последствиями) лица, совершившего ранее незаконное приобретение объекта археологического наследия. Но практика все же вынуждена идти по такому пути, тем более что буквальное толкование приведенного законодательного предписания и отсутствие указания на законный характер владения позволяют такой ситуации быть. В советское время существовало и разъяснение, «оправдывающее» такую правовую оценку содеянного¹. Данная ситуация получила в теории уголовного права наименование «хищение похищенного». По мнению А.И. Бойцова, не имеет значения, в каком – законном или незаконном – владении находится имущество на момент совершения преступления². Однако, на наш взгляд, сложившаяся практика и позиция в науке по поводу квалификации хищения похищенного не может быть признана соответствующей закону. Налицо законодательный пробел, решить который представляется возможным посредством включения в УК РФ нового состава преступления – «Незаконное завладение имуществом, не связанное с его хищением, совершенное свойственными последнему способами». Указание на такое посягательство следует также включить и в перечень деяний, наказуемых в порядке ст. 164 УК РФ, изменив ее название: «Хищение или иные нарушения законного порядка приобретения культурных ценностей». Актуален данный вопрос и в отношении уголовно-правовой охраны объектов археологического наследия. Проблема заключается в том, что в силу установленной процедуры передачи обнаруженных в ходе совершения легальных действий объектов ар-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1964. № 3. С. 40.

² Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 197-198.

хеологического наследия проходит достаточный промежуток времени, в течение которого указанные предметы существуют в неопределенном правовом статусе. Помимо этого, в ч. 3 ст. 49 Закона «Об объектах культурного наследия» четко определено, что в государственной собственности находятся объекты археологического наследия, а также все археологические предметы, залегающие на поверхности земли, в земле или под водой. Что касается правовой охраны предметов археологического наследия, изъятых из-под земли, ее поверхности или воды, то их правовой статус российский законодатель четко не определил, породив дополнительные сложности обеспечения их правовой защиты. В этой связи возникает вопрос о необходимости имплементации в законодательство РФ положений принятого на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ Модельного закона «Об охране археологического наследия»¹. В частности, особенно важно его положение, закрепленное в ст. 3, что «археологическое наследие на территориях государств Содружества находится под защитой и охраной государства независимо от форм управления, степени сохранности и характера использования». Думается, что для обеспечения всесторонней государственно-правовой охраны указанных объектов необходимо закрепить в законодательстве положение о том, что в равной мере находятся под государственной охраной и обеспечены правовой защитой как поставленные на государственный учет, так и вновь выявленные объекты археологического наследия. Тем самым удастся избежать временной вакуум правовой защиты названных объектов, который возникает с момента их обнаружения до момента постановки на государственный учет. В целом, исходя из особого их значения, считаем целесообразным принятие в РФ отдельного закона «Об объектах археологического наследия».

При хищении объектов археологического наследия путем обмана потерпевшему сообщаются ложные сведения о якобы существующих законных спо-

¹ Модельный закон «Об охране археологического наследия»: принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (постановление № 7-16 от 17.02.1996 г.) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901854817> (дата обращения: 16.02.2020 г.).

собах приобретения виновным права на недвижимые объекты археологического наследия либо приобретения им движимых объектов археологического наследия. В частности, в качестве такой информации потерпевшему может сообщаться о якобы имевшем место принятом уполномоченными государственными органами решении о реквизиции объекта археологического наследия, отчуждении объекта археологического наследия, которое в силу закона не может принадлежать данному лицу (например, доставшееся по наследству); изъятии бесхозно содержимых культурных ценностей; выкупе земельного участка, на территории которого обнаружен объект археологического наследия. В данном случае обман будет заключаться в том, что решения соответствующего государственного органа на самом деле нет, оно инсценировано либо сфальсифицировано субъектом преступления, но потерпевший, введенный в заблуждение, сам передает объекты археологического наследия в руки злоумышленников, а в случае с земельным участком – и документы, удостоверяющие право на него. Обман может быть облечен и в форму ложного заключения эксперта о том, что конкретный объект археологического наследия не относится к таковым. Согласно п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» обман как способ совершения мошенничества может выражаться и в несообщении потерпевшему правдивой информации¹ (например, об истинной ценности объекта либо об отнесении его к объектам археологического наследия). Такая ситуация может возникнуть, при ложном сообщении владельцу артефакта о том, что он не представляет историко-культурной ценности или является поддельным. В качестве субъекта подобного обмана может выступать эксперт, научный сотрудник, сотрудник музея и т.д. Вместе с тем, согласно толкованию высшей судебной инстанции, при мошенничестве обман должен быть направлен исключительно на завладение имуществом. В иных случаях мошенничество отсутствует, а содеянное необходимо квалифицировать сообразно фактическим обстоятельствам дела либо как

¹ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 (ред. от 29.06.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/.

открытое (ст. 161-162 УК РФ), либо как тайное хищение (ст. 158 УК РФ). При злоупотреблении доверием, совершаемом в отношении объекта археологического наследия, его изъятие осуществляется с помощью существующих или созданных преступником доверительных отношений с лицом, во владении которого находится этот объект. Среди способов злоупотребления Пленум указывает и такой, как принятие на себя лицом обязательств при заведомом отсутствии у него намерения их выполнить с целью безвозмездного обращения в свою пользу или в пользу третьих лиц чужого имущества или приобретения права на него. Такая ситуация будет иметь место, например, при обещании виновным осуществить реставрационные работы в отношении объекта археологического наследия, осуществления его экспертной оценки либо научного исследования. Поскольку объекты археологического наследия ограничены в гражданско-правовом обороте, постольку на осуществление каких-либо законных действий в отношении них требуются документы определенного образца. Такая ситуация формирует необходимость для преступника осуществлять подделку подобных документов. В этой связи, согласно п. 7 названного постановления Пленума, хищение лицом чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием, совершенные с использованием подделанного этим лицом официального документа, требует дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 327 УК РФ. Если виновный воспользовался поддельными документами, изготовленными другим лицом, совокупности преступлений это не образуется, действия охватываются составом мошенничества.

Спецификой характеризуются такие форма хищения, как присвоение и растрата объектов археологического наследия. Особенность объективной стороны данного состава преступления определяется тем, что объект археологического наследия передается на законных основаниях (в силу договора, служебного положения, особого поручения и т.д.) виновному, который впоследствии устанавливает над ним противоправное владение или осуществляет незаконное отчуждение третьим лицам. Несмотря на очевидную схожесть присвоения и растраты, основным их отличием выступает способ хищения чужого имуще-

ства¹. Присвоение проявляется в удержании вверенного имущества и невозвращении его владельцу в установленное время в обусловленном месте². Как присвоение следует квалифицировать, например, противоправное удержание и отказ возвратить по требованию объекты археологического наследия, переданные для экспонирования, директором музея. Растрата объектов археологического наследия может выражаться, в частности, в незаконной передаче третьим лицам указанных объектов лицом, в обязанности которого входит обеспечение их сохранности. Вместе с тем нельзя квалифицировать как присвоение ситуации невозвращения в установленный срок объекта археологического наследия, переданного на основании гражданско-правового договора (например, для осуществления независимой экспертизы, проведения выставки и т.п.). Сам факт нарушения сроков возвращения не может образовать объективную сторону присвоения. Необходимо установить направленность умысла и действий лица, которому вверен такой объект, на его противоправное обращение в свою пользу.

Особенности квалификации противоправных деяний с объектами археологического наследия возникают при перемещении их через Государственную границу РФ и последующий невозврат в установленные сроки обратно на территорию РФ. В подобных случаях важно установить направленность умысла виновного. Так, при доказанности заранее спланированного присвоения объектов археологического наследия после перемещения через Государственную границу и их последующего невозврата, которые продуцировались корыстной целью, действия виновного необходимо признавать присвоением. Следовательно, объекты археологического наследия первоначально были присвоены виновным, а потом вывезены. Если же первоначально намерением и содержанием действий виновного был невозврат объектов археологического наследия на территорию РФ, и лишь в последующем они были дополнены возникновением и реализацией умысла на противоправное их удержание, то налицо совокупность деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 164 и ст. 190 УК РФ³.

¹ См. также: Медведев Е.В. Присвоение и растрата культурных ценностей // Общество и право. 2010. № 4 (31). С. 153.

² См.: Там же.

³ См. также: Медведев Е.В. Указ. соч. С. 154.

Специфической формой хищения является растрата. Фактическая сущность растраты выражается в передаче вверенных на законных основаниях объектов археологического наследия третьим лицам без разрешения владельца (дарение, продажа, мена, сдача в аренду и т.п.). Объекты археологического наследия передаются третьим лицам в пользование с нарушением действующих нормативных предписаний. Собственник, в данном случае уполномоченные государственные органы, не давали своего разрешения на подобную передачу. По своей сути растрата выражается в передаче объекта археологического наследия третьему лицу, который обращает его в свою пользу. Подобный способ реализуем лишь в отношении движимых объектов археологического наследия. В силу специфики правового статуса объектов археологического наследия субъектами данного преступления могут выступать лишь лица, которым указанные объекты вверены, переданы на хранение, – директор музея; научный сотрудник, получивший объект археологического наследия на законных основаниях для осуществления научного исследования, реставрации и т.п.; лицо, ответственное за осуществление выездной выставки, и т.п. В литературе при анализе правового содержания растраты культурных ценностей были высказаны предложения о замене термина «растрата» на иной – «отчуждение»¹. Однако, на наш взгляд, в подобном корректировании закона нет необходимости, поскольку традиционно в теории уголовного права растрата включает в себя такую форму реализации, как отчуждение. Суды традиционно при правовой оценке деяний субъекта особое внимание уделяют фактам, свидетельствующим о том, что растратченное имущество вверяется виновному на законных основаниях, но он распоряжается им помимо воли собственника, потребляет лично либо незаконно передает третьим лицам. Проиллюстрируем это утверждение примером из судебной практики, хотя и не имеющей отношение к рассматриваемому преступлению (вследствие отсутствия таковой), но отражающим соответствующую позицию.

Так, суд, оценивая обстоятельства, собранные на предварительном следствии и в ходе судебного заседания по факту растраты, совершенной У., в приговоре указал, что он, реализуя свой преступный умысел, направленный на рас-

¹ См.: Там же.

трату чужого имущества, вверенного ему, с причинением значительного ущерба, пренебрегая запретом собственника, умышлено с целью личного незаконного обогащения, осознавая, что его действия явно незаконны, носят безвозмездный и противоправный характер, понимая общественную опасность своих действий, предвидя наступление общественно опасных последствий в виде причинения значительного материального ущерба собственнику и желая наступления указанных последствий, пришел в загон, в котором содержались вверенные ему маралы и, имея свободный доступ к ним, загнал одного марала рогаца стоимостью 51750 руб., поймал его принесенной с собой веревкой и при помощи принадлежащего ему ножа заколол, впоследствии разделал ее на части, которыми затем распорядился по своему усмотрению, то есть увез части мяса марала рогаца на коне к себе домой, где употребил в пищу¹.

При отграничении присвоения и растраты, в отличие от ученых, признающих присвоение более широким понятием², все же следует учитывать, что растрата отличается отсутствием стадии незаконного владения виновным объектом археологического наследия, поскольку оно сразу переходит из его законного обладания в незаконное владение третьих лиц. На это обращают внимание отечественные авторы³. В п. 24 названного постановления подчеркивается, что в случае, когда одна часть вверенного имущества виновным присваивается, а другая – растрачивается, совокупности преступлений нет. Действительно, в такой ситуации реализуется единый умысел на хищение определенного массива вверенного имущества, но в разных формах, близких по природе.

¹ См.: Постановление Шебалинского районного суда Республики Алтай от 28.02.2020 г. по делу № 1-25/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/zngv5jJnSjmK/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=1599986316077 (дата обращения: 16.07.2020 г.). См. также: Приговоры Курчатовского городского суда Курской области от 27.02.2020 г. по делу № 1-1/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/9h96EXBi8xQ8/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=1599986316077; Кировского районного суда г. Санкт-Петербурга от 27.02.2020 г. по делу № 1-27/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/VpP8xU1YoDmt/?page=2®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=1599987280416®ular-judge= (дата обращения: 16.07.2020 г.) и др.

² См., напр.: Емельянов В.П. Защита права собственности уголовным законодательством. Харьков, 1996. С. 55.

³ См.: Белокуров О.В. Проблемы квалификации хищения вверенного имущества. М., 2003. С. 29; Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 422; Медведев Е.В. Указ. соч. С. 155.

Присвоение и растрату следует отграничивать от мошенничества. При присвоении и растрате соответствующий предмет вверяется не в результате обмана или злоупотребления доверием, а на основании законных и реально существующих обстоятельств – в связи с осуществляемой виновным деятельностью, занимаемым служебным положением и пр.

Дискуссионным на протяжении длительного периода времени является вопрос об установлении уголовной ответственности за вымогательство объектов культурного, в том числе и археологического, наследия. Часть авторов ратует за расширение криминализации посягательств на культурные ценности¹. Однако правового режима объектов археологического наследия, то есть невозможность их перехода в законное владение иных, кроме государства, субъектов, делают вопрос о принудительной передаче права на них бессмысленным. Легализовать объекты археологического наследия, полученные в ходе вымогательства, в последующем для виновных не представляется возможным. Исходя из данных соображений, следует сделать вывод о нецелесообразности дополнения диспозиции ст. 164 УК РФ указанием на вымогательство.

Способ предопределяет момент окончания хищения предметов, имеющих особую ценность². По общему правилу все хищения, кроме разбоя, считаются оконченными с момента, когда виновный получает реальную возможность распорядиться похищенным. Разбой считается оконченным с момента нападения³. Однако некоторые авторы не делают исключения ни для одной из форм хищения и определяют общий момент окончания – реальная возможность распорядиться

¹ См.: Братанов В.В. Указ. соч. С. 14; Волошин П.В. Указ. соч. С. 84; Медведев Е.В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. С. 46; Сумачев А.В., Черепашкина А.С. Охрана культурных ценностей (объектов культурного наследия): административно-правовой и уголовно-правовой аспекты // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 2 (5). С. 48; Чеченов А.М. Криминологическая характеристика и предупреждение хищений предметов, имеющих особую ценность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 23.

² См. также: Волошин П.В. Указ. соч. С. 85.

³ См.: Братанов В.В. Указ. соч. С. 15; Кудяев С.А., Максимов П.В. Статья 164 Уголовного кодекса Российской Федерации: проблемы применения и перспективы законодательного регулирования // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2014. № 3 (25). С. 45; Уголовное право. Особенная часть / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М., 2002. С. 311.

жения похищенным¹. Такой подход был подвергнут справедливой критике. Так, О.Ф. Шишов, акцентируя внимание на противоречивости указанного подхода, отмечает: «Разбойное нападение на вино-водочную палатку будет считаться оконченным в момент нападения на сторожа, а разбойное нападение на музей с целью похищения картин, являющихся шедеврами мирового искусства, будет признано оконченным не в момент нападения на охранника, соединенного с причинением насилия, опасного для его жизни и здоровья, а в момент фактического завладения музейными сокровищами»². Если обратиться к практике Верховного Суда РФ, то в его постановлениях особое внимание уделено моменту окончания хищений. Для всех форм хищения, кроме присвоения, растраты и разбоя, Верховный Суд РФ связывает момент их окончания с поступлением имущества в незаконное владение виновного или третьих лиц и возникновение у них реальной возможности им распорядиться по своему усмотрению. Что касается присвоения, то оно считается оконченным с того момента, когда законное владение вверенным лицу имуществом стало противоправным, и это лицо начало совершать действия, направленные на обращение указанного имущества в свою пользу (например, с момента, когда лицо путем подлога скрывает наличие у него вверенного имущества). Растрату следует считать оконченным преступлением с момента начала противоправного издержания вверенного имущества – его потребления, израсходования или отчуждения³.

Обращает на себя внимание то, что породил дискуссию относительно момента окончания хищения предметов, имеющих особую ценность, законодатель, поскольку диспозиция указанной нормы объединяет все формы хищения, включая разбой. Действующая законодательная формулировка ст. 164 УК РФ не дает оснований для того, чтобы связать момент окончания хищения объектов археологического наследия в форме разбоя с нападением.

¹ См., напр.: Лопашенко Н.А. Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование. М., 2005. С. 348; Щерба С.П., Приданов С.А. Преступления, посягающие на культурные ценности России: квалификация и расследование. М., 2002. С. 12-13.

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. М., 2008. Т. 2. С. 52.

³ См.: О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 (ред. от 29.06.2021 г.).

Объективная сторона состава невозвращения на территорию РФ культурных ценностей характеризуется бездействием. Виновный не совершает тех действий, которые обязан осуществить согласно требованиям закона. По мнению Л.Р. Клебанова, деяние, предусмотренное ст. 190 УК РФ, характеризуется только бездействием: речь идет о дпящемся преступлении, заключающемся в невыполнении уполномоченным на временный вывоз культурных ценностей лицом своих обязанностей по возвращению их на территорию РФ¹. С данным подходом солидарно большинство авторов. Вместе с тем ряд из них считает такой подход ошибочным, поскольку, на их взгляд, невозвращению культурных ценностей на территорию РФ предшествует период совершения активных действий (прохождение экспертизы, подача документов, получение лицензии и т.п.)². По мнению Г.В. Пусурманова, без выполнения лицом указанных действий в случае перемещения культурных ценностей за границу РФ деяние должно расцениваться как контрабанда (ст. 226¹ УК РФ)³. Думается, данный подход необоснованно расширяет содержание объективной стороны названного преступления. Сама семантика слова «невозвращение» является однозначной и свидетельствует о несовершении должных действий со стороны виновного, а перемещение соответствующих предметов за пределы РФ не является составляющей объективной стороны названного деяния. В РФ разрешен исключительно временный вывоз культурных ценностей (ст. 11 Федерального закона «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»). Согласно ст. 35.1 Закона «О вывозе и ввозе культурных ценностей» археологические предметы не подлежат вывозу без обязательств их обратного ввоза. Порядок вывоза культурных ценностей определен ст. 35.2 данного закона. Согласно этой норме для вывоза объектов археологического наследия юридическими лицами необходима лицензия. Для физических лиц, зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей, необходимо заключение (разрешительный документ).

¹ См.: Клебанов Л.Р. Преступления против культурных ценностей: понятие, признаки, система // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 3. С. 196.

² См., напр.: Пусурманов Г.В. Вопросы квалификации преступления, предусмотренного статьей 190 УК РФ «Невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей» // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2018. № 4 (41). С. 87.

³ См.: Там же.

Правовая конструкция рассматриваемого состава преступления не включает в свою архитектуру обязательное наступление преступных последствий. Большинство отечественных исследователей, следуя буквальному толкованию диспозиции ст. 190 УК РФ, справедливо указывают на закрепленную в ней формальную конструкцию¹. Вывоз с территории РФ и ввоз на ее территорию культурных ценностей производится в соответствии с требованиями таможенного законодательства и при контроле со стороны органов Федеральной таможенной службы на основании заключения государственной экспертизы культурных ценностей². Вместе с тем нельзя признать оптимальным предлагаемое обоснование подобного вывода. Так, по мнению Е.В. Медведева, вывод о формальном составе основывается на невозможности определения конкретного ущерба, причиняемого в результате совершения данного преступления, так как нельзя точно установить ущерб от фактической утраты рассматриваемых предметов³. Однако в данном случае, на наш взгляд, суть вопроса сводится к тому, что для привлечения к уголовной ответственности достаточно самого факта невозвращения из-за границы объектов археологического наследия. Сами же они, как правило, сохраняют свое существование и не уничтожаются преступником. В этой связи следует заметить, что общественная опасность рассматриваемого деяния проявляется, прежде всего, не в стоимостном выражении невоз-

¹ См.: Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). СПб., 2002. С. 426; Гребеньков А.А. Проблемные вопросы уголовно-правовой защиты культурных ценностей от невозвращения на территорию Российской Федерации // Известия Юго-западного государственного университета. Серия: история и право. 2014. № 4. С. 133; Иванов Н.Г. Уголовное право. Особенная часть в 2 т. Том 2. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2019. Текст: электронный // ЭБС Юрайт. URL: <https://urait.ru/bcode/438621> (дата обращения: 29.08.2020 г.); Курс уголовного права. Т. 4. Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. М., 2002. С. 98; Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности (комментарий к главе 22 УК РФ). Ростов н/Д., 1999. С. 253; Медведев Е.В. Указ. соч. С. 155; Михайлов В.И., Федоров А.В. Таможенные преступления. СПб., 1999. С. 88; Уголовное право России. Общая и Особенная части / под ред. В.К. Дуюнова. М., 2008. С. 438; Уголовное право / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. 4-е изд., испр. и доп. М., 2007. С. 489; Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А.И. Рарога. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 454; Уголовное право. Особенная часть. Учебник для вузов / под общ. ред. Л.М. Прокументова. Томск, 2019. С. 281.

² См.: Бочаров О.С. Уголовная ответственность за незаконное перемещение через границу культурных ценностей: сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и государств-членов Таможенного союза // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. 2016. №. 6. С. 216.

³ Медведев Е.В. Указ. соч. С. 156.

вращенных объектов археологического наследия, а в том, что они навсегда изымаются из культурного фонда РФ, в результате чего наносится невосполнимый вред культуре и истории народов, населяющих Россию. Исследование и изучение указанных объектов становится невозможным, что наносит непоправимый вред научному потенциалу государства. На это обращает внимание и А.А. Гребеньков, указывающий, что «не требуется наступления конкретных вредных последствий (в частности, утраты культурных ценностей или потери возможности их возвращения на территорию РФ)»¹. Если же в результате вывоза за пределы территории РФ произошло уничтожение или повреждение объектов археологического наследия, то ответственность должна наступать по ст. 243 УК РФ. При этом дополнительной квалификации по ст. 190 УК РФ не требуется, поскольку возвращение объектов археологического наследия становится невозможным по объективной причине их утраты или повреждения. Однако на практике может возникнуть вопрос относительно квалификации заранее спланированных вывоза объектов археологического наследия без намерения возврата на территорию РФ и их уничтожения или повреждения (например, на фоне русофобии или мести РФ). Согласно действующей редакции указанных норм в этом случае требуется квалификация по совокупности преступлений, названных в ст. 190 и ст. 243 УК РФ. Сопоставление санкций ст. 190 (максимальное наказание – до 8 лет лишения свободы) и ст. 243 (максимальное наказание – до 3 лет лишения свободы) УК РФ приводит к парадоксальному выводу о том, что законодатель, судя по санкциям указанных норм, более опасным признает невозвращение объектов культурного наследия на территорию РФ, нежели их уничтожение. Такой дисбаланс нуждается, как мы полагаем, в устранении, так как при невозвращении остается возможность обнаружения и возврата объектов, а при их уничтожении они утрачиваются навсегда. Если же уничтожение или повреждение произошло по неосторожности в силу нарушения требований сохранения или использования объектов культурного наследия, то такое деяние квалифицируется только по ст. 243¹ УК РФ. Но если при этом будет доказано, что у соответствующего лица было намерение не возвращать такие предметы, и они

¹ Гребеньков А.А. Указ. соч. С. 137.

не были переданы в срок на территорию РФ, а затем были неосторожно повреждены или уничтожены, совокупность требуется.

В уголовно-правовой доктрине поднимается вопрос о путях оптимизации состава невозвращения объектов археологического наследия. В частности, ряд авторов предлагает ориентироваться на некий стоимостной критерий при оценке степени общественной опасности рассматриваемого деяния¹. Таковым предлагается считать 100 тыс. руб., как это определено в ст. 226¹ УК РФ. Согласиться с подобной позицией не представляется возможным, поскольку, как было отмечено ранее, объекты археологического наследия обладают не только и не столько экономической ценностью, сколько культурологической и научной. Их стоимостная экспертная оценка зачастую имеет формальный характер и, как правило, для истории и культуры народов России – это бесценные атрибуты наследия прошлого. Поэтому с включением в систему конструктивных признаков состава данного преступления экономического критерия согласиться нельзя. Определяющим в данном вопросе должен выступать факт признания при постановке того или иного объекта археологического наследия на музейный учет его исторической и культурной ценности.

Специфика объективной стороны рассматриваемого преступления выражается еще и в том, что оно носит длящийся характер – «непрерывное бездействие». Началом невозвращения выступает пропуск без уважительных причин установленного времени возврата объектов культурного наследия на территорию РФ. По справедливому мнению В.Г. Беспалько, началом совершения преступления, предусмотренного ст. 190 УК РФ, следует считать день, следующий за днем предельного срока возвращения на территорию РФ временно вывезенных за ее пределы культурных ценностей². Вместе с тем при квалификации названного деяния принципиальным становится вопрос о моменте признания объектов археологического наследия возвращенными на территорию РФ. Это связано с фактическим несовпадением момента пересечения государственной и таможенной границ. Кроме того, администрирование таможенных процедур по-

¹ См.: Гребенькова А.А. Указ. соч. С. 137.

² См.: Беспалько В.Г. Уголовная ответственность за невозвращение культурных ценностей из-за границы // Закон. 2006. № 6. С. 57.

ка еще не достигло своего оптимального уровня и обычно составляет длительный период времени. В этой связи возникает вопрос о признании фактом возвращения момента регистрации в таможенных органах поданных в установленном порядке таможенных документов. Однако в данном случае может возникать несоответствие поданных документов и подлинного содержания перевозимого груза. Фактическое окончание преступления произойдет, когда данное лицо по своей воле возвратит из-за границы вывезенные культурные ценности в результате деятельного раскаяния или по иным мотивам либо путем явки с повинной, либо на момент возбуждения против виновного уголовного дела¹. Такой вывод соответствует и толкованию Верховного Суда, представленному в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 04.03.1929 г. (ред. от 14.03.1963 г.) № 23 «Об условиях применения давности и амнистии к делящимся и продолжаемым преступлениям»². Однако момент юридического окончания невозвращения из-за границы объектов археологического наследия следует связывать с истечением времени их возврата.

В научных источниках по-разному предлагается решать данный вопрос. Так, по мнению Е.В. Медведева, момент окончания невозвращения объектов культурного наследия на территорию РФ совпадает с моментом пересечения ими государственной границы (при их вывозе за территорию РФ). Определяющим автор считает факт возврата культурных ценностей на территорию РФ. При этом соблюдение порядка их регистрации играет для квалификации второстепенную роль³. Однако в данном случае нельзя еще вести речь о совершении преступления, поскольку есть установленное время для возврата объектов археологического наследия на территорию РФ, и пока оно не истекло, нет основания для вывода о криминальном характере вывоза. На взгляд А.А. Гребенькова, момент окончания рассматриваемого преступления – время утраты возможности возврата культурной ценности на территорию РФ, равно как и утрата воле-

¹ См.: Там же.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 04.03.1929 г. (ред. от 14.03.1963 г.) № 23 «Об условиях применения давности и амнистии к делящимся и продолжаемым преступлениям» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9710/.

³ См.: Медведев Е.В. Указ. соч. С. 156.

вого контроля над таким возвращением¹. Однако совершенно очевидно, что в данном случае следует говорить об отсутствии факта преступления, поскольку лицо утратило объективную возможность возвращения объектов археологического наследия, равно как и волевой контроль над ними. Другие авторы определяют момент окончания анализируемого преступления фактом пересечения таможенной границы. Полагаем, данная позиция является более верной, поскольку процедура возвращения имеет свои формальные рамки, благодаря которым осуществляется точная идентификация ввозимого груза, установление соответствия документов на вывоз и ввоз объектов археологического наследия. Поэтому временем совершения преступления, предусмотренного ст. 190 УК РФ, следует считать время, обусловленное истечением срока, который отпущен на возвращение вывезенных предметов в РФ. Таким образом, можно заключить, что названное деяние окончено по истечении срока пребывания объекта археологического наследия на территории иностранного государства.

Некоторое внешнее сходство с составом преступления, закрепленным в ст. 190 УК РФ, имеет контрабанда культурных ценностей (ст. 226¹ УК РФ). Однако, в отличие от ранее рассмотренного преступления, состав контрабанды характеризуется перемещением через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС без законных на то оснований объектов археологического наследия. Практика свидетельствует о широкой палитре способов реализации преступного умысла на контрабанду: вывоз и ввоз без разрешающих документов; сокрытие от таможенного контроля либо минуя его (тайники, схроны, муляжи, маскировки и т.п.); посредством предъявления поддельных документов и средств таможенной идентификации и т.п. Данное преступление совершается путем совершения системы взаимосвязанных действий, т.е. характеризуется сложносоставным деянием. Оно состоит из двух основных актов: 1) ввоз/вывоз и 2) пересечение таможенной границы. К выводу о полисистемном характере деяния в составе контрабанды пришел и

¹ См.: Гребеньков А.А. Указ. соч. С. 138.

С.А. Фомичев¹.

Объективная сторона рассматриваемого преступления заключается в незаконном перемещении (ввоз, вывоз, транзит) объектов археологического наследия через таможенную границу ТС в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу РФ с государствами-членами ТС в рамках ЕврАзЭС². Незаконное перемещение культурных ценностей через таможенную границу заключается в их перемещении через таможенную границу ТС в рамках ЕАЭС или Государственную границу РФ с государствами-членами ТС в рамках ЕАЭС вне установленных мест или в неустановленное время работы таможенных органов в этих местах, либо с сокрытием от таможенного контроля, либо с недостоверным декларированием или недекларированием предметов, либо с использованием документов, содержащих недостоверные сведения о предметах, и (или) с использованием поддельных либо относящихся к другим предметам средств идентификации. В соответствии с ч. 1 ст. 5 ТК ЕАЭС³ «таможенную территорию Союза составляют территории государств-членов, а также находящиеся за пределами территорий государств-членов искусственные острова, сооружения, установки и иные объекты, в отношении которых государства-члены обладают исключительной юрисдикцией».

К видам незаконного перемещения относится перемещение: 1) вне установленных мест; 2) в неустановленное время работы таможенных органов в этих местах; 3) с сокрытием от таможенного контроля; 4) с недостоверным декларированием или с недекларированием; 5) с использованием документов, содержащих недостоверные сведения⁴.

Соккрытие от таможенного контроля объектов археологического наследия – наиболее распространенный способ их контрабанды. Согласно п. 5 постанов-

¹ См.: Фомичев С.А. Контрабанда культурных ценностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 10.

² См.: Бочаров О.С. Указ. соч. С. 220.

³ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019 г.) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11.04.2017 г.) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/.

⁴ См. также: Талан М.В. Совершенствование уголовно-правовых норм об ответственности за контрабанду // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2018. № 7 (7). С. 48.

ления Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.2017 г. № 12 (ред. от 11.06.2020 г.) «О судебной практике по делам о контрабанде» незаконное перемещение товаров или иных предметов через таможенную границу при контрабанде может совершаться посредством сокрытия от таможенного контроля товаров или иных предметов, то есть путем совершения любых действий, направленных на то, чтобы затруднить обнаружение таких товаров (предметов) либо утаить их подлинные свойства или количество, в том числе придание одним товарам (предметам) вида других, использование тайников, специально изготовленных или приспособленных для контрабанды в предметах багажа, одежды или оборудованных на транспортных средствах, используемых для перемещения товаров или иных предметов через таможенную границу¹. Сокрытие выражается в создании препятствий для визуального обнаружения в процессе прохождения таможенного контроля².

Зачастую виновные прибегают к использованию для вывоза предмета контрабанды тайников – специально изготовленных и оборудованных мест, позволяющих спрятать от таможенного досмотра перемещаемое (это могут быть и объекты археологического наследия). При совершении контрабанды последних преступники прибегают и к использованию различных способов, затрудняющих обнаружение товаров (провоз в межпотолочных пространствах железнодорожных вагонов, маскировка под иные объекты и т.п.). Так, С. поместил имеющееся у него в пользовании оружие в сумку, создав в ней потайную нишу с целью скрытного перемещения оружия через пост таможенного контроля³. Реализуя свой преступный умысел на незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕАЭС огнестрельного оружия, его составных частей и боеприпасов, в нарушение требований ст. ст. 7, 104, 105, 106,

¹ О судебной практике по делам о контрабанде: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 г. № 12 (ред. от 11.06.2020 г.) // ИПС «ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/71665790/>.

² О сокрытии как наиболее распространенном способе совершения контрабанды сообщили сотрудники таможенных органов РФ (85,2 % опрошенных респондентов). См.: Приложение 2.

³ См.: Приговор Анапского городского суда Краснодарского края от 26 февраля 2020 г. по делу № 1-48/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/8PYGSgSoVEmm/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=1599987786833 (дата обращения: 15.08.2020 г.).

120, 127 ТК ЕАЭС, являющегося приложением №1 к Договору о Таможенном кодексе ЕАЭС, заведомо зная о том, что он в установленном законом порядке не задекларировал разрешительные документы из межведомственного координационного органа по экспортному контролю на вывоз огнестрельного оружия, его составных частей и боеприпасов, не получил указанные документы и таможенному органу не предоставил.

Контрабанда, совершаемая путем использования документов, как правило, выражается в следующих основных формах: 1) предоставление таможенному органу недействительных документов; 2) предоставление подложных документов; 3) предоставление документов, содержащих недействительные сведения. Обман при использовании средств таможенной идентификации выражается либо в применении поддельного средства либо подлинного, но относящегося к другим ценностям¹.

При контрабанде преступники используют как полностью фальшивые документы, так и поддельные (изначально подлинные документы, в которые внесены ложные сведения), либо похищенные или иным незаконным способом полученные. В поддельных документах может использоваться как материальный, так и интеллектуальный подлог. Они могут быть изначально подлинными, но относящимися не к провозимым, а иным культурным ценностям².

При вывозе культурных ценностей достаточно распространенным способом выступает недекларирование³, представляющее собой сообщение ложных сведений о вывозимом или ввозимом объекте (его стоимости, происхождении, назначении, древности и т.п.). Таким образом, недекларирование – это несообщение сведений, установленных в таможенных требованиях (полное сокрытие информации о вывозимом объекте; предоставление неполной информации; сообщение заведомо ложных сведений и т.п.). Так, С., управляя личным автомобилем, имея умысел на незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕАЭС психотропного вещества, в нарушение спе-

¹ См. также: Фомичев С. А. Указ. соч. С. 10.

² См.: Там же.

³ Данный способ совершения контрабанды был также указан в числе наиболее распространенных (75,7 % опрошенных респондентов). См.: Приложение 2.

циальных правил, установленных Таможенным кодексом ЕАЭС и положением «О ввозе в РФ и вывозе из РФ наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров при осуществлении внешнеторговой деятельности с государствами, не являющимися участниками Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС», утвержденного постановлением Правительства РФ от 21.03.2011 г. № 181, путем недекларирования, прибыл с территории государства Украины на таможенный пост МАПП Донецк. По прибытии в зону таможенного контроля С. в устной форме каких-либо предметов, веществ, подлежащих обязательному таможенному декларированию, не заявил¹.

Важным для квалификации контрабанды объектов археологического наследия выступает вопрос о времени и месте ее окончания. В научных публикациях высказывается позиция, согласно которой преступление в форме ввоза культурных ценностей считается оконченным в момент пересечения лицом таможенной границы ТС в рамках ЕврАзЭС (ныне – ЕАЭС) либо Государственной границы РФ с государствами – членами ТС в рамках ЕврАзЭС (ныне – ЕАЭС). Однако, на взгляд Т.Р. Сабитова, общественная опасность контрабанды культурных ценностей при их вывозе, возникает на этапе подачи таможенной декларации, содержащей заведомо недостоверные сведения, и именно с этого момента данное преступление следует считать оконченным². Сходная позиция высказывалась и ранее рядом отечественных авторов³, которые солидаризировались с ныне недействующим постановлением Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о контрабанде». Такой подход имеет существенные изъяны, связанные с перенесением акцента с предмета преступления

¹ См.: Приговор Донецкого городского суда Ростовской области от 21.02.2020 г. по уголовному делу № 1-185/2019. URL: 1-8/2020https://sudact.ru/regular/doc/6RjQCJL6FgZQ/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=1599987786833 (дата обращения: 21.08.2020 г.).

² Сабитов Т.Р. Некоторые проблемные вопросы конструкции состава контрабанды культурных ценностей и ее квалификации // Борьба с правонарушениями в сфере экономики: правовые, процессуальные и криминалистические аспекты: сборник материалов международной научно-практической конференции в рамках международного юридического форума «Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития» (г. Новосибирск, 22.05.2019 г.). Кемерово, 2019. С. 150.

³ См., напр.: Кастрикина Т. К вопросу о моменте окончания контрабанды, совершенной при вывозе товаров и иных предметов за пределы России // Уголовное право. 2009. № 5. С. 31.

на его субъекта, поскольку момент окончания преступного деяния связывается с моментом перемещения субъекта преступления через таможенную границу, а не с фактом перемещения через нее объекта археологического наследия. В этом смысле более точна позиция, согласно которой контрабанда в форме вывоза должна быть оконченным преступлением с момента фактического пересечения таможенной границы объекта археологического наследия¹. Если же контрабанда будет выявлена сотрудниками таможенных органов на стадии подачи недостоверных сведений, либо при осмотре багажа, груза или транспортного средства будет выявлен тайник, то эти действия следует квалифицировать как покушение на контрабанду, поскольку фактического перемещения через таможенную или государственную границу объектов археологического наследия осуществлено не было. Подобная точка зрения поддерживается целым рядом ученых².

Вместе с тем анализ положений ст. 2 ТК ЕАЭС дает основание для вывода о частично усеченной правовой конструкции состава контрабанды. При этом п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ разделил момент окончания контрабанды в зависимости от способа ее совершения, пояснив, что контрабанда, совершенная при ввозе на таможенную территорию Союза или вывозе с этой территории товаров или иных предметов вне установленных мест (пунктов пропуска через таможенную границу) или в неустановленное время работы таможенных органов в этих местах, является оконченным преступлением с момента фактического пересечения товарами или иными предметами таможенной границы. В тех случаях, когда при контрабанде применяются иные способы незаконного перемещения товаров или иных предметов, например, недостоверное декларирование или использование документов, содержащих недостоверные сведения о товарах или иных предметах, контрабанда признается оконченной с момента представления таможенному органу таможенной декларации либо иного документа, допускающего ввоз на таможенную территорию Союза или вывоз с

¹ См.: Дранников А.В. Уголовная ответственность за контрабанду предметов, ограниченных в гражданском обороте: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2000. С. 168.

² См.: Соболев В., Душкин С. Спорные вопросы при рассмотрении дел о контрабанде // Российская юстиция. 2002. № 3; Уголовное право России. Часть Особенная: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. Л.Л. Кругликов // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785392114948.html> (дата обращения: 29.08.2020 г.).

этой территории товаров или иных предметов, в целях их незаконного перемещения через таможенную границу.

Вопрос о правовой оценке момента окончания контрабанды должен решаться с учетом места организации таможенного контроля, которое не всегда совпадает с локализацией таможенной границы (например, воздушной или водной)¹. Думается, что окончание контрабанды следует связывать с моментом совершения всего комплекса деяний, ее составляющих, – вывоз или ввоз объектов археологического наследия и пересечение ими таможенной или государственной границы². По этому же пути идет и судебная практика. Так, С., имея умысел на незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕАЭС стратегически важных товаров в крупном размере, из корыстных побуждений, сокрыла часть ввезенных ею ювелирных изделий в сопровождаемом ею багаже, а также в находящемся на ней нижнем белье, после чего прошла к «зеленому» коридору зоны таможенного контроля, расположенному в зале прилета международного сектора аэропорта Ростова-на-Дону (Платов), где в нарушение ст. 257, ст. 261 ТК ЕАЭС, проследовала по «зеленому» коридору зоны таможенного контроля, расположенному в зале прилета международного сектора, сокрыв от таможенного оформления и таможенного контроля и не задекларировав в установленном законом порядке указанные изделия в ходе таможенного досмотра товаров, перемещаемых через таможенную границу ЕАЭС физическими лицами для личного пользования в сопровождаемом багаже. Согласно акту таможенного досмотра на С. и в ее багаже были обнаружены и изъяты ювелирные изделия в количестве 63 шт., общим весом 443,60 г.³

Обращает на себя внимание тот факт, что контрабанда культурных ценностей наказывается менее строго, нежели их невозвращение из-за границы. Такой подход вряд ли оправдан, поскольку общественная опасность первой значительно выше, и нуждается в корректировке.

¹ См.: Фомичев С.А. Указ. соч. С. 11.

² С подобным выводом согласилось 73,9 % опрошенных респондентов. См.: Приложение 2.

³ См.: Приговор Аксайского районного суда Ростовской области от 25.02.2020 г. по делу № 1-132/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/cv4jRCirMWbR/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=1599987786833 (дата обращения: 17.08.2020 г.).

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ, состоит в совершении действий, в результате которых объекты археологического наследия уничтожаются или повреждаются. В силу такого содержания диспозиции названной нормы вопрос о правовой конструкции состава преступления, криминализованного в ч. 1 ст. 243 УК РФ, в науке дискуссий не вызывает. Рассматриваемое преступное деяние является преступлением с материальным составом¹. Его общественная опасность заключается в нанесении невосполнимого ущерба национальному культурному наследию России, а также в причинении вреда историческому наследию и научному потенциалу РФ. Кроме того, его совершение в отношении культурных ценностей, не принадлежащих виновному, приводит к существенному нарушению отношений собственности. Указанное деяние, в отличие от других посягательств рассматриваемой группы, характеризуется тем, что приводит к фактической утрате культурных ценностей либо к утрате ими своих уникальных специфических свойств². Спецификой отличается содержание деяния, образующего объективную сторону названного преступления, поскольку оно может приобретать форму как активного действия, так и бездействия. Под уничтожением понимается разрушение, ликвидация, истребление и иные действия, приводящие к полному прекращению существования объекта, в частности, поджог, взрыв или иное воздействие из числа механических разрушений. Повреждение в свою очередь предполагает такое изменение состояния объекта, которое приводит к неполной утрате его ценности либо иных существенных свойств. Бездействие как форма деяния в составе уничтожения или повреждения объектов культурного наследия наказуемо, так как законодательством РФ (ст. 44 Конституции РФ, ст. 48 Федерального закона № 73-ФЗ) установлена обязанность как в отношении любого человека, так и в отношении собственника объекта археологического наследия (субъекты, в ведение

¹ См.: Афонин И.Б. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 15; Давлетшина О.В. Указ. соч. С. 17; Медведев Е.В. Указ. соч. С. 9; Рындин С.С. Международно-правовое сотрудничество государств в сфере борьбы с незаконным вывозом культурных ценностей: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 110; Сабитов Т.Р. Указ. соч. С. 10 и др.

² См. также: Медведев Е.В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. С. 51.

которых они переданы государством как единственным собственником таких объектов) обеспечения его сохранности и безопасности. Так, согласно Конституции РФ, обязанность каждого – заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры.

Сохранение объекта культурного наследия – это, согласно ст. 40 Федерального закона № 73-ФЗ, направленные на обеспечение физической сохранности объекта культурного наследия ремонтно-реставрационные работы, в том числе консервация объекта культурного наследия, ремонт памятника, реставрация памятника или ансамбля, приспособление объекта культурного наследия для современного использования, а также научно-исследовательские, изыскательские, проектные и производственные работы, научно-методическое руководство, технический и авторский надзор. Таким образом, закон устанавливает четкие требования к совершению активных действий, направленных на обеспечение сохранности объектов археологического наследия. Именно это позволяет привлекать лицо, обязанное действовать определенным образом, к уголовной ответственности за бездействие. Вместе с тем не вызывает сомнений справедливость вывода о том, что общественная опасность уничтожения объектов археологического наследия более высока, нежели их повреждения, на что обращали внимание и иные авторы. В этой связи нельзя согласиться с законодателем, который уравнивал их, указав в одной части ст. 243 УК РФ¹.

Достаточно актуальна в настоящее время проблема охраны объектов археологического наследия от осквернения. Обратной стороной развития внутреннего туризма в РФ становится неуважительное отношение к объектам археологического наследия. Однако нанесение надписей, рисунков, приобщение иностранных предметов, совершение обрядов и действий, не вытекающих из предназначения объектов археологического наследия (проведение квестов, фотосессий вне ограждений, танцев и т.п.), нельзя квалифицировать ни по ст. 214, ни по ст. 243 УК РФ. Места погребения (захоронения) и надмогильные сооружения также

¹ См., напр.: Лачина Е.А. Уголовно-правовая охрана памятников природы, истории и культуры: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. С. 19.

не являются предметом вандализма¹. Поэтому считаем необходимым дополнить диспозицию ст. 243 УК РФ указанием на такое деяние, как осквернение памятников истории и культуры². Данное предложение соответствует как отечественной правовой традиции (Закон СССР «Об уголовной и административной ответственности за нарушение законодательства об охране и использовании памятников истории и культуры»³), так и нормативным подходам ряда государств СНГ, в законодательстве которых подобная норма уже действует (в частности, ст. 294 УК РК и ст. 346 УК РБ).

Помимо этого, гл. VI («Государственная охрана объектов культурного наследия») Федерального закона № 73-ФЗ необходимо дополнить ст. 35.2, закрепив в ней дефиницию осквернения памятников истории и культуры, под которым следует понимать совершенное с особым цинизмом, попирающее общечеловеческие ценности, традиции народов России нанесение бранных надписей, рисунков, символов, внешнее видоизменение памятника без его повреждения.

Объективная сторона нарушения требований сохранения или использования объектов культурного наследия, закрепленного в ст. 243¹ УК РФ, выражается в совершении как действий, так и бездействия. Следовательно, для привлечения к уголовной ответственности по данной норме необходимо установить факт невыполнения или недолжного выполнения надлежащим лицом требований сохранения или использования объектов археологического наследия. Требования по сохранению и использованию объектов культурного наследия определены в Федеральном законе № 73-ФЗ (гл. VII, VIII). Дополнительные требования по сохранению и использованию объекта культурного наследия устанавливаются в охранном обязательстве пользователя таковым. По своей сути охрannое обязательство представляет собой документ установленного образца, согласно которому собственник объекта культурного наследия берет на себя обязательство по

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2-х тт. / под ред. А.В. Бриллиантова. Т. 2. М., 2015. С. 581.

² С предлагаемой новеллой выразили свою солидарность 87,8 % опрошенных в ходе исследования респондентов. См.: Приложение 2.

³ Об уголовной и административной ответственности за нарушение законодательства об охране и использовании памятников истории и культуры: Закон СССР от 02.07.1991 г. № 2284-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1991. № 29. Ст. 837 (утратил силу).

сохранению памятника архитектуры и содержанию его в надлежащем состоянии, что включает в себя ограничение эксплуатационных прав владения объектом и выполнение определенных работ по содержанию такого имущества в соответствии с требованиями, которые прописаны в обязательстве. Охранное обязательство предусмотрено исключительно на недвижимые объекты культурного наследия. Такой документ должен быть оформлен на каждый объект культурного наследия. То, какой орган уполномочен его выдавать, зависит от значения объекта. Если объект федерального или регионального значения, то таким органом является орган исполнительной власти субъекта РФ, а если объект местного значения, то местная администрация (ч. 4 ст. 48 Федерального закона № 73-ФЗ).

Согласно п. 7 ст. 47.6 Федерального закона № 73-ФЗ охранное обязательство собственника или иного законного владельца объекта культурного наследия утверждается приказом Управления государственной охраны объектов культурного наследия субъекта Федерации. В силу п. 12 ст. 47.6 этого закона копия приказа Управления с копией утвержденного им охранного обязательства, оформленного в соответствии со ст. 47.6 данного закона, вручается под роспись или направляется заказным письмом с уведомлением о вручении собственнику или иному законному владельцу объекта культурного наследия, включенного в реестр, не позднее 3 рабочих дней со дня утверждения охранного обязательства. Все утвержденные охранные обязательства размещаются на официальном сайте Управления в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Форма охранного обязательства, порядок его подготовки и утверждения, а также порядок подтверждения собственником или иным законным владельцем выполнения требований, содержащихся в охранном обязательстве, утверждены приказом Министерства культуры РФ от 13 июля 2020 г. № 774 «Об утверждении формы охранного обязательства собственника или иного законного владельца объекта культурного наследия, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, и порядка его подготовки и утвер-

ждения»¹. В охранном обязательстве означены требования к сохранению объекта культурного наследия, к его содержанию и использованию. Здесь же перечислены виды работ, которые должен проводить собственник, чтобы уберечь памятник в должном состоянии; прописываются требования по обеспечению доступа граждан к объекту. Помимо этого, условия включают различные обязанности. Например, если в ходе работ были обнаружены археологические или другие объекты, имеющие признаки объекта культурного наследия, собственнику необходимо в течение 3 дней сообщить о находке в письменном порядке в соответствующие органы. Согласно этому документу, на собственника возлагаются все расходы, связанные с содержанием памятника и поддержанием его в соответствии с техническими, противопожарными и санитарными нормами.

По правовой конструкции состав преступления материальный, поскольку в диспозиции четко определено, что в результате нарушения требований по сохранению и использованию объектов культурного наследия последние должны быть уничтожены или повреждены, причем в крупном размере. Примечание к ст. 243¹ УК РФ определяет, что повреждение в крупном размере составляет стоимость мероприятий, необходимых в соответствии с законодательством РФ для сохранения объекта археологического наследия, превышающая 500 тыс. рублей. Вместе с тем следует согласиться с мнением И.А. Халикова о том, что нуждается в уточнении категория «восстановительные работы», поскольку она не совпадает по содержанию с привычным пониманием ремонтных или реставрационных работ². В этой связи автор предлагает закрепить легальное понятие восстановительных работ в ст. 43.1 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» – «Восстановительные работы».

¹ См.: Об утверждении формы охранного обязательства собственника или иного законного владельца объекта культурного наследия, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, и порядка его подготовки и утверждения: приказ Министерства культуры Российской Федерации от 13 июля 2020 г. № 774 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011130036>.

² Халиков И.А. Сложности при определении характера и размера вреда, причиненного объекту культурного наследия в результате совершенного преступления // Культура: управление, экономика, право. 2018. № 1. С. 34.

Объективная сторона состава преступления, криминализованного в ст. 243² УК РФ, выражается в поиске и (или) изъятии археологических предметов из мест залегания на поверхности земли, в земле или под водой, проводимых без разрешения (открытого листа). Это система активных действий – поиск и изъятие без необходимого разрешения. В доктринальных источниках обоснованно обращено внимание на бланкетный характер диспозиции рассматриваемой нормы. В этой связи заслуживает внимания предложение И.А. Халикова о необходимости толкования категорий, используемых в ней, в специальном постановлении Пленума Верховного Суда РФ¹.

Поиск выражается в обнаружении объектов археологического наследия, а изъятие в их извлечении из мест залегания на поверхности земли, в земле или под водой². Разрешение (открытый лист) выдается федеральным органом охраны объектов культурного наследия на основании заключения РАН и подтверждает право на проведение одного из видов археологических полевых работ (разведок, раскопок, наблюдения). Его получателем может быть лишь гражданин РФ, подтвердивший наличие специальных теоретических знаний и практических навыков в области археологии, являющийся сотрудником юридического лица, действующего в сфере археологии. Помимо этого, установлен уведомительный порядок проведения раскопок и обнаружения объектов археологического наследия.

При этом сам порядок проведения археологических полевых работ, методы научных исследований объектов археологического наследия, состав и структура научного отчета о выполненных археологических полевых работах, требования к профессиональным знаниям и навыкам исследователя определяются Российской академией наук при осуществлении научной регламентации археологических полевых работ (ст. 45.1 Федерального закона № 73-ФЗ).

В настоящее время основным актом в этой сфере является Положение о

¹ Халиков И.А. Об основных правовых понятиях, используемых в диспозиции ст. 243² УК РФ // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 1 (32). С. 112.

² См.: Кобзева Е.В. Незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания – новое преступное посягательство на нравственные основы культурной памяти // Человек. Преступление и наказание. 2014. № 2 (85). С. 118.

порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации¹. Незаконность археологических работ в рамках ст. 243² УК РФ устанавливается фактом отсутствия открытого листа². Данный критерий также лежит в основе отграничения данного преступления, от деяния, указанного в ч. 2 ст. 243 УК РФ. Рассматриваемый состав материальный, и преступление считается оконченным с момента наступления последствий в виде повреждения или уничтожения культурного слоя. Уничтожение выражается в безвозвратной утрате объекта археологического наследия, в то время как повреждение является изменением в сторону снижения археологической ценности объекта при общем его сохранении.

Порядок проведения археологических полевых работ, в ходе которых допускается поиск и изъятие археологических предметов, установлен в ст. 45.1 Федерального закона № 73-ФЗ. Поиск археологических предметов и их изъятие из мест залегания могут производиться исключительно в составе археологических полевых работ. Работы по выявлению и изучению объектов археологического наследия, включая работы, имеющие целью поиск и изъятие археологических предметов, проводятся на основании выдаваемого сроком не более чем на один год разрешения (открытого листа). При этом физическое лицо, получившее разрешение (открытый лист), обязано не позднее, чем за 5 рабочих дней до начала проведения археологических полевых работ, представить в орган исполнительной власти субъекта РФ, уполномоченный в области охраны объектов культурного наследия, орган местного самоуправления муниципального образования, на территориях которых планируется проведение археологических полевых работ, уведомление в письменной форме о проведении археологических полевых работ с указанием срока и места их проведения и копию разрешения.

Порядок выдачи, приостановления и прекращения действия разрешений

¹ Положение о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации (утверждено постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук Российской академии наук от 20.06.2018 г. № 32). М., 2018; Официальный сайт Министерства культуры РФ. URL: https://culture.gov.ru/documents/o_poryadke_provedeniya_arkheologi355215/.

² См. также: Халиков И.А. Незаконная археология. Уголовно-правовые средства противодействия / под ред. М.А. Ефремовой. Казань, 2020. С. 96.

(открытых листов) установлен постановлением Правительства РФ от 20.02.2014 г. № 127 (ред. от 17.06.2017 г.) «Об утверждении Правил выдачи, приостановления и прекращения действия разрешений (открытых листов) на проведение работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия»¹.

Правовая конструкция рассматриваемого состава преступления материальная. Его следует признавать оконченным с момента повреждения или уничтожения культурного слоя. Как отмечается в специальной литературе, учитывая специфику рассматриваемого деяния, указанные последствия, как правило, образуются с момента начала преступного деяния². Вместе с тем в доктринальных источниках обоснованно предлагается дополнение ч. 1 ст. 243² УК РФ указанием на альтернативную возможность наступления общественно опасных последствий в виде повреждения или уничтожения памятника археологии³.

В ст. 243³ УК РФ установлена ответственность за уклонение исполнителя земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения (открытого листа), от обязательной передачи государству в соответствии с законодательством РФ обнаруженных при проведении таких работ предметов, имеющих особую культурную ценность, или культурных ценностей в крупном размере. Важным аспектом определения содержания объективной стороны данного посягательства выступает толкование категории «уклонение». В литературе высказывается единодушный подход, согласно которому данное преступление может совершаться исключительно путем бездействия⁴. Уклонение представля-

¹ Об утверждении Правил выдачи, приостановления и прекращения действия разрешений (открытых листов) на проведение работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия: постановление Правительства РФ от 20.02.2014 г. № 127 (ред. от 17.06.2017 г.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 9. Ст. 910; 2017. № 26 (часть I). Ст. 3845.

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. М., 2018. С. 127.

³ См.: Халиков И.А. Проблемы квалификации преступлений в отношении памятников археологии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. № 1(39). С. 90.

⁴ См., напр.: Петров А.В. Уголовная ответственность за уклонение от обязательной передачи государству обнаруженных при проведении работ предметов, имеющих особую культурную ценность, или культурных ценностей в крупном размере на основании открытого листа // Право: история, теория, практика: материалы III Международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, 20-23 июля 2015 г.). СПб., 2015. С. 130; Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. Л.Г. Литвяк. М., 2016. С. 571.

ет собой деящееся преступление. Оно может выражаться в следующем: сокрытие обнаруженных объектов археологического наследия; их удержание; отказ передать указанные предметы государству согласно установленному порядку.

По правовой конструкции данный состав формальный, преступление следует считать оконченным с момента, когда должны быть действия по обязательной передаче государству обнаруженных при проведении соответствующих работ предметов, имеющих особую культурную ценность, или культурных ценностей в крупном размере не были осуществлены субъектом в установленные сроки.

Подводя итог рассмотрению объективной стороны преступлений, посягающих на сохранность объектов археологического наследия, следует подчеркнуть, что ее специфика выражается в том, что данные преступные деяния могут иметь форму как действия, так и бездействия. В активном поведении виновного субъекта проявляются преступные деяния, свойственные составам, закрепленным в ст. ст. 164, 226¹, 243² УК РФ; в бездействии – в ст. 190, и 243³ УК РФ. Преступления, предусмотренные в ст. 243 и 243¹ УК РФ, предполагают как действие, так и бездействие субъекта. Для некоторых преступлений имеют конструктивное значение, играя роль обязательных признаков объективной стороны, время (ст. 190 УК РФ) и место (ст. 226¹ и 243² УК РФ).

В уголовном законе содержится указание на несколько форм совершения посягательств на сохранность объектов археологического наследия: их изъятие и (или) обращение в пользу виновного или других лиц (ст. 164 УК РФ); невозвращение на территорию РФ (ст. 190 УК РФ); уничтожение или повреждение (ч. 1 ст. 243 УК РФ); нарушение требований сохранения или использования (ст. 243¹ УК РФ); незаконный поиск и (или) изъятие (ч. 1 ст. 243² УК РФ); уклонение исполнителя земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения (открытого листа), от обязательной передачи государству обнаруженных при проведении таких работ предметов (ст. 243³ УК РФ). Таким образом, в УК РФ криминализован широкий круг деяний, совершаемых в отношении объектов археологического наследия.

Анализ состава преступления, криминализованного в ст. 164 УК РФ, дает

основание для вывода о том, что в отношении посягательств на объекты археологического наследия (кроме мошенничества) данная норма применяется лишь тогда, когда они совершены вне археологических полевых, равно как и земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ. В противном случае наказание будет определяться в рамках ст. 243³ УК РФ. Исключение составляет лишь хищение объектов археологического наследия, совершенное в форме мошенничества, поскольку завладение указанными объектами путем обмана или злоупотребления доверием возможно и в месте проведения археологических раскопов. Важным аспектом квалификации деяния по ст. 164 УК РФ выступает осуществление посягательства на те объекты археологического наследия, которые отнесены к движимым и приобрели статус имущества; лишь завладение правом на имущество при мошенничестве возможно и в отношении недвижимости. Необоснованным видится объединение в ч. 1 ст. 164 УК РФ всех форм хищения. Считаю необходимым предусмотреть ответственность за насильственные формы хищения в ч. 1 ст. 164 УК РФ, за насильственные – в ч. 2¹.

В уголовном законе РФ наличествует существенный пробел, который не позволяет в полной мере обеспечить защиту объектов археологического наследия, поскольку в нем уголовно-правовой охране от хищений подлежит только имущество, что создает правовой вакуум в отношении вновь обнаруженных объектов археологического наследия до момента постановки их на государственный учет. В этой связи считаю необходимым дополнить УК РФ указанием на новый состав преступления – «Незаконное завладение имуществом, не связанное с его хищением, совершенное свойственными последнему способами» (ст. 164¹). Под его признаки, по нашему мнению, должны попадать и ситуации «хищения похищенного». Указание на него следует также включить и в перечень деяний в ст. 164 УК РФ, изменив ее название: «Хищение и иные нарушения законного порядка приобретения культурных ценностей»².

Для обеспечения непрерывной правовой охраны объектов археологиче-

¹ С этим солидарно большинство опрошенных в ходе исследования респондентов – 98 %. См.: Приложение 2.

² Предлагаемая новелла нашла одобрение у 61,7 % опрошенных нами респондентов. См.: Приложение 2.

ского наследия необходимо закрепить в законодательстве РФ (как это осуществлено в Модельном законе государств СНГ «Об охране археологического наследия») положение о том, что в равной мере находятся под государственной охраной и обеспечены правовой защитой как поставленные на государственный учет, так и вновь выявленные объекты археологического наследия. В целом же, исходя из особого значения этих объектов, необходимо принять в РФ отдельный закон «Об объектах археологического наследия».

Общественная опасность уничтожения объектов археологического наследия более высока, нежели их повреждения. Поэтому нельзя согласиться с законодателем, который уравнил их, установив уголовную ответственность в одной части ст. 243 УК РФ. Необходимо также дополнить диспозицию ст. 243 УК РФ таким деянием, как осквернение памятников истории и культуры. В развитие данного предложения видится целесообразным Федерального закона № 73-ФЗ дополнить ст. 35.2, закрепив в ней дефиницию осквернения памятников истории и культуры, под которым следует понимать совершенное с особым цинизмом и попиранием общечеловеческих ценностей, традиций народов РФ нанесение бранных надписей, рисунков, символов, внешнее видоизменение памятника без его повреждения.

3.4 Субъективные признаки посягательств на сохранность объектов археологического наследия

Субъективная сторона и субъект состава преступления – важные элементы его юридической характеристики, отражающие не только специфику деяния, но и играющие значимую роль при выборе уровня уголовно-правового реагирования на конкретное посягательство. Не вызывает сомнений большая общественная опасность умышленных преступлений по сравнению с неосторожными. В полной мере обоснован в отечественной доктрине тезис о повышенном уровне общественной опасности деяний, совершаемых специальным субъектом, в частности, лицом с использованием своего служебного положения.

Посягательства на сохранность объектов археологического наследия,

осуществляемые в форме хищений (ст. 164 УК РФ), невозвращения на территорию Российской Федерации (ст. 190 УК РФ), контрабанды (ст. 226¹ УК РФ), уничтожения или повреждения объектов культурного наследия (ст. 243 УК РФ), незаконного поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания (ст. 243² УК РФ), уклонения исполнителя земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения (открытого листа), от обязательной передачи государству обнаруженных при проведении таких работ предметов, имеющих особую культурную ценность, или культурных ценностей в крупном размере (ст. 243³ УК РФ), характеризуются умышленной формой вины. В отечественной уголовно-правовой доктрине выработался подход, согласно которому этим составам преступлений присущ прямой умысел¹. Вместе с тем с подобным выводом можно согласиться лишь отчасти, поскольку появление новых составов преступлений в УК РФ позволяет сделать вывод, что для некоторых из них, в частности, деяния, предусмотренного ст. 243² УК РФ, характерен также и косвенный умысел. При наличии такового могут совершаться, кроме того, уничтожение и повреждение объектов культурного наследия.

Важным элементом содержания умысла применительно к рассматриваемым преступлениям выступает осознание виновным того, что предметы, в отношении которых осуществляется посягательство, являются объектами археологического наследия.

Однако нельзя согласиться с тем, что, характеризуя субъективную сторону деяния, криминализованного в ст. 190 УК РФ, некоторые авторы включают в описание содержания вины такие компоненты, как предвидение неизбежности наступления общественно опасных последствий в виде ущерба фондам куль-

¹ См.: Вершков В.В. Уголовная ответственность за невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 25; Довгий Д. Хищения предметов, имеющих особую ценность // Законность. 2007. № 5. С. 43; Клебанов Л.Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей / под науч. ред. А.В. Наумова. М., 2011. С. 125; Карпова Н.А., Калинская Я.С. Хищение предметов, имеющих особую ценность: проблемы законодательного описания объективных признаков состава преступления // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 6. С. 105; Медведев Е.В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: дис. ... канд. юрид. наук. С. 46.

турных ценностей РФ и желание их наступления¹. Такой подход не соответствует законодательной конструкции состава. Он является формальным, следовательно, содержание вины, ему присущей, не предполагает предвидения наступления преступных последствий, не включает отношения к ним.

Достаточно спорным следует признать и рекомендацию, согласно которой о наличии прямого умысла при совершении посягательств на объекты археологического наследия необходимо делать вывод, если виновный основывает свои знания о сущности предмета посягательства на данных проведенной экспертизы, а также полученном официальном разрешении (заключение, лицензия)². На практике действительно возникает сложность при установлении данного признака субъективной стороны преступлений, направленных на объекты археологического наследия, вновь обнаруженные и не имеющие еще подтвержденного правового статуса. Для того чтобы была осуществлена их экспертиза, необходимо определенное время. Квалификация усложняется указанием в уголовном законе на такой признак, как «особая ценность», которая подтверждается исключительно специалистами в ходе экспертного изучения. На этом основании ряд авторов предлагает применять освобождение от ответственности.

Действительно, возникает ситуация, в которой археологические предметы оцениваются виновным как таковые лишь предположительно. Встает вопрос, можно ли здесь говорить о наличии прямого умысла в его действиях. Для вывода о содержании вины в данном случае необходимо опираться на комплексный анализ системы фактов: место совершения преступления (при его совершении на месте раскопок, на территории музейных комплексов, музеев, из музейных хранилищ и т.п. можно ставить вопрос об осознании виновным характера похищаемых предметов); присущие виновному специальные знания в области истории и археологии (образование, род деятельности и т.п.), навыки (использование специальных инструментов, карт и т.п.); принадлежность виновного к специализированным сообществам (например, группы в социальных сетях). На необходимость комплексного подхода при определении направленности умысла

¹ Вершков В.В. Указ. соч. С. 25.

² См.: Пасурманов Г.В. Указ. соч. С. 88.

обращено внимание в научных публикациях отечественных авторов¹.

При обосновании, например, прямого умысла в составе невозвращения объектов археологического наследия на территорию РФ, по мнению Е.В. Медведева, следует опираться на то, что виновный «в полной мере осознает особое значение и особую ценность указанных предметов, в связи с чем по объективным причинам не может относиться безразлично ни к ним, ни к совершаемым по отношению к ним действиям, тем более – по отношению к их невозвращению на территорию России»². Однако подобная аргументация недостаточно убедительна. Следуя букве закона (ч. 2 ст. 25 УК РФ) и учитывая формальную законодательную конструкцию названного состава преступления, необходимо сделать единственно верный вывод о том, что оно может быть совершено с прямым умыслом, поскольку для привлечения к уголовной ответственности достаточно установить, что виновный осознавал общественную опасность своих действий (бездействия).

Прямым либо косвенным умыслом характеризуется содержание вины в составах уничтожения или повреждения объектов культурного наследия (ч. 1 ст. 243 УК РФ), а также незаконного поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания (ч. 1 ст. 243² УК РФ), так как они являются материальными³. Для посягательства, предусмотренного ст. 243³ УК РФ, характерен прямой умысел.

Единственный состав преступления, предполагающий неосторожную форму вины, – это нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (ст. 243¹). Причем неосторожность может выражаться как в легкомыслии, так и небрежности. Это деяние может вменяться лишь лицам, обязанным в силу занимаемой должности, служебных обязанностей и т.п. осуществлять деятельность по сохранению и целевому использова-

¹ См.: Довгий Д. Хищения предметов, имеющих особую ценность // Законность. 2007. № 5. С. 43.

² Медведев Е. В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 46.

³ См. также: Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. В.П. Коныхина, М.Л. Прохоровой. М., 2015. С. 566; Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под общ. ред. Л.М. Прозументова. Томск, 2019. С. 530.

нию объектов археологического наследия.

Специфика большинства рассматриваемых преступлений состоит в том, что, как правило, виновное лицо заранее обдумывает совершение данного преступления, планирует его. В большей степени прегумышленный характер присущ хищениям объектов археологического наследия, контрабанде, незаконным поиску и (или) изъятию археологических предметов из мест залегания.

Для хищений объектов археологического наследия обязательно наличие такого признака субъективной стороны, как корыстная цель. Что касается мотивов, то в отношении названных посягательств они могут быть различны (корысть, стремление причинить ущерб государству, завладение культурными ценностями для личного пользования)¹. В последнее время получили распространение такие мотивы, как стремление вернуть артефакт в места первоначального обнаружения (капища, религиозные святыни и т.п.) или для совершения культовых обрядов членами всевозможных сект и оккультных сообществ.

Спорным представляется вывод о том, что вина определяет основание отграничения преступления, предусмотренного ст. 190 УК РФ, от контрабанды объектов археологического наследия (ст. 226¹ УК РФ). В частности, к основным аргументам автор представленной позиции В.В. Вершков относит то, что, если виновный изначально при перемещении указанных объектов через государственную границу не имел намерения их возвращать, это свидетельствует о наличии в его действиях состава контрабанды². Сходная точка зрения обоснована и Е.В. Медведевым, указывающим, что в зависимости от времени и места возникновения умысла невозвращение культурных ценностей на территорию РФ может быть квалифицировано или по ст. 190 УК, или по ст. ст. 188 (утратила силу), 164 УК³. Однако в данном случае, на наш взгляд, упускается из вида то, что определяющим признаком здесь выступает характер перемещения. При невозвращении перемещение объектов археологического наследия с территории Российской Федерации происходит на законных основаниях, что осознается виновным.

¹ См. также: Пусурманов Г.В. Указ. соч. С. 91.

² См.: Там же.

³ Медведев Е.В. Указ. соч. С. 46.

В то же время следует учитывать, что при невозвращении осознанием злоумышленника охватывается то, что установленное время для возврата культурных ценностей на территорию РФ истекло, но такая возможность не утрачена, однако он сознательно не осуществляет действий, направленных на их возвращение. Однако при установлении факта изначального планирования невозвращения культурных ценностей, то есть их незаконного присвоения, действия виновного подлежат квалификации как хищение. Дополнительной квалификации по ст. 190 УК РФ не требуется.

Таким составам преступлений, как хищение объектов археологического наследия (ст. 164 УК РФ); контрабанда культурных ценностей (ст. 226¹ УК РФ); уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (ст. 243 УК РФ); нарушение требований их сохранения или использования (ст. 243¹ УК РФ); незаконных поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания (ст. 243² УК РФ)¹, свойствен общий субъект – физическое, вменяемое лицо, достигшее 16 лет. Подобный подход оправдан как конституционной обязанностью сохранять культурное достояние народов Российской Федерации, так и отраслевыми принципами уголовного права. Однако, по мнению И.А. Халикова, субъект преступления, предусмотренного ст. 243¹ УК РФ, должен понимать сущность и значение своих действий, объем и пределы которых определены охранным обязательством². Совершенно справедливо указание автора о том, что законодателем оставлена без внимания возможность совершения преступления, предусмотренного ст. 243¹, специальным субъектом – должностным лицом, наделенным функциями представителя органа исполнительной власти³.

Вместе с тем в научных источниках справедливо поднимается вопрос об

¹ См.: Халиков И.А. Признаки субъекта преступления, предусмотренного статьей 243² Уголовного кодекса Российской Федерации // Правосудие / Justice. 2021. Т. 3, № 1. С. 118; его же. Незаконная археология. Уголовно-правовые средства противодействия. С. 128.

² См.: Халиков И.А. Актуальные вопросы установления субъекта преступления, предусмотренного статьей 243.1 УК РФ // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования: сб.: материалов межвузовской научно-практической конференции. Иркутск. 2017. С. 126; его же. К вопросу о субъекте преступления, предусмотренного ст. 243¹ УК РФ // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 3 (29). С. 81.

³ Халиков И.А. К вопросу о специальном субъекте преступления, предусмотренного статьей 243¹ УК РФ // Вестник Удмуртского университета. 2017. Т. 27, вып. 6. С. 152.

обоснованности установления ответственности за хищение объектов культурного, в том числе археологического, наследия с 16 лет, тогда как за целый ряд «общеуголовных» хищений (кража, грабеж, разбой) она наступает с 14 лет¹. Думается, что позиция законодателя в данном случае более оптимальна, поскольку специфика содержания вины, как было рассмотрено ранее, в обязательном порядке предполагает осознание особой исторической или культурологической значимости похищаемых археологических предметов. В возрасте до 16 лет индивид, как правило, в силу отсутствия определенного уровня образования и жизненного опыта обладает ограниченным кругом знаний относительно объектов археологического наследия, не понимает их истинной ценности. Помимо этого, совершение рассматриваемых хищений не имеет распространенного характера в возрастной группе до 16 лет. По данным криминологических исследований, подростки крайне редко являются субъектами хищения предметов, имеющих особую ценность. Так, А.М. Чеченов приводит следующие данные о возрасте субъекта данного преступления: в наибольшей степени данный вид преступности характерен для лиц, находящихся в возрасте от 25 до 35 лет (63%), причем для возрастной группы 20-24 года характерны насильственные формы хищений предметов, имеющих особую ценность².

Однако, похищая предметы, даже не понимая их особой ценности, подросток действует умышленно и с корыстной целью. В этой связи следует применять общую норму, предусматривающую соответствующую форму хищения.

Большинство отечественных авторов указывает на общего субъекта и в составе контрабанды культурных ценностей (ст. 226¹ УК РФ)³. Вместе с тем в литературе предпринимались попытки обоснования закрепления ответственности специального субъекта – декларанта или перевозчика. В обоснование при-

¹ См.: Давлетшина О.В. Указ. соч. С. 25; Жеребченко А.В., Афроськина И.Н. Хищение предметов, имеющих особую ценность: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. Барнаул, 2017. № 17-2. С. 23.

² См.: Чеченов А.М. Характеристика личности преступника, совершающего хищение предметов, имеющих особую ценность // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 4. С. 97.

³ См.: Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. С. 497; Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под общ. ред. Л.М. Прохументова. С. 436.

водятся доводы, согласно которым к ответственности могут быть привлечены случайные люди, которым, например, археологический предмет был подложен без их ведома. Но данный вопрос лежит в области не материального, а процессуального права, так как связан с проблемой доказывания. Безусловно, к уголовной ответственности должны привлекаться лишь лица, виновные в совершении незаконного перемещения через границу (таможенную или государственную) археологических предметов.

Субъект преступления, названного в ст. 190 УК РФ, специальный – лицо, которое согласно договору ответственно за возвращение временно вывозимых археологических предметов на территорию РФ (должностное лицо или другой представитель организации (музея, научно-исследовательского центра, иных государственных хранилищ археологических предметов и т.п.), уполномоченный ею на временный вывоз указанных предметов за пределы РФ). Такая характеристика субъекта данного состава преступления представлена многими отечественными учеными¹. Нельзя поддержать авторов, полагающих, что данное преступление может совершить любое лицо. Такой подход неверен применительно к археологическим предметам, поскольку в РФ они могут находиться исключительно в государственной собственности. Следовательно, при организации зарубежных мероприятий с их участием установлена процедура по обеспечению сохранности с назначением специально уполномоченного лица, как правило, руководителя поездки, учреждения, подразделения и т.п. Совершенно очевидно, что таковыми не могут быть лица, не достигшие 18 лет, поскольку на указанных субъектов возлагается материальная ответственность. Помимо этого, в диспозиции ст. 190 УК РФ содержится прямое указание о том, что действия по возвращению должны входить в круг взятых привлекаемым к ответственности обязательств по возвращению археологических предметов.

Специальный субъект предусмотрен и для преступления, названного в ст. 243³ УК РФ, – это лицо, достигшее 16-летнего возраста, являющееся исполнителем земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разреше-

¹ См., напр.: Вершков В.В. Указ. соч. С. 28; Медведев Е.В. Указ. соч. С. 46.

ния (открытого листа). При квалификации указанного деяния может возникнуть вопрос: кого считать исполнителем всех вышеперечисленных работ? Согласно приказу Министерства культуры от 27.11.2015 г. № 2877 таковыми могут быть как физические, так и юридические лица. В данном случае к ответственности будет привлекаться руководитель предприятия или конкретный работник, непосредственно осуществлявший те или иные работы и обнаруживший археологические предметы. Поскольку перечисленные виды деятельности относятся к специальной сфере, постольку они должны осуществляться на легальном основании, при наличии разрешения установленного образца. При отсутствии такового к ответственности привлекаются фактические исполнители перечисленных работ. Однако их действия, помимо квалификации по ст. 243³ УК РФ, должны будут получить правовую оценку и как незаконное выполнение работ.

Подводя итог анализу признаков субъективной стороны, необходимо подчеркнуть *следующее*:

1. Большинство посягательств на сохранность объектов археологического наследия совершаются умышленно: с прямым умыслом (хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ), невозвращение их на территорию РФ (ст. 190 УК РФ), контрабанда (ст. 226¹ УК РФ), уклонение исполнителя земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения (открытого листа), от обязательной передачи государству обнаруженных при проведении таких работ предметов, имеющих особую культурную ценность, или культурных ценностей в крупном размере (ст. 243³ УК РФ); как с прямым, так и косвенным умыслом – уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (ст. 243 УК РФ), незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания (ст. 243² УК РФ). Рассматриваемая группа деяний включает лишь одно неосторожное – нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (ст. 243¹ УК РФ).

2. При квалификации следует учитывать, что при невозвращении объектов археологического наследия на территорию РФ осознанием злоумышленника охватывается то, что установленное время для возврата культурных ценностей

на территорию России истекло, но такая возможность не утрачена, однако он сознательно не осуществляет действий, направленных на возвращение указанных предметов. При установлении факта изначального планирования невозвращения культурных ценностей, то есть их незаконного присвоения, действия виновного подлежат квалификации как хищение.

3. Следуя букве закона (ч. 2 ст. 25 УК РФ) и учитывая формальную правовую конструкцию состава преступления, названного в ст. 190 УК РФ, необходимо сделать единственно верный вывод, что оно может быть совершено с прямым умыслом, так как для привлечения к уголовной ответственности достаточно установить, что виновный осознавал общественную опасность своего деяния.

4. Для вывода о содержании вины в ситуации, когда виновный оценивает предметы как археологические лишь предположительно, необходимо опираться на комплексный анализ системы фактов: место совершения преступления (при его совершении на месте раскопок, на территории музейных комплексов, музеев, из музейных хранилищ и т.п. можно ставить вопрос об осознании виновным характера похищаемых предметов); присущие виновному специальные знания в области истории и археологии (образование, род деятельности и т.п.), навыки (использование специальных инструментов, карт и т.п.); принадлежность виновного к специализированным сообществам (например, «копатели», группы в социальных сетях).

5. Для большинства посягательств на объекты археологического наследия характерен общий субъект преступления – физическое, вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет. В отношении хищений объектов археологического наследия установление более высокого возраста, нежели за общеуголовные соответствующие преступления, обосновано, поскольку специфика субъективной стороны хищений объектов археологического наследия предполагает осознание особой исторической или культурологической значимости похищаемых подростком предметов. В возрасте 14-15 лет индивид не имеет определенного уровня образования и жизненного опыта, обладает ограниченным кругом знаний относительно объектов археологического наследия, не понимает их истинной ценности. Кроме того, по данным криминологических исследований, такие

лица крайне редко являются субъектами хищения предметов, имеющих особую ценность. Вместе с тем, похищая предметы, даже не понимая их особой ценности, лицо действует умышленно и с корыстной целью. Поэтому следует применять общую норму, предусматривающую соответствующую форму хищения.

6. Специфика субъекта невозвращения объектов археологического наследия на территорию РФ проявляется в том, что к таковому не может быть отнесен общий субъект, поскольку археологические предметы в РФ могут находиться исключительно в государственной собственности, следовательно, при организации зарубежных мероприятий с их участием установлена процедура по обеспечению сохранности таковых с назначением специально уполномоченного лица, как правило, руководителя поездки, учреждения, подразделения и т.п. Кроме того, совершенно очевидно, что таковыми не могут быть лица, не достигшие 18 лет, поскольку на указанных субъектов возлагается материальная ответственность. Помимо этого, в диспозиции ст. 190 УК РФ содержится прямое указание о том, что действия по возвращению должно входить в круг взятых привлекаемым к ответственности обязательств по возвращению археологических предметов.

7. Специальный субъект свойствен составу преступления, предусмотренному ст. 243³ УК РФ, – это лицо, достигшее 16-летнего возраста, являющееся исполнителем земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения (открытого листа). К ответственности будет привлекаться руководитель предприятия или конкретный работник, непосредственно осуществлявший те или иные работы и обнаруживший археологические предметы. При отсутствии разрешения установленного образца на осуществление работ определенного вида к уголовной ответственности будут привлекаться фактические исполнители перечисленных работ. Однако содеянное ими образует совокупность преступлений и подлежат квалификации по ст. ст. 243² и 243³ УК РФ.

3.5 Квалифицированные виды посягательств на сохранность объектов археологического наследия

Квалифицированными составами преступления следует признавать составы, наделенные особыми (квалифицирующими) признаками, в свою очередь отражающими более высокий уровень общественной опасности деяния в сравнении с основным составом. В отечественной правовой литературе отмечается двойственная их природа: 1) формируют качественно новую характеристику преступления (Л.Л. Кругликов¹, Э.В. Кабурнеев² и др.); 2) определяют более строгие пределы ответственности (С.В. Бородин³, М.В. Архипова⁴ и др.).

Квалифицированные составы являются одним из показателей уровня дифференциации уголовной ответственности. Применительно к посягательствам на сохранность объектов археологического наследия подобная дифференциация осуществлена лишь для части преступлений (ч. 2 ст. 164 УК РФ, ч. 2 ст. 226¹ УК РФ, ч. 2 и 3 ст. 243², ч. 2 ст. 243³ УК РФ). Упущением следует признать отсутствие таковой в отношении невозвращения археологических предметов на территорию РФ и нарушения требований сохранения или использования объектов культурного наследия народов РФ (ст. 243¹ УК РФ).

Обратимся к более детальному анализу квалифицирующих признаков составов преступлений рассматриваемой группы. Детальный анализ их системы дает основание для установления определенного унифицированного подхода законодателя в этом вопросе. Так, все квалифицирующие указанные посягательства признаки относятся к объективной стороне состава преступления. Причем в трех нормах закреплён такой признак, как совершение деяния группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (как квалифицирую-

¹ См.: Кругликов Л.Л. Квалифицирующие признаки как средство дифференциации уголовной ответственности: современное состояние // Вестник Ярославского государственного университета. 2007. № 4. С. 56.

² См.: Кабурнеев Э.В. Понятие квалифицирующих признаков и их роль в дифференциации уголовной ответственности за убийство // Законы России. 2007. № 4. С. 70.

³ См.: Бородин С.В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. М., 1994. С. 41.

⁴ См.: Архипова М.В., Редькина Е.А., Синьков Д.В., Трикоз Ю.Е. Убийство: уголовно-правовая и криминологическая характеристика. Иркутск, 2008. С. 69.

щий признак – в п. «а» ч. 2 ст. 164, п. «б» ч. 2 ст. 243³ УК РФ; как особо квалифицирующий (содержащий, однако, указание лишь на организованную группу) – в ч. 3 ст. 226¹, п. «в» ч. 3 ст. 243² УК РФ).

Действительно, посягательства на объекты археологического наследия традиционно входят в систему организованной преступности, они в большинстве своем из-за сложного механизма подготовки, приискания соответствующего предмета, поиска каналов легализации похищенного не совершаются в одиночку. Кроме того, им присущи именно спланированные сложные формы совместной преступной деятельности. Данный факт объясняет обоснованность отказа от включения в указанный перечень квалифицирующих признаков группы лиц без предварительного сговора. В уголовно-правовой доктрине институт соучастия в преступлении разработан достаточно детально. Множество комплексных исследований посвящено указанной проблематике и на современном этапе развития уголовно-правовой теории¹. Несмотря на это, продолжаются научные дискуссии относительно форм соучастия в преступлении. Ученые находятся в постоянном поиске оптимальной модели выявления и закрепления в законе отличительных признаков группы лиц по предварительному сговору, организованной группы и преступного сообщества.

Так, достаточно актуальна в отечественной уголовно-правовой науке проблема содержания вины при совершении преступления группой лиц по предва-

¹ См.: Виденькина Ж.В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества или участие в нем: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012; Гришко Е.А. Организация преступного сообщества (преступной организации): уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001; Досюкова Т.В. Применение уголовно-правовой нормы об ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации): рекомендации для практических работников. Саратов, 2000; Кисин А.В. Уголовная ответственность за преступления, совершенные в составе организованной преступной группы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013; Клименко Н.Ю. Уголовно-правовые и криминологические признаки форм соучастия: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002; Кузнецов К.В. Криминологическая характеристика и предупреждение организованной этнической преступности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. 2018; Скотинина В.Н. Компаративистское исследование состава организации преступного сообщества (преступной организации): внутригосударственный, международный и зарубежный аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008; Тройнов С.П. Уголовно-правовые и криминологические проблемы организации преступного сообщества (преступной организации): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004; Трузьян Э.В. Организованная группа по российскому уголовному законодательству: понятие, виды, ответственность. Краснодар, 2018; Хмелевская Т.А. Виды групповых преступлений и их квалификация по УК РФ. М., 2000 и др.

рительному сговору. По мнению И.А. Дубровина, предварительный сговор в данном случае может иметь как конкретизированное, так и не конкретизированное содержание. В последнем случае он не должен заранее охватывать все возможные вредные последствия¹. При этом такой сговор может быть выражен в любой форме, но всегда должен состояться до совершения преступления. С подобным заключением следует согласиться. Как известно, возникла коллизия в толковании специфики ролей соучастников в группе лиц по предварительному сговору в теории и правоприменительной практике. Верховный Суд РФ занимает позицию, что для признания рассматриваемой группы необходимо наличие не менее двух исполнителей². В научных исследованиях данный тезис отдельными авторами опровергается³. Думается, что анализ положений ч. 2 ст. 35 УК РФ дает основание для вывода об ошибочности судебного толкования рассматриваемого признака, поскольку в данной норме, в отличие от ч. 1 ст. 35 УК РФ, не содержится прямого указания об обязательном наличии двух или более соисполнителей среди лиц, совершающих преступление в составе группы лиц по предварительному сговору.

Рассматривая особенности организованной группы, отечественные авторы обращают внимание на более узкие пределы криминализации в сравнении с международным законодательством. Так, Э.В. Трузян указывает, что следует признавать группу организованной при наличии двух лиц и цели совершения ими любых преступлений⁴. Сходные идеи высказаны А.В. Кисиним⁵. Достаточно проблематично толкование и такого признака организованной группы, как «устойчивость», поскольку он является оценочным. В основу понятия устойчивости кладутся такие признаки, как долговременность существования группы, стойкость преступных связей, неоднократность преступных действий, четко

¹ См.: Дубровин А.И. Ответственность за преступления, совершенные группой лиц по предварительному сговору и организованной группой: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 7.

² См.: Пункт 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (ред. от 29.06.2021 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // СПС «КонсультантПлюс». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/.

³ См., напр.: Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении по уголовному праву РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 15, 16, 39.

⁴ Трузян Э.В. Указ. соч. С. 8-9.

⁵ Кисин А.В. Указ. соч. С. 7.

определенные методы преступной деятельности¹. Некоторые авторы², равно как Пленум Верховного Суда РФ, включают в систему признаков, характеризующих устойчивость организованной группы, и такие, как длительность подготовки к преступлению, неоднократность совместного совершения преступлений, оснащенность техническими средствами. Думается, что они не отражают специфических свойств данной формы соучастия и не должны включаться в систему обязательных характеристик устойчивости. Не всегда признак длительности подготовки может быть формализован в целях правовой оценки, поскольку категория «длительность» достаточно оценочная. Не отражает специфики характеристики названной группы и факт применения ею технических средств, поскольку таковые могут быть использованы и при реализации иных форм соучастия, равно как и организованная группа может действовать без их применения. Поэтому включение указанных признаков в систему обязательных при признании наличия организованной группы будет чревато либо необоснованным расширением границ вменения указанного квалифицирующего признака, либо создаст почву для его исключения.

В этой связи при толковании признака «устойчивость» применительно к организованной группе следует делать акцент на те его проявления, которые характерны для данной формы соучастия и обладают существенным значением. Прежде всего, рассматриваемый признак раскрывается через анализ внутренних взаимоотношений участников организованной группы. Именно они являются носителями специфической системы взаимодействия, характерной именно для такого объединения, отражая качественно новый уровень осуществления преступной деятельности. Обобщение различных точек зрения дает основание для

¹ Иванов Н.Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве. Саратов, 1991. С. 101-102.

² См.: Пункт 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм»; п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»; п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 03.04.2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы»; Мальков С.М. Квалификация преступлений, предусмотренных статьей 232 УК РФ, совершенных группой лиц по предварительному сговору и организованной группой // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2014. № 3 (16). С. 26.

вывода о том, что группа должна признаваться устойчивой, если она: 1) имеет стабильный субъектный состав; 2) между ее участниками сложились личные доверительные отношения; 3) каждый участник выполняет заранее оговоренную роль, соблюдает субординацию – распределение ролей; 4) в группе сложились специальные каналы обмена информацией и связи, система кодированных атрибутивных обозначений, имеющие целью скрыть специфику деятельности.

В уголовно-правовой теории на повестку дня ставится вопрос о необходимости учета при квалификации и определении меры наказания наличия такой формы соучастия в преступлении, как преступное сообщество¹. Думается, что применительно к хищениям объектов археологического наследия, их контрабанде, незаконным раскопкам постановка такого вопроса вполне обоснована. Сфера оборота указанных предметов приносит высокие прибыли, что не может не попасть в зону внимания «криминальных дельцов». Так, уже отмечалось, что, по оценкам экспертов, торговля ворованными древностями как один из транснациональных преступных промыслов уступает в наши дни по выгоде и размаху лишь торговле наркотиками, оружием и отмыванию денег². Культурные ценности стали источником огромных прибылей – до 1000% чистого дохода. Парадоксально, но ученые из Музея археологии и антропологии Кембриджского университета обнаружили, что у 92% их экспонатов в каталоге нет обозначения места находки, а потому легальность их происхождения довольно сомнительна. Украинский археолог Д.Я. Телегин назвал грабительские раскопки с целью наживы «теневой археологией» – по аналогии с теневой экономикой. По экспертным оценкам, в период с 2001 по 2013 гг. каждый год только с территории Крыма контрабандой вывозилось древностей на сумму 2 млн. долл. Преступные сообщества в сфере «теневого оборота» археологических ценностей активно действуют и в Европейском Союзе. Так, 18 ноября 2019 г. итальянская полиция раскрыла крупную сеть злоумышленников, проводивших незаконные археоло-

¹ См.: Мельниченко Н.Н. Посягательства на объекты археологического наследия, совершенные в соучастии: проблемы правовой регламентации и квалификации // Теория и практика общественного развития. 2020. № 12 (154). С. 83-86.

² Часть I. Контрабанда – ведущий международный криминальный промысел // Экономическая теория преступлений и наказаний. №5-1. URL: <http://corruption.rsuh.ru/magazine/> (дата обращения: 12.04.2020 г.).

гические раскопки в Калабрии на юге страны. В Италии, Великобритании, Германии, Франции и Сербии проведены 80 обысков и приняты 23 меры пресечения¹; изъято около 10 тыс. археологических артефактов. В 2019 г. оперативными подразделениями таможенных органов России по фактам незаконного перемещения культурных ценностей возбуждено 17 уголовных дел по ст. 226¹ УК РФ. Наиболее часто эти преступления выявляются в таможах на западных и южных границах России (Центральный, Северо-Западный, Южный федеральные округа), а также в таможах аэропортов московского авиаузла: Внуково, Домодедово, Шереметьево. В интервью начальник Главного управления по борьбе с контрабандой ФТС России А. Юдинцев отметил, что «контрабанда культурных ценностей была всегда одной из основных проблем в сфере таможенного дела»².

Преступные схемы посягательств на объекты археологического наследия достигли транснациональных масштабов. Так, в интервью начальника отдела памятников археологии управления государственной охраны объектов культурного наследия Г. Давыденко был приведен следующий факт³: сотрудники ФСБ России по Краснодарскому краю совместно с коллегами из Санкт-Петербурга и Ленинградской области при участии управления госохраны объектов культурного наследия края разоблачили и пресекли незаконные археологические раскопки и контрабанду артефактов. Преступная траектория была построена так: сначала в Лондон высылали фотографии археологических предметов, после чего по заказу собирали партию артефактов и вывозили за границу. Древние ценности реализовывали в британской столице на аукционе. Затем они расходились по частным коллекциям.

Приведенные аргументы заставляют задуматься над включением в систему квалифицирующих признаков ряда посягательств на сохранность объектов археологического наследия такого, как совершение деяния преступным сообще-

¹ Итальянская полиция раскрыла сеть контрабандистов-археологов. URL: <https://www.dw.com/ru/> (дата обращения: 02.03.2020 г.).

² Интервью начальника Главного управления по борьбе с контрабандой ФТС России Андрея Юдинцева журналу «Таможня». Правоохранительная деятельность: современное состояние и перспективы развития. URL: <http://customs.ru/press/aktualno/document/214126?print=1> (дата обращения: 02.03.2020 г.).

³ Контрабанда привела в Лондон. URL: <https://yugtimes.com/news/44160/> (дата обращения: 02.03.2020 г.).

ством. Толкование юридических признаков преступного сообщества требует отдельного рассмотрения. Следует поддержать точку зрения В.А. Попова, что видовым признаком преступной организации является наличие в составе организованной группы структурных подразделений. Именно этот признак отражает более высокий уровень общественной опасности данной формы соучастия и позволяет отграничивать преступное сообщество от организованной группы¹.

Вместе с тем ученые подвергают справедливой критике такой закрепленный в ч. 4 ст. 35 УК РФ признак преступного сообщества, как «целевой». Д.А. Григорьев, анализируя его определение, данное в ч. 4 ст. 35 и в ч. 1 ст. 210 УК РФ, предлагает расширить целевую характеристику деятельности сообщества за счет указания на цель совершения преступлений средней тяжести, а не только тяжких и особо тяжких². С подобной критикой следует согласиться, так как введение данного признака в систему характеристик преступного сообщества существенно сузило пределы возможного вменения этой формы соучастия.

В.Н. Куфлева обосновывает необходимость корректировки понятия преступного сообщества в соответствии с положениями Конвенцией ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. В частности, автор предлагает опираться на количественный критерий (состав сообщества должен включать трех или более лиц) и хронологический критерий (объединение должно создаваться на длительный период времени для совершения умышленных преступлений)³. Полагаем, что указание на отмеченные критерии заслуживает поддержки.

При анализе квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков посягательств на сохранность объектов археологического наследия обращает на себя внимание и то, что законодатель непоследователен в оценке общественной

¹ Попов В.А. Группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа и преступное сообщество (преступная организация): соотношение понятий // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2016. № 3. С. 28.

² Григорьев Д.А. Уголовно-правовая характеристика ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2018. С. 10.

³ Скотинина (Куфлева) В.Н. Компаративистское исследование состава организации преступного сообщества (преступной организации): внутривнутригосударственный, международный и зарубежный аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 6.

опасности указанных деяний, совершенных группой лиц по предварительному сговору и организованной группой. В двух составах преступлений это обстоятельство предусмотрено в качестве квалифицирующего и в двух – особо квалифицирующего признака. Подобный подход законодателя следует признать нелогичным и непоследовательным, поскольку нет объективных предпосылок для столь различной правовой оценки указанного обстоятельства.

Возникает, кроме того, вопрос о сопоставимости общественной опасности двух названных форм соучастия. Безусловно, группа лиц по предварительному сговору обладает меньшей степенью общественной опасности, нежели организованная. Поэтому их объединение в рамках одной нормы следует признать необоснованным. Опираясь на представленные аргументы, необходимо изменить редакции рассматриваемых норм, предусмотрев совершение преступления группой лиц по предварительному сговору в качестве квалифицирующего, организованной группой – особо квалифицирующего признака. Совершение же преступления в составе преступного сообщества следует отнести к признакам исключительной тяжести.

Второй унифицировано используемый законодателем квалифицирующий признак для дифференциации ответственности за рассматриваемые посягательства – их совершение «должностным лицом с использованием своего служебного положения» (п. «а» ч. 2 ст. 226¹, п. «а» ч. 2 ст. 243³ УК РФ). В п. «б» ч. 3 ст. 243² УК РФ используется конструкция «лицом с использованием своего служебного положения». Его толкование не вызывает ни в теории, ни на практике особых дискуссий. В данном случае на первый план выдвигается должностное положение, благодаря которому виновный имеет доступ к информации, к помещениям, грузам, обладает необходимыми знаниями и т.п. Вместе с тем в отечественной правовой доктрине на протяжении длительного времени остается крайне дискуссионным вопрос о признаках должностного лица¹.

¹ См.: Кочерга В.А. Халатность: содержательные, компаративистские, правоприменительные аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017; Кузнецов М.П. Должностные преступления, совершаемые в таможенных органах: уголовно-правовой анализ, особенности квалификации: автореф. дис. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010; Симоненко А.А. Уголовно-правовое противодействие заведомо незаконному уголовному преследованию: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019; Сулейманов Т.М. Ответственность за злоупотребление долж-

В действующей редакции уголовного закона примечание к ст. 285 УК РФ содержит широкое и внутренне противоречивое его определение. Достаточно перспективными, на наш взгляд, следует признать некоторые предложения В.А. Кочерги, в частности, его идею о привязке рассматриваемого определения к Сводному перечню государственных должностей РФ; Реестру должностей Федеральной государственной гражданской службы; Реестру должностей государственной гражданской службы субъекта РФ; Реестру должностей муниципальной службы в субъекте РФ, утверждаемому законом субъекта РФ¹.

В ч. 2 ст. 164 УК РФ к числу квалифицирующих законодатель отнес такой признак, как «повлекшее уничтожение, порчу или разрушение предметов или документов, указанных в части первой настоящей статьи». По правовой конструкции данный состав преступления материальный. Обязательным условием вменения указанного обстоятельства является установление причинной связи между хищением объектов археологического наследия и наступившими в результате него уничтожения, порчи или разрушения. Обращает на себя внимание использование законодателем столь близких по семантике категорий, как «уничтожение» и «разрушение». Применительно к специфике рассматриваемых в диссертации предметов преступных посягательств – объектов археологического наследия – надо говорить об их уничтожении и разрушении. От использования категории «порча» следует отказаться, поскольку несанкционированное воздействие на указанные объекты, как правило, в силу логики объективного развития ситуации приводит к их уничтожению или разрушению. Семантика слова «порча» выражается в приведении какого-либо предмета, имущества или документа в полную или частичную непригодность. В этой связи, на наш взгляд, синонимичными выступают категории «повреждение» и «порча». В научных источниках, напротив, авторы усматривают смысловую схожесть между уничтожением и порчей². Поэтому считаем обоснованными предложения об отказе от одно-

ностными полномочиями по уголовному праву России и Германии (уголовно-правовой и криминологический анализ): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016 и др.

¹ См.: Кочерга В.А. Указ. соч. С. 8-9.

² См.: Резван А.П., Сенцов А.С. Уголовно-правовые меры борьбы с хищениями предметов, имеющих особую ценность: лекция. Волгоград, 1999. С. 26; Ткачев Ю.Ю. Хищение предметов, имеющих особую ценность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 21.

временного употребления в уголовном законе указанных категорий. Большинство теоретиков уголовного права трактует уничтожение как приведение соответствующих предметов в полную негодность, выражающуюся в утрате их культурной ценности¹. На наш взгляд, уничтожение – это полная утрата первоначального свойства объекта археологического наследия, не позволяющая его восстановить (реставрировать). Таким образом, следует сохранить в норме указание лишь на уничтожение или повреждение соответствующих предметов.

Достаточно неоднозначно трактуется в доктринальных источниках содержание субъективной стороны применительно к названному квалифицированному виду хищения. Ряд авторов считает, что указанные последствия могут наступить как по неосторожности, так и умышленно (косвенный умысел)². Высказываются мнения о допустимости неосторожной формы вины в отношении преступных последствий в виде повреждения, порчи или уничтожения культурных ценностей³.

Однако другие ученые, в частности, А.Н. Игнатов, считают, что рассматриваемое преступление может быть совершено только с прямым или косвенным умыслом⁴. Сходную точку зрения обосновывает и Б.В. Волженкин, поскольку, на его взгляд, наступление последствий применительно к рассматриваемому преступлению охватывается в основном косвенным умыслом⁵. Вместе с тем думается, что виновный в хищении объектов археологического наследия может неосторожно относиться к наступившим в результате совершенного им действия последствиям (например, при необеспечении должного их перемещения).

¹ См.: Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 2. Особенная часть (главы I–X). М., 2007. С. 311; Севрюков А.П. Хищение имущества: криминологические и уголовно-правовые аспекты. М., 2004. С. 178. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А.И. Рарога. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 395.

² См.: Чучаев А.И., Ашин А.А. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности: учебно-практическое пособие с пост. материалами. Владимир, 2006. С. 56; Ткачев Ю.Ю. Хищение предметов, имеющих особую ценность: дис. ... канд. юр. наук. С. 149.

³ См.: Верина Г.В. Преступления против собственности: проблемы квалификации и наказания. Саратов, 2001. С. 139-140; Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М., 1998. С. 120.

⁴ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева. М., 2004. С. 390.

⁵ См.: Практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Х.Д. Аликперова и Э.Ф. Побегайло. М., 2001. С. 419.

Не исключена в данном случае и такая форма неосторожности, как небрежность (например, при нарушении условий хранения похищенных объектов археологического наследия). Таким образом, на наш взгляд, установление прямого умысла в действиях виновного, направленных на уничтожение похищенных объектов археологического наследия, формирует необходимость иной квалификации – дополнительно по ч. 2 ст. 243 УК РФ. Объективная сторона данного квалифицированного состава преступления идентична в части квалифицирующего признака объективной и субъективной стороне преступления, закрепленного в ст. 243 УК РФ. Как полагает Г.Н. Борзенков, уничтожение или повреждение предметов хищения «образуют квалифицирующий признак, когда эти последствия наступили в результате хищения, но не являются самостоятельным деянием (ст. 243 УК)»¹. Подобная позиция справедлива, при отграничении указанных преступлений следует отталкиваться от направленности умысла виновного. При хищении, квалифицируемом по п. «в» ч. 2 ст. 164 УК РФ, субъект преследует цель завладеть объектами археологического наследия, последствия же в виде уничтожения, порчи или разрушения, в отличие от деяния, криминализованного в ст. 243 УК РФ, не входят в сферу его целеполагания.

Сопоставление санкций соответствующих норм дает почву для размышлений, поскольку один и тот же результат – уничтожение, повреждение или порча объектов археологического наследия – влечет существенно отличающиеся по уровню суровости последствия. Так, максимальное наказание, грозящее лицу, похитившему объекты археологического наследия, которые в результате были разрушены, повреждены или уничтожены, равно 15 годам лишения свободы, в то время как те же последствия, но наступившие не в результате хищения, повлекут максимально 6 лет лишения свободы. Однако в данном случае следует принимать во внимание тот факт, что при определении наказания за хищение предметов, имеющих особую ценность, повлекшее их уничтожение или повреждение, законодатель учитывает сложный характер содеянного, поскольку, по сути, налицо реальная совокупность деяний – хищение и уничтожение или по-

¹ См.: Курс уголовного права. Особенная часть. Том 3 / под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. М., 2002. С. 462.

вреждение предметов, имеющих особую ценность.

Как отмечалось ранее, возникает требующий нормативного разрешения вопрос об отсутствии в уголовном законе дифференциации ответственности за хищение предметов, имеющих особую ценность, в зависимости от его формы.

Достаточно спорный, с точки зрения его содержания, квалифицирующий признак закреплен в п. «б» ч. 2 ст. 226¹ УК РФ – «с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль». Прежде всего, категория насилия, обладая широким наполнением, включает в себя нанесение побоев, причинение легкого, средней тяжести и тяжкого вреда здоровью. В рассматриваемой же норме, вопреки логике, применение насилия любой интенсивности наказуемо в равной мере, что способствует повышению уровня виктимности сотрудников таможни, поскольку виновное лицо не будет соизмерять степень воздействия, так как разница в наказании нивелирована. При этом для повышения результативного своих действий преступнику выгоднее применять более опасные формы насилия. Кроме того, достаточно странным выглядит подход, в рамках которого причинение вреда здоровью сотрудника таможни, причем вплоть до тяжкого, расценивается законодателем как менее общественно опасное деяние, нежели совершение контрабанды объектов археологического наследия в составе организованной группы. В целях соблюдения принципов дифференциации уголовной ответственности необходимо в ч. 2 ст. 226¹ УК РФ установить ответственность за контрабанду с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, а в ч. 3 этой же нормы – опасного.

К числу конструктивных признаков состава контрабанды культурных ценностей отнесен стоимостной критерий – крупный размер, который согласно примечанию 4 составляет сумму, превышающую 100 тыс. руб. Считаем, что следует предусмотреть такой квалифицирующий признак, как контрабанда объектов культурного наследия в особо крупном размере, определив его стоимостным эквивалентом сумму, превышающую 500 тыс. руб. Такая сумма коррелирует с критериями крупного размера повреждения объекта археологического наследия, определенного в примечании к ст. 243¹ УК РФ.

Нуждается в оптимизации подход к дифференциации уголовной ответ-

ственности за уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (ст. 243 УК РФ). Особо следует подчеркнуть ее отсутствие в зависимости от способа совершения преступного деяния. Так, осуществленный в ходе исследования компаративистский анализ свидетельствует о том, что подобная дифференциация осуществлена в ст. 330 УК Болгарии. В ней усилено наказание за совершение умышленного уничтожения или повреждения соответствующих предметов путем поджога, взрыва, иным общепасным способом. Действительно, применение таковых позволяет охватить большие площади, причиняет вред значительному числу объектов, а процесс их уничтожения или повреждения делает необратимым. Кроме того, создается опасность наступления более тяжелых последствий, в том числе в виде причинения вреда здоровью или гибели людей. Полагаем, что следует и в УК РФ предусмотреть данное обстоятельство в качестве квалифицирующего признака для преступления, названного в ст. 243.

Обращает на себя внимание отсутствие дифференциации ответственности за указанное деяние на основе учета специфики субъективной стороны, в частности, мотива содеянного. Зарубежный опыт представляет примеры учета подобного обстоятельства. В частности, в УК Болгарии совершение аналогичных посягательств на объекты археологического наследия по мотивам социальной, национальной, расовой или религиозной вражды влечет наступление более строгой ответственности (ч. 2 ст. 203). Думается, что, поскольку для России проблема сохранения межнационального и межконфессионального равновесия входит в число наиболее важных, актуальность включения подобного квалифицирующего признака имеет под собой объективные основания. Совершение названного преступления из указанных побуждений свидетельствует о крайне негативной характеристике мотивационной окраски деяния, о глубоких искажениях ценностных установок, стереотипов поведения виновного. В данном случае деяние выступает лишь как инструмент выражения неуважения либо ненависти к представителям другого народа, национальности, вероисповедания. Подобный «окрас» рассматриваемых деяний всегда имеет более существенный общественный резонанс, что может быть использовано для дестабилизации социально-политической обстановки в РФ.

Установление более строгой ответственности за совершение незаконного поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания в границах территории объекта культурного наследия (ч. 2 ст. 243² УК РФ) соответствует более высокой степени общественной опасности данного деяния в привязке к указанным местам. Не вызывает сомнений, что осуществление раскопов в местах, наделенных государством особым статусом, обладает повышенным цинизмом, поскольку у виновного нет сомнений, что он посягает на культурное наследие народов РФ, и этот факт его не останавливает. Аналогично к крайне пагубным и необратимым последствиям применительно к культурным слоям и пластам приводит использование землеройных машин. Вред от подобных действий катастрофичен, а потери от него невозможны. Использование виновным специальных технических средств поиска для незаконного поиска или изъятия объектов археологического наследия тоже, безусловно, повышает степень общественной опасности деяния, поскольку позволяет виновному более эффективно действовать и достигать преступного результата. Кроме того, этот признак выступает косвенным критерием определения профессионализации преступной деятельности, что также требует более жесткой ответственности.

Таким образом, анализ квалифицированных и особо квалифицированных составов исследуемых преступных посягательств выявил ряд противоречивых моментов, требующих устранения. Между тем, нуждается в рассмотрении и вопрос о дифференциации уголовной ответственности за те преступления, в отношении которых она вообще не осуществлена. Так, совершенно не обоснован подобный подход в отношении невозвращения на территорию РФ объектов археологического наследия. Не вызывает сомнений более высокий уровень общественной опасности, свойственный совершению данного деяния группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, а равно преступным сообществом; с уничтожением или повреждением объектов культурного наследия народов РФ; в особо крупном размере. В качестве критерия определения последнего следует учитывать стоимость невозвращенных археологических объектов, превышающую 500 тыс. руб.

Вместе с тем нельзя поддержать предложение о включении в перечень

указанных признаков такого, как совершение преступления, предусмотренного ст. 190 УК РФ, «лицом с использованием своего служебного положения»¹. Ранее (в разделе 3.5 настоящей работы) был обоснован вывод о том, что субъект рассматриваемого преступления специальный – лицо, занимающее определенное служебное положение в соответствующей организации, которому вверены на временное хранение вывозимые объекты археологического наследия.

Анализ системы квалифицирующих признаков состава хищения культурных ценностей дает основание для вывода о наличии существенного пробела, обусловленного отсутствием усиления ответственности в зависимости от такого признака, как совершение деяния «с незаконным проникновением в музейное помещение, музейные хранилища, музейные фонды, научно-исследовательские лаборатории и иные помещения, специально предназначенные для экспонирования, изучения или хранения объектов культурного наследия народов российской Федерации». На это обращено внимание и в работах других отечественных авторов. Необходимость конструирования созвучного квалифицирующего признака обосновывалась в трудах Г.В. Веринной², Ю.Ю. Ткачева³ и др.

Подводя итог рассмотрению специфики законодательного описания квалифицированных составов посягательств на сохранность объектов археологического наследия, с учетом обоснованных в данном и предыдущих разделах диссертации положений и критических замечаний в адрес действующего уголовного законодательства в определенной его части предлагаем выделить в УК РФ гл. 25¹ «Преступления в сфере обеспечения сохранности культурных ценностей», объединив в ней нормы о всех названных деяниях (совершаемых в том числе в отношении объектов археологического наследия), представив их в следующих редакциях:

– ст. 245¹ «Хищение и иные нарушения законного порядка приобретения культурных ценностей»:

¹ Медведев Е.В. Указ. соч. С. 69.

² См.: Верина Г.В. Преступления против собственности: проблемы квалификации и наказания. Саратов, 2001. С. 139.

³ См.: Ткачев Ю.Ю. Хищение предметов, имеющих особую ценность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 8.

1. Кража, мошенничество, грабеж, не сопряженный с применением насилия, присвоение или растрата культурных ценностей, а равно нарушение законного порядка приобретения права собственности или законного владения ими – наказываются

2. Грабеж культурных ценностей, совершенный с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, – наказывается...

3. Хищение культурных ценностей, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, – наказывается....

4. Деяния, предусмотренные частью первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенные:

а) с незаконным проникновением в музейное помещение, музейные хранилища, музейные фонды, научно-исследовательские лаборатории и иные помещения, специально предназначенные для экспонирования, изучения или хранения объектов культурного наследия народов Российской Федерации;

б) группой лиц по предварительному сговору;

в) в особо крупном размере;

г) должностным лицом с использованием своего служебного положения;

д) с уничтожением, порчей или разрушением предметов, имеющих особую ценность, в том числе объектов археологического наследия, – наказываются....

5. Деяния, предусмотренные частью первой, второй, третьей или четвертой настоящей статьи, совершенные организованной группой либо в особо крупном размере, – наказываются....

6. Деяния, предусмотренные частью первой, второй, третьей или четвертой настоящей статьи, совершенные преступным сообществом, – наказываются....

Примечание. В статьях настоящей главы крупным размером культурных ценностей признается их стоимость, превышающая сто тысяч рублей, а особо крупным размером – стоимость культурных ценностей, превышающая пять-

сот тысяч рублей.

– ст. 245² «Невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей»:

1. *Невозвращение в установленный срок на территорию Российской Федерации культурных ценностей, вывезенных за ее пределы, если такое возвращение является обязательным в соответствии с законодательством Российской Федерации, – наказывается...*

2. *Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, повлекшее повреждение или осквернение культурных ценностей, а равно совершенное группой лиц по предварительному сговору, – наказывается...*

3. *Деяние, предусмотренное частью первой или второй настоящей статьи:*

а) повлекшее уничтожение культурных ценностей;

б) совершенное организованной группой, – наказывается...

4. *Деяния, предусмотренные частью первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенные преступным сообществом, – наказываются....*

– ст. 245³ «Контрабанда культурных ценностей»:

1. *Незаконное перемещение через таможенную границу ЕАЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами ЕАЭС культурных ценностей – наказывается ...*

2. *Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное должностным лицом с использованием своего служебного положения; группой лиц по предварительному сговору; с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль, а равно повлекшее повреждение или осквернение культурных ценностей, – наказывается...*

3. *Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные организованной группой; в особо крупном размере; с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль, а равно повлекшие уничтожение культурных ценностей, – наказываются....*

4. Деяния, предусмотренные частью первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенные преступным сообществом, – наказываются....

– ст. 245⁴ УК РФ «Уничтожение или повреждение, а равно осквернение культурных ценностей»:

1. Повреждение либо осквернение культурных ценностей – наказываются...

2. Уничтожение культурных ценностей – наказывается ...

3. Деяния, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, совершенные:

а) в отношении особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации, объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в Список всемирного наследия, историко-культурных заповедников или музеев-заповедников либо в отношении объектов археологического наследия, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, или объектов археологического наследия;

б) должностным лицом с использованием своего служебного положения;

в) группой лиц по предварительному сговору;

г) в крупном размере (за исключением осквернения культурных ценностей),

д) по мотивам расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, – наказываются...

4. Деяния (за исключением осквернения культурных ценностей), предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенные путем взрыва, поджога или иным общеопасным способом либо в особо крупном размере, – наказываются...

– ст. 245⁵ «Незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания»:

1. Поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания на поверхности земли, в земле или под водой, проводимые без разрешения

(открытого листа), повлекшие повреждение культурного слоя, – наказываются...

2. *Поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания на поверхности земли, в земле или под водой, проводимые без разрешения (открытого листа), повлекшие уничтожение культурного слоя, – наказываются...*

3. *Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные:*

а) в границах территории объекта культурного наследия, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, или выявленного объекта культурного наследия;

б) с использованием специальных технических средств поиска и (или) землеройных машин;

в) должностным лицом с использованием своего служебного положения;

г) группой лиц по предварительному сговору, – наказываются...

4. *Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенные:*

а) организованной группой;

б) в особо крупном размере, – наказываются...

5. *Деяния, предусмотренные частью первой, второй, третьей или четвертой настоящей статьи, совершенные преступным сообществом, – наказываются....*

Примечания. 1. Для целей настоящей статьи под культурным слоем понимается слой в земле или под водой, содержащий следы существования человека, время возникновения которых превышает сто лет, включающий археологические предметы.

2. *Под специальными техническими средствами поиска в настоящей статье понимаются металлоискатели, радары, магнитные приборы и другие технические средства, позволяющие определить наличие археологических предметов в месте залегания.*

– ст. 245^б «Уклонение исполнителя земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения (открытого листа), от обязательной передачи государству обнаруженных при проведении таких работ культурных ценностей в крупном размере»:

1. Уклонение исполнителя земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения (открытого листа), от обязательной передачи государству в соответствии с законодательством Российской Федерации обнаруженных при проведении таких работ культурных ценностей в крупном размере – наказывается...

2. То же деяние, совершенное должностным лицом с использованием своего служебного положения; группой лиц по предварительному сговору, а равно повлекшее повреждение или осквернение предметов, указанных в части первой настоящей статьи, – наказывается...

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные в особо крупном размере; организованной группой, а равно повлекшие уничтожение предметов, указанных в части первой настоящей статьи, – наказываются...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Криминализация посягательств на сохранность объектов археологического наследия отвечает критерию высокого уровня общественной опасности, обусловленной экономической и социальной спецификой этих преступлений. Несмотря на незначительный удельный вес, указанные посягательства причиняют невосполнимый урон духовно-нравственной сфере жизнедеятельности общества и государства. Они уничтожают культурное наследие, разрушают культурное достояние народов РФ, подрывая идеологическую основу российской государственности, базирующуюся на общности истории и культур народов, населяющих Россию. По своей ценности объекты археологического наследия обладают беспрецедентно высокой и материальной, и исторической ценностью. Их утрата, как правило, невосполнима. В этой связи соответствует требованию криминологической обоснованности установление достаточно строгой уголовной ответственности в отдельных нормах УК РФ за указанные посягательства (ст. 164, 190, 226¹, 243, 243¹, 243², 243³ УК РФ).

В Российской Федерации вопрос о правовом режиме объектов археологического наследия и их охране решается комплексно в положениях целого ряда нормативных источников. Многие важные вопросы уже нашли свою регламентацию в Конституции РФ, законах «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», «О Музейном фонде и музеях в Российской Федерации», Земельном кодексе. Однако достаточно большой блок проблем еще не получил должного регулирования на уровне норм права. Прежде всего, достаточно фрагментарными представляются положения ГК РФ о кладе, в нем практически никак не решен вопрос об объектах археологического наследия. Противоречивыми и не вполне последовательными являются положения закона «О Музейном фонде и музеях в Российской Федерации». Не урегулированы вопросы охраны объектов архитектурного наследия в законе «О недрах». Совершенствование указанных источников в соответствующей части должно стать одним из приоритетных направлений охраны объектов культурного наследия, в том числе и археологического.

Действующее законодательство обладает как внешними, так и внутренними коллизиями относительно описания предметов, подпадающих под правовую защиту в сфере обеспечения интересов национальной безопасности в области культуры. В этой связи следует уточнить дефиницию объекта археологического наследия, изложив ее в следующей редакции: «Под объектом археологического наследия понимаются археологические предметы, городища, курганы, грунтовые могильники, древние погребения, селища, стоянки, каменные изваяния, стелы, наскальные изображения, остатки древних укреплений, производств, каналов, судов, дорог, места совершения древних религиозных обрядов и культурные слои, частично или полностью скрытые в земле или под водой, основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки».

Помимо этого, ст. 3 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» необоснованно включает в предметы археологии объекты естественной среды – «экофакты». Поэтому видится необходимым внесение уточнения в данную норму и закрепление следующего определения археологических предметов: «Археологическими предметами понимаются артефакты, изъятые в результате археологических раскопок или археологической находки и переданные компетентным федеральным органом охраны объектов культурного наследия в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации». Целесообразно также уточнить и дефиницию культурного слоя, изложив ее в новой редакции: «Под культурным слоем понимается слой в земле или под водой, содержащий следы существования человека, время возникновения которых превышает сто лет, включающий объекты культурного наследия».

В российском законодательстве не нашел закрепления такой термин, как «археологическая находка», определение юридического статуса которой крайне важно для обеспечения правовой защиты археологического наследия РФ. В этой связи в законодательстве, а именно в абз. 5 ст. 3 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» необходимо закрепить его дефиницию: «Под археологической

находкой следует понимать случайно (вне рамок плановых археологических раскопок) найденные под землей или водой объекты археологического наследия».

Подлежит уточнению и понятие «культурные ценности», которое предлагается определить следующим образом: «Культурные ценности – движимые и недвижимые объекты материального мира, созданные человеком и представляющие особое значение для истории, литературы, искусства и науки народов Российской Федерации. Культурные ценности составляют объекты культурного и археологического наследия, научные открытия и изобретения, произведения литературы и искусства, являющиеся культурным достоянием народов Российской Федерации».

В целях унификации языка уголовного закона при описании предмета посягательств на сохранность культурного наследия, в том числе объектов археологического наследия, следует оперировать единой терминологией – категорией «культурные ценности», отказавшись от употребления таких сочетаний, как «предметы или документы, имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную ценность», «объекты культурного наследия» и др.

История развития уголовно-правовой охраны объектов археологического наследия протекала в рамках следующих периодов: 1) *Зарождение* уголовно-правовой охраны объектов археологического наследия (X-XVII в.). 2) *Развитие* уголовно-правовой охраны объектов культурного, в том числе археологического, наследия (конец XVII – начало XX в.). 3) *Регресс* в развитии правовой регламентации и установлении уголовной ответственности за посягательства на сохранность объектов культурного, в том числе археологического, наследия в первой половине XX в. (после октябрьских событий 1917 г.). 4) *Становление* системы советского законодательства об охране объектов археологического наследия (сер. XX – 80-е г. XX в.). 5) *Оптимизация* уголовно-правовой охраны объектов культурного, в том числе археологического, наследия (90-е гг. XX в. – начало XXI в.).

Зарубежный опыт дает почву для дальнейшего поиска оптимальных путей дифференциации уголовной ответственности за преступления, посягающие на сохранность археологического наследия РФ, которая в отечественном уголов-

ном законе далеко не совершенна. Положительным следует признать опыт законодателей Казахстана (п. 1) ч. 2 ст. 203 УК) и Болгарии (ст. 330 УК) по усилению ответственности за совершение умышленного уничтожения или повреждения культурных ценностей путем поджога, взрыва, иным общеопасным способом. Заслуживает внимания и такой используемый в УК РК дифференцирующий признак, как совершение посягательства на объекты археологического наследия по экстремистским мотивам (ч. 2 ст. 203). В качестве положительного опыта следует расценить и криминализацию в УК Болгарии несообщения о факте обнаружения памятника культуры или иной исторической находки (абз. 1 ст. 278а), а также установление уголовной ответственности в Великобритании за такие деяния, как проведение в пределах археологической зоны незаконных работ, организация там незаконных свалок.

Обладает несомненной общностью юридическая природа составов преступлений, посягающих на сохранность объектов археологического наследия. Прежде всего, она предопределена содержанием их объекта и предмета. В целом, систему рассматриваемых преступлений можно представить следующим образом: 1) посягательства, связанные с нарушением установленного законом порядка владения и пользования объектами археологического наследия (ст. ст. 164, 190, 226¹, 243¹ УК РФ); 2) посягательства, связанные с нарушением установленного порядка обеспечения физической сохранности объектов археологического наследия (ст. ст. 243, 243¹ УК РФ); 3) посягательства, связанные с нарушением установленного порядка поиска и изъятия объектов археологического наследия (ст. 243², 243³ УК РФ).

Под системой преступлений, посягающих на сохранность объектов археологического наследия, следует понимать совокупность виновно совершаемых общественно опасных деяний, объединенных общим предметом посягательства, причиняющих вред общественным отношениям, складывающимся в сфере обеспечения сохранности, охраны и использования частично или полностью скрытых в земле или под водой следов существования человека в прошлых эпохах (включая все связанные с такими следами археологические предметы и культурные слои), основным или одним из основных источников информации о

которых являются археологические раскопки или находки, а также нарушающие установленные в РФ правила гражданско-правового оборота, поиска и изъятия, легализации фактов обнаружения, обеспечения режима сохранности и использования в научных и просветительских целях объектов археологического наследия, запрещенных уголовным законом под угрозой наказания.

Правовая природа предмета посягательств на сохранность объектов археологического наследия, раскрывается через его признаки: 1) это движимые и недвижимые «вещи»; 2) древние (созданные не ранее 100 лет назад); 3) уникальные (представляющие ценность для истории культуры народов РФ); 4) объекты материального мира, в которых овеществлен труд человека; 5) принадлежащие на праве собственности исключительно государству; 6) обнаруженные в ходе запланированных раскопок или археологической находки под землей или под водой.

Системный анализ названных посягательств дает основание для вывода о том, что деяния, криминализуемые в ст. 164, 190, 226¹, 243-243³ УК РФ, посягают на объединяющий их объект – общественные отношения в сфере обеспечения сохранности, использования и государственной охраны культурных ценностей. Именно они определяют содержание их видового объекта, что ставит на повестку дня вопрос об их объединении и обособлении в рамках отдельной главы. В этой связи предлагается включение в УК РФ гл. 25¹ – «Преступления в сфере обеспечения сохранности культурных ценностей».

Анализ состава преступления, криминализованного в ст. 164 УК РФ, дает основание для вывода о том, что в отношении посягательств на объекты археологического наследия (кроме мошенничества) данная норма применяется лишь тогда, когда они совершены вне археологических полевых, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ. В противном случае наказание будет определяться в рамках ст. 243³ УК РФ. Исключение составляет лишь хищение объектов археологического наследия, совершенное в форме мошенничества, поскольку завладение указанными объектами путем обмана или злоупотребления доверием может быть осуществлено и в месте проведения археологических раскопок.

Важным аспектом квалификации деяния по ст. 164 УК РФ выступает осуществление посягательства на объекты археологического наследия, которые отнесены к движимым и приобрели статус имущества; лишь завладение правом на имущество при мошенничестве возможно и в отношении недвижимости.

Необоснованным следует признать объединение в ч. 1 ст. 164 УК РФ всех форм хищения. В этой связи считаем необходимым предусмотреть ответственность за ненасильственные формы хищения объектов культурного наследия в ч. 1 ст. 164 УК РФ, а ответственность за их насильственные формы – в последующих ее частях. В уголовном законе наличествует существенный пробел, который не позволяет в полной мере обеспечить защиту объектов археологического наследия, поскольку в нем уголовно-правовой охране от хищений подлежит только имущество, что создает правовой вакуум в отношении вновь обнаруженных объектов археологического наследия до момента постановки их на государственный учет. В этой связи считаем необходимым дополнить УК РФ указанием на новый состав преступления – «Незаконное завладение имуществом, не связанное с его хищением, совершенное свойственными последнему способами». Указание на него следует также включить и в перечень деяний, наказуемых в порядке ст. 164 УК РФ, изменив ее название: «Хищение и иные нарушения законного порядка приобретения культурных ценностей».

Для обеспечения непрерывной правовой охраны объектов археологического наследия необходимо закрепить в законодательстве РФ (как это осуществлено в Модельном законе государств СНГ «Об охране археологического наследия») положение о том, что в равной мере находятся под государственной охраной и обеспечены правовой защитой как поставленные на государственный учет, так и вновь выявленные объекты археологического наследия. В целом же, исходя из особого значения этих объектов, необходимо принять в РФ отдельный закон «Об объектах археологического наследия».

Общественная опасность уничтожения объектов археологического наследия более высока, нежели их повреждения. В этой связи нельзя согласиться с законодателем, который уравнил их, установив уголовную ответственность в рамках одной части ст. 243 УК РФ. Помимо этого, необходимо дополнить дис-

позицию ст. 243 УК РФ таким деянием, как осквернение памятников истории и культуры. В развитие данного предложения видится целесообразным дополнить Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» ст. 35.2, в которой закрепить дефиницию осквернения памятников истории и культуры, под которым следует понимать совершенное с особым цинизмом и попиранием общечеловеческих ценностей, традиций народов Российской Федерации нанесение бранных надписей, рисунков, символов, внешнее видоизменение памятника без его повреждения.

Дифференциация уголовной ответственности за указанные преступления осуществлена лишь применительно к части из них (ч. 2 ст. 164 УК РФ, ч. 2 ст. 226¹ УК РФ, ч. 2 и 3 ст. 243², ч. 2 ст. 243³ УК РФ). Упущением следует признать отсутствие таковой в отношении невозвращения археологических предметов на территорию РФ (ст. 190 УК РФ) и нарушения требований сохранения или использования объектов культурного наследия (ст. 243¹ УК РФ).

Наиболее часто используемый законодателем квалифицирующий признак для рассматриваемой группы посягательств – совершение их группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (как квалифицирующий признак – в п. «а» ч. 2 ст. 164, п. «б» ч. 2 ст. 243³ УК РФ; как особо квалифицирующий признак – в ч. 3 ст. 226¹ (в этой норме речь идет только об организованной группе), п. «б» ч. 3 ст. 243² УК РФ). Степень общественной опасности деяния, совершенного в составе группы лиц по предварительному сговору, несоизмерима с этим показателем, характеризующим организованную группу, поэтому объединение указанных квалифицирующих признаков в рамках одной части статьи следует признать необоснованным. Необходимо предусмотреть совершение преступления группой лиц по предварительному сговору в качестве квалифицирующего, а организованной группой – в качестве особо квалифицирующего признака. Совершение посягательств на объекты археологического наследия в составе преступного сообщества – признак исключительной тяжести.

Анализ системы квалифицирующих признаков состава хищения культурных ценностей дает основание для вывода о наличии существенного пробела, обусловленного отсутствием усиления ответственности в зависимости от такого

признака, как совершение деяния с незаконным проникновением в музейное помещение, музейные хранилища, музейные фонды, научно-исследовательские лаборатории и иные помещения, специально предназначенные для экспонирования, изучения или хранения объектов культурного наследия народов РФ.

Вызывающим определенные нарекания к его содержанию является квалифицирующий признак, закрепленный в п. «б» ч. 2 ст. 226¹ УК РФ, – совершение контрабанды с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль. В нем уравниены все виды насилия, начиная от побоев и заканчивая причинением тяжкого вреда здоровью. В этой связи в целях соблюдения принципов дифференциации уголовной ответственности необходимо в ч. 2 ст. 226¹ УК РФ установить ответственность за контрабанду с применением насилия, не опасного, а в ч. 3 – опасного для жизни или здоровья.

Заслуживает критики полное отсутствие дифференциации ответственности за преступление, названное в ст. 190 УК РФ. Полагаем, что в данной норме необходимо предусмотреть такие квалифицирующие признаки, как совершение деяния группой лиц по предварительному сговору; организованной группой или преступным сообществом; с уничтожением или повреждением культурных ценностей; в особо крупном размере.

В диссертации представлена авторская модель гл. 25¹ «Преступления в сфере обеспечения сохранности культурных ценностей» и редакции объединяемых ею норм, устанавливающих ответственность за рассматриваемые посягательства: ст. 245¹ «Хищение и иные нарушения законного порядка приобретения культурных ценностей»; ст. 245² «Невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей»; ст. 245³ «Контрабанда культурных ценностей»; ст. 245⁴ УК РФ «Уничтожение или повреждение, а равно осквернение культурных ценностей»; ст. 245⁵ «Незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания»; ст. 245⁶ «Уклонение исполнителя земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения (открытого листа), от обязательной передачи государству обнаруженных при проведении таких работ культурных ценностей в крупном размере».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

I Нормативные правовые акты

1.1 Нормативные правовые акты и иные официальные материалы Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с попр. и изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. (ред. от 28.01.2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
3. Земельный кодекс Российской Федерации 2001 г. (ред. от 30.12.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) 1994 г. (ред. от 21.12.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.
5. О недрах: Закон РФ от 21.02.1992 г. № 2395-1 (ред. от 11.06.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343/.
6. О вывозе и ввозе культурных ценностей: Закон РФ от 15.04.1993 г. № 4804-1 (ред. от 08.12.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1905/.
7. О Музейном фонде и музеях в Российской Федерации: Федеральный закон от 26.05.1996 г. № 54-ФЗ (в ред. от 11.06.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496/.
8. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25.06.2002 г. № 73-

ФЗ (ред. от 21.12.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/.

9. О безопасности: Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ (ред. от 09.11.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/.

10. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/.

11. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии: Федеральный закон от 23.07.2013 г. № 245-ФЗ (ред. от 28.12.2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149696/.

12. Об утверждении Правил выдачи, приостановления и прекращения действия разрешений (открытых листов) на проведение работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия: постановление Правительства РФ от 20.02.2014 г. № 127 (ред. от 17.06.2017 г.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 9. Ст. 910; 2017. № 26 (часть I). Ст. 3845.

13. Об отмене приказа Министерства культуры Российской Федерации от 8 декабря 2009 г. № 842 «Об утверждении Единых правил организации формирования, учета, сохранения и использования музейных предметов и музейных коллекций, находящихся в музеях Российской Федерации: приказ Министерства культуры РФ от 11.03.2010 г. № 116 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=246344>.

14. Об утверждении Положения о Музейном фонде Российской Федерации: приказ Министерства культуры РФ от 15 января 2019 г. № 17 // ИПС «ГАРАНТ». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72124464/>.

15. Об утверждении формы охранного обязательства собственника или иного законного владельца объекта культурного наследия, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников исто-

рии и культуры) народов Российской Федерации, и порядка его подготовки и утверждения: приказ Министерства культуры Российской Федерации от 13.07.2020 № 774 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011130036>.

16. Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации: утв. постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук Российской академии наук от 20 июня 2018 г. № 32. М., 2018.

1.2 Международные правовые акты

17. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Гаага, 14 мая 1954 г.) // Официальный сайт Международного комитета Красного креста. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/treaties-cultural-properties-140554.htm>.

18. Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (заключена в г. Париже 14.11.1970 г.) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLIV. М., 1990.

19. Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренная), подписанная в г. Валлетте 16.01.1992 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901809045>.

20. Конвенция об охране подводного культурного наследия от 6 ноября 2001 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902114191>.

21. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия от 16 ноября 1972 г. // Свод нормативных актов ЮНЕСКО: конвенции и соглашения, рекомендации, декларации. М., 1991.

22. Европейская конвенция о правонарушениях, связанных с культур-

ной собственностью (ETS № 119) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=4125#05549390264755307>.

23. Декларация принципов международного культурного сотрудничества: принята 4 ноября 1966 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15533#09004736211306346>.

24. Будапештская декларация о всемирном наследии 2002 г. Режим доступа: <http://kgior.gov.spb.ru/media/uploads/userfiles/2015/08/27/>.

25. Декларация ЮНЕСКО, касающаяся преднамеренного разрушения культурного наследия: принята 17 октября 2003 г. Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/heritage_destruction.shtml.

26. Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (Венецианская хартия) (Венеция, 25-31 мая 1964 г.) // ИПС «ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/2570714/>.

27. Хартия по охране и использованию археологического наследия 1990 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901756977>.

28. Рекомендация, определяющая принципы международной регламентации археологических раскопок, от 5 декабря 1956 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/90175697>

29. Рекомендация ЮНЕСКО «О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного вывоза, ввоза и передачи права собственности на культурные ценности» (принята в г. Париже 19.11.1964 г.) // Свод нормативных актов ЮНЕСКО. М., 1991.

30. Модельный закон «Об охране археологического наследия»: принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (постановление № 7-16 от 17.02.1996 г.) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL:

<http://docs.cntd.ru/document/901854817>.

31. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019 г.) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11.04.2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/.

1.3 Памятники отечественного права

32. Судебник 1497 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://russiahistory.ru/download/library/istochniki/1073675_17929_sudebnik_1497_goda.pdf.

33. Судебник 1550 г. // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред. тома А.Д. Горский. М., 1985.

34. Соборное уложение 1649 года. М., 1961.

35. Артикул Воинский 1715 г. // Бытко Ю.И., Бытко С.Ю. Сборник нормативных актов по уголовному праву России X-XX веков. Саратов, 2006.

36. Уставная книга Разбойного приказа // Хрестоматия по истории русского права / составил М. Владимирский-Буданов. Выпуск третий, издание третье. 1888 г. // Allpravo.Ru – 2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://allpravo.ru/library/doc313p/instrum3943/item3948.html>.

37. О покупке в Сибири курьезных вещей и о присылке оных в Берг- и Мануфактур-коллегию: Указ от 16 февраля 1721 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. 1830. Т. 6.

38. О присылке из всех епархий и монастырей древних рукописных летописей и подобных книг в Москву в Синод: Указ 1722 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. 1830. Т. 7.

39. О присылке в Мастерскую палату из присутственных мест примечательных вещей: Указ от 4 августа 1732 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. 1830. Т. 8.

40. О правилах, по коим надлежит поступать с конфискованными всякого рода именными: Именной указ от 20 декабря 1737 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. 1830. Т. 10.

41. Об описи архиерейских и монастырских вотчин и об отправлении для того армейских обер-офицеров: Указ 1763 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. 1830. Т. 16. № 11745.

42. О снятии уездных планов с надлежащею верностию и о включении в экономические журналы замечаний о древних курганах, развалинах, пещерах, островах и других признаках: Сенатский указ от 9 апреля 1771 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. 1830. Т. 19. № 13593.

43. О ведении во всех ставропигиальных и епархиальных монастырях порядочных описей всему церковному и монастырскому имуществу: Синодский указ от 25 июня 1771 г. // Охрана культурного наследия России, XVII-XX вв.: хрестоматия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russist.ru/biblio/chrestom/7.htm>.

44. О правилах управления и сохранения в порядке и целости находящихся в Мастерской и Оружейной палате древностей: Именной указ от 10 марта 1806 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. 1830. Т. 29.

45. Устав Общества истории и древностей российских 1811 г. // Охрана культурного наследия России, XVII-XX вв.: хрестоматия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russist.ru/biblio/chrestom/9.htm>.

46. О сохранении памятников древности в Крыме: Высочайше утвержденное положение Комитета министров 1822 г. // Охрана культурного наследия России XVII-XX вв.: хрестоматия. М., 2000. Ч. I.

47. О доставлении сведений о памятниках архитектуры и о воспреещении разрушать их: циркуляр Министерства внутренних дел гражданским губернаторам 31 декабря 1826 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. 1830. Т. 1. № 794.

48. О сохранении древних зданий по губерниям: Именной указ от 14 декабря 1827 г. // Реставрация памятников истории и искусства в России в XIX-XX веках. История, проблемы: учебное пособие.

49. О принятии на счет казны издержек для поддержания древних зданий: Высочайше утвержденное положение Комитета министров от 31 марта 1836 г. // ПСЗ II. Т. 11. Отд. 1. № 9045.

50. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845-1885 гг.: издание двенадцатое, пересмотренное и дополненное / издано Н.С. Таганцевым. СПб., 1904.

51. О свидетельствовании архивов: распоряжение Министерства внутренних дел 1853 г. // Охрана культурного наследия России, XVII-XX вв.: хрестоматия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russist.ru/biblio/chrestom/10.htm>.

52. О Музее древностей и о временной Археологической комиссии в Вильно: Высочайше утвержденное положение от 29 апреля 1855 г. // Охрана культурного наследия России, XVII-XX вв.: хрестоматия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russist.ru/biblio/chrestom/10.htm>.

53. Об учреждении губернских исторических архивов и ученых архивных комиссий: положение Комитета министров от 13 апреля 1884 г. // Охрана культурного наследия России, XVII-XX вв.: хрестоматия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russist.ru/biblio/chrestom/10.htm>.

54. О подтверждении распоряжений о запрещении кладоискательства и о порядке сдачи археологических находок: циркуляр Министерства внутренних дел гражданским губернаторам от 31 мая 1884 г. // Охрана культурного наследия России, XVII-XX вв.: хрестоматия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russist.ru/biblio/chrestom/10.htm>.

55. О запрещении производить раскопки на государственных, церковных и общественных землях без разрешения Археологической комиссии: циркуляр от 27 ноября 1886 г. // Охрана культурного наследия России, XVII-XX вв.: хрестоматия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russist.ru/biblio/chrestom/10.htm>.

56. Новое уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. СПб.: Изд. В.П. Анисимова, 1903. [Электронный ресурс]. Режим до-

ступа: <http://library6.com/books/553030.pdf>.

57. О разрешениях на ввоз и вывоз товаров: постановление СНК РСФСР от 29 декабря 1917 г. // СУ РСФСР. 1918. № 14. Ст. 197.

58. О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения: Декрет от 19 сентября 1918 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lawru.info/dok/1918/09/19/n1206062.htm>.

59. О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений: Декрет от 5 октября 1918 г. // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=17462&req>.

60. О реквизициях и конфисках: Декрет СНК РСФСР от 3 января 1921 г. // СУ РСФСР. 1921. № 5. Ст. 37.

61. О составлении государственного фонда ценностей для внешней торговли: Декрет СНК РСФСР от 07 февраля 1921 г. // СУ РСФСР. 1921. № 10. Ст. 69.

62. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

63. О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ: Декрет СНК от 17 октября 1921 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17293#07787143804890497>.

64. Об утверждении Инструкции об учете и охране памятников искусства, старины, быта и природы: постановление Наркомпроса РСФСР от 7 июля 1924 г. // СУ РСФСР. 1924. № 18. Ст. 179.

65. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

66. Об охране исторических памятников: постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 10.08.1933 г. // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU;n=24224>.

67. Об охране археологических памятников: постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 10.02.1934 г. // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=24166&req>.

68. Об образовании Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК Союза ССР: постановление ЦИК СССР № 36, СНК СССР № 86 от 17.01.1936 г. // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=31912&req=doc#09491334171367682>.

69. О мерах улучшения охраны памятников культуры: постановление Совмина СССР от 14.10.1948 г. № 3898. // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=6510&req>.

70. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/.

71. О состоянии и мерах улучшения охраны памятников истории культуры РСФСР: постановление Совета Министров РСФСР от 24 мая 1966 г. № 473 // ИПС «ГАРАНТ». Режим доступа: <http://base.garant.ru/6151887/>.

72. Об охране и использовании памятников истории и культуры: Закон СССР от 29.10.1976 г. № 4692-IX // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 44. Ст. 628.

73. Об охране и использовании памятников истории и культуры: Закон РСФСР 15 декабря 1978 г. // ИПС «ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/2306262/>.

74. Об утверждении Положения об охране памятников истории и культуры: постановление Совета Министров СССР от 16.09.1982 г. № 865 (ред. от 25.06.2002 г.) // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26798/.

75. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: Федеральный закон от 01.07.1994 г. № 10-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4016/.

76. Основы законодательства Российской Федерации о культуре: утв. Законом РФ от 09.10.1992 г. № 3612-1 (ред. от 18.07.2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/.

77. Об уголовной и административной ответственности за нарушение законодательства об охране и использовании памятников истории и культуры: Закон СССР от 02.07.1991 г. № 2284-1 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU;n=2803;req=doc#06270862347351696>.

78. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: Федеральный закон от 01.07.1994 г. № 10-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4016/#p88.

79. Положение об особо ценных объектах культурного наследия народов Российской Федерации: Указ Президента от 30.11.1992 г. № 1487 (ред. от 09.09.2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4650/.

1.4 Современное зарубежное законодательство

80. Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия: Закон Республики Казахстан от 2 июля 1992 г. № 1488-XII (по сост. на 24.05.2018 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1001290 (утратил силу).

81. Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия: Закон Республики Казахстан от 26 декабря 2019 г. № 288-VI. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34894354#sub_id=390000.

82. О культуре: Закон Республики Казахстан от 15.12.2006 г. № 207-III (ред. от 30.12.2020 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30081960.

83. Уголовный кодекс Испании. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1247923>.

84. Уголовный кодекс Кыргызской Республики 2021 г. (ред. от 18.01.2022 г.) // Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112309?cl=ru-ru>.

85. Уголовный кодекс Литовской республики 2000 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243877>.
86. Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. (по сост. на 05.01.2022 г.) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275>.
87. Уголовный кодекс Республики Болгария // Lex.bg. Българският правен портал. URL: <https://www.lex.bg/laws/ldoc/1589654529>.
88. Уголовный кодекс Республики Казахстан 2014 г. (по сост. на 10.01.2022 г.). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252.
89. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242733>.
90. Уголовный кодекс Франции. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243018>.
91. Уголовный кодекс Эстонии 2001 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://constitutions.ru/?p=24972>.
92. Town and Country Planning Act 1971 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1971/78/contents/enacted>.
93. Import, Export and Customs Powers (Defence) Act 1939. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/2-3/69>.
94. Об утверждении Правил определения охранной зоны, зоны регулирования застройки и зоны охраняемого природного ландшафта памятника истории и культуры и режима их использования: приказ Министра культуры и спорта РК от 14.04.2020 г. № 86. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34560866.
95. Об утверждении Правил выявления, учета, придания и лишения статуса, перемещения и изменения, мониторинга состояния и изменения категории памятников истории и культуры: приказ Министра культуры и спорта РК от 15.04.2020 г. № 92. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35167387.
96. приказ Министра культуры и спорта РК URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36146021.

97. приказ Министра культуры и спорта РК URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32959245.

II Судебная практика и статистические материалы

98. О судебной практике по делам о контрабанде: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 г. № 12 (ред. от 11 июня 2020 г.) // ИПС «ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/71665790/>.

99. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (ред. от 29.06.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/.

100. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 (ред. от 29.06.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/.

101. Приговор Донецкого городского суда Ростовская область от 21 февраля 2020 г. по уголовному делу № 1-185/2019. URL: [1-8/2020https://sudact.ru/regular/doc/6RjQCJL6FgZQ/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%](https://sudact.ru/regular/doc/6RjQCJL6FgZQ/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%).

102. Приговор Аксайского районного суда Ростовской области от 25 февраля 2020 г. по делу № 1-132/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/cv4jRCirMWbR/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%.

103. Приговор Анапского городского суда Краснодарского края от 26 февраля 2020 г. по делу № 1-48/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/8PYGSgSoVEmm/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%.

104. Приговор Курчатовского городского суда Курская область от 27 февраля 2020 г. по делу № 1-1/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9h96EXBi8xQ8/?regular-txt=®ular->

case_doc=®ular-lawchunkinfo.

105. Приговор Кировского районного суда г. Санкт-Петербург от 27 февраля 2020 г. по делу № 1-27/2020 URL: https://sudact.ru/regular/doc/VpP8xU1YoDmt/?page=2®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=.

106. Постановление Шебалинского районного суда Республики Алтай от 28 февраля 2020 г. по делу № 1-25/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/zngv5jJnSjmK/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=% judge=&_=1599986316077.

107. Состояние преступности январь-декабрь 2017 г. // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/8922474/>.

108. Состояние преступности январь-декабрь 2019 г. // Официальный сайт МВД России. Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/19412450>.

109. Форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» за 2016 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834>.

110. Форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» за 2017 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572>.

111. Форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» за 2018 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894>.

112. Форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» за 2019 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259>.

113. Форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» за 2020 г. // Официаль-

ный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5460>.

114. Форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» за 1-е полугодие 2021 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5895>.

III Монографии, учебники, учебные пособия, комментарии

115. *Авдусин Д.А.* Полевая археология СССР: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1980.

116. *Александров Е.* Международно-правовая защита культурных ценностей и объектов. София, 1978.

117. *Амальрик А.С., Монгайт А.Л.* В поисках исчезнувших цивилизаций. М., 1959.

118. Археологическая карта России / ред. Ю.А. Краснов. В 26 т. М.: Институт археологии РАН. 1992-2011.

119. *Архипова М.В., Редькина Е.А., Синьков Д.В., Трикоз Ю.Е.* Убийство: уголовно-правовая и криминологическая характеристика. Иркутск, 2008.

120. *Белокуров О.В.* Проблемы квалификации хищения вверенного имущества. М., 2003.

121. *Бойцов А.И.* Преступления против собственности. СПб., 2002.

122. *Бородин С.В.* Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. М., 1994.

123. *Верина Г.В.* Преступления против собственности: проблемы квалификации и наказания. Саратов, 2001.

124. *Воронов А.М.* Проблемы теории и практики обеспечения общественной безопасности Российской Федерации. М., 2006.

125. *Гарден Ж.-К.* Теоретическая археология / пер. с фр. Л.А. Лавлинской, Л.Е. Торшиной. М., 1983.

126. *Гаухман Л.Д., Максимов С.В.* Преступления в сфере экономической деятельности. М., 1998.
127. *Гилинский Я. И.* Девиантность, преступность, социальный контроль. СПб., 2004.
128. *Горбачев В.Г., Растопчин В.Г., Тищенко В.Н.* Культурные ценности: понятие, порядок приобретения, хранения и обращения: справ. пособие. М., 1994.
129. *Демидов Ю.А.* Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975.
130. *Диканова Т.А., Осипов В.Е.* Борьба с таможенными преступлениями и отмыванием «грязных денег». М., 2000.
131. *Досюкова Т.В.* Применение уголовно-правовой нормы об ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации): рекомендации для практических работников. Саратов, 2000.
132. *Емельянов В.П.* Защита права собственности уголовным законодательством. Харьков, 1996.
133. *Иванов Н.Г.* Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве. Саратов, 1991.
134. *Иванов Н.Г.* Уголовное право. Особенная часть в 2 т. Том 2. 2-е изд., перераб. И доп. М., 2019. Текст: электронный // ЭБС Юрайт. URL:<https://urait.ru/bcode/438621>.
135. *Клебанов Л.Р.* Уголовно-правовая охрана культурных ценностей / под ред. А.В. Наумова. М., 2011.
136. *Клейн Л. С.* Принципы археологии. СПб., 2001.
137. *Клейн Л.С.* Археологические источники: учеб. пособие. Л., 1978.
138. *Клейн Л.С.* Введение в теоретическую археологию. Книга 1: Ме-таархеология: учеб. пособие. СПб., 2004.
139. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. М., 2018.
140. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева. М., 2004.

141. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2-х тт. / под ред. А.В. Бриллиантова. Т. 2. М., 2015.
142. Комментарий к Уголовному кодексу РФ (последнее обновление 31.07.2020 г.). Библиотека электронных кодексов. URL: <http://ukrfinfo.ru/Kommentariy-k-st-243-UK-RF/>.
143. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 2. Особенная часть. Разделы VII-VIII / отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2020 // ЭБС Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/451906>.
144. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный). Т 1. 2-е изд. / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2015. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=17796#0829604611675395>.
145. *Коробеев А.И.* Советская уголовно-правовая политика проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1987.
146. *Кочои С.М.* Ответственность за корыстные преступления против собственности. М., 2000.
147. Криминалистика: учебник / под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина. М., 1994.
148. *Кулыгин В.В.* Уголовно-правовая охрана культурных ценностей. М., 2006.
149. Курс уголовного права. Том 3. Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. М., 2002.
150. Курс уголовного права. Т. 4. Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. М., 2002.
151. *Лебедев Г.С.* История отечественной археологии. 1700-1971 гг. СПб., 1992.
152. *Лепехина Е.В.* Организованная преступность: понятие, детерминизм, общественная опасность, психология. Краснодар, 2006.
153. *Лесников Г.Ю., Лопашенко Н.А.* Энциклопедия уголовного права. СПб., 2005. Т. 1.

154. *Лопашенко Н.А.* Преступления в сфере экономической деятельности (комментарий к главе 22 УК РФ). Ростов н/Д., 1999.
155. *Лопашенко Н.А.* Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование. М., 2005.
156. *Лопашенко Н.А.* Уголовная политика. М., 2009.
157. *Лунеев В.В.* Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М., 2005.
158. *Матюшин Г.Н.* У колыбели истории: пособие для учителей. М., 1972.
159. *Михайлов В.И., Федоров А.В.* Таможенные преступления. СПб., 1999.
160. *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 2. Особенная часть (главы I–X). М., 2007.
161. *Осминин Б.И.* Принятие и реализация государствами международных договорных обязательств. М., 2006.
162. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация. М., 1982.
163. *Пионтковский А.А.* Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961.
164. Полный курс уголовного права. Том IV: Преступления против общественной безопасности / под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008.
165. Практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Х.Д. Аликперова и Э.Ф. Побегайло. М., 2001.
166. *Прохожев А.А.* Теория развития и безопасности человека и общества. М., 2006.
167. *Прохорова М.Л., Нальгиев Р.К.* Контрабанда: вопросы уголовной ответственности. Саратов, 2002.
168. *Резван А.П., Сенцов А.С.* Уголовно-правовые меры борьбы с хищениями предметов, имеющих особую ценность: лекция. Волгоград, 1999.
169. Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. Краснодар, 2015.

170. Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. Л.Г. Литвяк. М., 2016.
171. Российское уголовное право: учебник: в 2 т. / под ред. Э.Ф. Побегайло. М., 2008.
172. *Севрюков А.П.* Хищение имущества: криминологические и уголовно-правовые аспекты. М., 2004.
173. *Сергеев А.П.* Гражданско-правовая охрана культурных ценностей в СССР. Л., 1990.
174. *Сорокин П. А.* Преступление и кара, подвиг и награда. М., 2006.
175. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая: в 2 т. Т. 1. СПб., 1902. М., 1994.
176. *Тацый В.Я.* Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков, 1988.
177. *Тоболкин П.С.* Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск, 1983.
178. *Халиков И.А.* Уголовная ответственность за нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. М., 2019.
179. Уголовное право / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. 4-е изд., испр. и доп. М., 2007.
180. Уголовное право особенная часть: учебник / под общ. ред. Л.М. Прокументова. Томск, 2019.
181. Уголовное право России. Общая и Особенная части / под ред. В.К. Дуюнова. М., 2008.
182. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А.И. Рарога. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2008.
183. Уголовное право России. Часть Особенная / отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 2004.
184. Уголовное право. Особенная часть / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М., 2002.
185. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. И.Я. Коза-

ченко, З.А. Незнамовой, Г.П. Новосёлова. М., 1998.

186. Уголовное право. Общая и Особенная части: учеб. / под общ. ред. М.П. Журавлева, С.И. Никулина. М., 2008.

187. *Халиков И.А.* Незаконная археология. Уголовно-правовые средства противодействия / под ред. М.А. Ефремовой. Казань, 2020.

188. *Хмелевская Т.А.* Виды групповых преступлений и их квалификация по УК РФ. М., 2000.

189. *Чучаев А.И., Ашин А.А.* Преступления против здоровья населения и общественной нравственности: учебно-практическое пособие с пост. материалами. Владимир, 2006.

190. *Щерба С.П., Приданов С.А.* Преступления, посягающие на культурные ценности России: квалификация и расследование. М., 2002.

191. *Яншина О.В.* К закону об археологическом наследии России // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 г. СПб., 2007.

IV Научные статьи

192. *Аксенов А.О.* Понятие и сущность культурных ценностей как объекта преступных посягательств // Наука. Общество. Государство: электронный научный журнал 2019. Т. 7, № 4 (28).

193. *Александрова М.А.* Актуальные правовые аспекты археологической деятельности // Закон. 2006. № 7.

194. *Андрюшенкова О.М.* Роль государства в вопросах предупреждения в контексте положений действующего законодательства о ценных и особо ценных объектах культуры, искусства и истории, а также археологических объектов // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. 2016. № 10.

195. *Бердникова Н.Е.* Археологические объекты, коллекции и проблемы хранения // Известия иркутского государственного университета, серия: Геоархеология, этнология, антропология. 2014. Т. 10.
196. *Беспалько В.Г.* Понятие и признаки культурных ценностей как предметов преступлений // Журнал российского права. 2005. № 3.
197. *Беспалько В.Г.* Уголовная ответственность за невозвращение культурных ценностей из-за границы // Закон. 2006. № 6.
198. *Болтаевский А.А.* Город, удобный для жизни: составные элементы // Урбанистика. 2015. № 1.
199. *Бочаров О.С.* Уголовная ответственность за незаконное перемещение через границу культурных ценностей: сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и государств-членов Таможенного союза // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. 2016. № 6.
200. *Бочкарев В.С.* О некоторых характерных чертах археологических памятников и археологических источников // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона (03.05.1929-19.02.2010). Труды ИИМК РАН. Т. XLII. СПб., 2014.
201. *Букалерева Л.А., Остроушко А.В.* Некоторые вопросы квалификации преступлений с использованием информации как предмета преступлений и предмета совершения корыстных преступлений // Научные труды РАЮН. Вып. 2: в 2 т. Т. 1. М., 2002.
202. *Волошин В.П.* К вопросу об особенностях объективных признаков хищения предметов, имеющих особую ценность // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 27 (281). Право. Вып. 32.
203. *Воробьев В.В.* К вопросу о дискуссионности понятия и места предмета преступления в составе преступления // Шестые юридические чтения: сб. научн. трудов / отв. ред. В.Д. Потапов, В.В. Воробьев. Сыктывкар, 2019.
204. *Гальперин И.М.* Уголовная политика и уголовное законодательство // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975.

205. *Глазков К.А.* Уголовно-правовое значение понятия «культурные ценности» при совершении хищения предметов, имеющих особую ценность // Научный форум: юриспруденция, история, социология, политология и философия: сб. статей по материалам XXVII международной научно-практической конференции (г. Москва, 08 апреля 2019 г.). М., 2019.

206. *Гребеньков А.А.* Проблемные вопросы уголовно-правовой защиты культурных ценностей от невозвращения на территорию Российской Федерации // Известия Юго-западного государственного университета. Серия: история и право. 2014. № 4.

207. *Гусев С.В.* Использование международного опыта для создания правовой базы по сохранению археологического наследия России // Охрана наследия за рубежом: опыт прошлого и современные проблемы: сб. ст. / отв. ред. Р.А. Мнацаканян. М., 1993.

208. *Гусейнов А.А.* Культура и нравственность // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 4.

209. *Дагель П.С.* Условия установления уголовной наказуемости // Правоведение. 1975. №4.

210. *Данилов А.В.* Уголовная ответственность за хищение предметов, имеющих особую научную, культурную, историческую и художественную ценность // Пробелы в российском уголовном законодательстве. 2008. № 1.

211. *Денисова А.С.* Отграничение орудий и средств совершения преступления от предмета преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: сборник материалов Второй международной научно-практической конференции. М., 2005.

212. *Дзиконская С.Г.* К вопросу о критериях общественной опасности деяния как основания криминализации в международном уголовном праве // Содружество: российско-китайский научный журнал. 2017. № 17.

213. *Ершов Н.А.* Объект контрабанды по российскому законодательству // Молодой ученый. 2019. № 48. (286).

214. *Жаглин А.В.* Общественная безопасность как социальное явление и элемент системы национальной безопасности // Вестник Воронежского инсти-

туда МВД России. 2007. № 1.

215. *Жалинский А.Э.* Оценка общественной опасности деяния в процессе уголовного правотворчества // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., 29-30 января 2009 г. М., 2009.

216. *Жеребченко А.В., Афроськина И.Н.* Хищение предметов, имеющих особую ценность: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. М., 2017.

217. *Жигалов С.В.* Понятие «культурные ценности»: плюрализм подходов // Право и современное государство. 2017. № 5.

218. *Забелин И.Е.* В чем заключаются основные задачи археологии, как самостоятельной науки? // Труды третьего Археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. Т. 1. Киев: Типогр. Императорского универс. Св. Владимира, 1878.

219. *Загорулько А. В.* Археологическое наследие среди объектов всемирного наследия ЮНЕСКО (на примере памятника «БОЛОТА КУК», Папуа-Новая Гвинея) // Журнал института наследия. 2015. № 1.

220. *Захарук Ю.Н.* Спорные вопросы объекта и предмета археологии // КСИА. Вып. 152. М., 1978.

221. *Зубенко Ю.С.* Археологические предметы и археологические находки: сравнительно-правовой анализ // Хозяйство и право. 2015. № 4.

222. *Зубенко Ю.С.* Правовое понятие и сущность археологических находок // Современное право. 2010. № 3.

223. *Ирошников Д.В.* Государственная безопасность Российской Федерации: понятие и содержание // Юридическая наука. 2011. № 2.

224. *Кабурнеев Э.В.* Понятие квалифицирующих признаков и их роль в дифференциации уголовной ответственности за убийство // Законы России. 2007. № 4.

225. *Кадников Н.Г., Кадников Б.Н., Коробец Б.Н.* К вопросу о новеллах уголовного закона в свете теории криминализации и декриминализации. Общество и право. 2015. № 3 (53).

226. *Каменский С.Ю.* Археологические памятники как объекты культур-

ного наследия: аксиологический аспект // Известия Уральского государственного университета. 2008. № 55. Серия 2 «Гуманитарные науки». Выпуск 15.

227. *Кастрикина Т.* К вопросу о моменте окончания контрабанды, совершенной при вывозе товаров и иных предметов за пределы России // Уголовное право. 2009. № 5.

228. *Клебанов Л.Р.* Преступления против культурных ценностей: понятие, признаки, система // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 3.

229. *Князькина А.К.* Культурные ценности: что под ними понимается в международном и уголовном праве // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 2.

230. *Кобзева Е.В.* Незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания – новое преступное посягательство на нравственные основы культурной памяти // Человек: преступление и наказание. 2014. № 2 (85).

231. *Козлова В.Н., Козлов В.Н.* Соотношение понятий «объект культурного наследия» и «памятник истории и культуры» // Грамота. 2013. № 1 (27).

232. *Косицына В.М.* Межведомственное взаимодействие органов внутренних дел Российской Федерации с таможенными органами государств-членов Таможенного союза по предупреждению контрабанды культурных ценностей // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2015. № 1 (91).

233. *Кригер Г.А.* К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве // Вестник Московского университета. 1955. № 1.

234. *Кругликов Л.Л.* Квалифицирующие признаки как средство дифференциации уголовной ответственности: современное состояние // Вестник Ярославского государственного университета. 2007. № 4.

235. *Кудаев С.А., Максимов П.В.* Статья 164 Уголовного кодекса Российской Федерации: проблемы применения и перспективы законодательного регулирования // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2014. № 3 (25).

236. *Кудрявцев В.Н.* К вопросу о соотношении объекта и предмета преступления // Советское государство и право. 1951. № 8.

237. *Кудрявцев В.Н.* Криминализация: оптимальные модели // Уголовное право в борьбе с преступностью. М., 1981.
238. *Кузнецов А.П.* Криминализация – декриминализация, пенализация – депенализация как содержание уголовной политики // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 1 (35).
239. *Курляндский В.И.* Уголовная политика, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975.
240. *Лавров В.В., Халиков И.А.* Конституционно-правовые основы охраны объектов культурного наследия в Российской Федерации // Криминалистъ. 2019. № 2 (27).
241. *Макушева О.Н., Андреева А.В.* Современная ситуация вокруг памятников Всемирного наследия ЮНЕСКО в России // Молодой ученый. 2016. № 26.
242. *Мальков С.М.* Квалификация преступлений, предусмотренных статьёй 232 УК РФ, совершенных группой лиц по предварительному сговору и организованной группой // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2014. № 3 (16).
243. *Мансуров Г.З.* Новый закон о безопасности и старые проблемы законодательства о безопасности // Управленец. 2011. № 1-2.
244. *Мартыненко И.Э.* Классификация памятников археологического наследия // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия «Юридические науки». 2011. № 3 (9).
245. *Мартыненко И.Э.* Правовая охрана археологического наследия Украины // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія «Юриспруденція». 2013. № 5.
246. *Мартышева О.М.* Общественная опасность уничтожения или повреждения объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (ст. 243 УК РФ) // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации. Омск, 2014.

247. *Мартышева О.М.* Проблемы разграничения уничтожения памятников истории и культуры от смежных составов преступлений // Система ценностей современного общества. 2016. № 46.

248. *Медведев Е.В.* Присвоение и растрата культурных ценностей // Общество и право. 2010. № 4 (31).

249. *Мельниченко Н.Н.* Преступления против археологического наследия: понятие и система (ст. 164, 190, 2261, 243, 2431, 2432, 2433 УК РФ) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 4.

250. *Мельниченко Н.Н.* Уголовно-правовое противодействие посягательствам на объекты археологического наследия в законодательстве зарубежных государств // Право и государство: теория и практика. 2020. № 1 (181).

251. *Мельниченко Н.Н.* К вопросу об унификации терминологии уголовного закона в нормах, устанавливающих ответственность за посягательства на сохранность объектов археологического наследия // Гуманитарные социально-экономические и общественные науки. 2020. № 8.

252. *Мельниченко Н.Н.* Посягательства на объекты археологического наследия, совершенные в соучастии: проблемы правовой регламентации и квалификации // Теория и практика общественного развития. 2020. № 12 (154).

253. *Мельниченко Н.Н.* Международно-правовые основания криминализации посягательств на объекты археологического наследия // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 21 сент. 2018 г.: в 2 т. / редкол.: А.Л. Осипенко, К.В. Вишневецкий, И.А. Паршина, В.С. Соловьев, П.В. Максимов, А.З. Хун. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. Т. II.

254. *Мельниченко Н.Н.* Современное российское законодательство в области охраны археологического наследия // Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально значимых интересов: материалы VIII Международной научно-практической конференции, 18 апреля 2019 г., КСЭИ / отв. редактор М.Л. Прохорова. Краснодар, 2019.

255. *Мельниченко Н.Н. (Melnichenko N.)* Criminal legal protection of ob-

jects of archaeological heritage in Russia in the X-XIX centuries (Уголовно-правовая охрана объектов археологического наследия в России в X-XIX веках) // Sciences of Europe (Praha, Czech Republic). VOL 4, No 47 (2020). P. 56-59.

256. *Мельниченко Н.Н.* Квалифицированные виды посягательств на сохранность объектов археологического наследия: направления оптимизации их системы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 2. URL: https://www.online-science.ru/m/products/law_science/gid7002/pg0/

257. *Мухортова Е.Г.* Определение кражи и ее признаков в юридической литературе // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2011. № 6 (49).

258. *Овчинников А.И.* Юридическая формализация понятия «общественная нравственность» // Философия права. 2016. № 6 (79).

259. *Панфилов А.Н.* Правовые понятия «объект археологического наследия», «археологические предметы», «культурный слой» в российском законодательстве и проблемы их правовой определенности // Проблемы гражданского права и процесса: сб. статей. Гродно, 2017.

260. *Панченко П.Н.* Исследование объекта и предмета преступления. Рецензия на книгу Коржанского Н.И. «Объект посягательства и квалификация преступлений» // Проблемы борьбы с преступностью: сборник научных трудов. Омск, 1979.

261. *Петров А.В.* Уголовная ответственность за уклонение от обязательной передачи государству обнаруженных при проведении работ предметов, имеющих особую культурную ценность, или культурных ценностей в крупном размере на основании открытого листа // Право: история, теория, практика: материалы III Международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, 20-23 июля 2015 г.). СПб., 2015.

262. *Попов В.А.* Группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа и преступное сообщество (преступная организация): соотношение понятий // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2016. № 3.

263. *Предеина Л.В.* Уголовно-правовые меры обеспечения национальной безопасности по возвращению культурных ценностей в Россию // Актуальные проблемы правового обеспечения национальной безопасности в России: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции (г. Курган, 21 апреля 2017 г.) / отв. ред. Л.Н. Чертова, О.И. Филонова. Курган, 2019.

264. *Прохоров Л.А., Мельниченко Н.Н.* К вопросу об общественной опасности посягательств на археологическое наследие России как основании их криминализации // Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально значимых интересов: материалы VII Международной научно-практической конференции (Краснодар, 20 апреля 2018 г.). Краснодар, 2018.

265. *Прохорова М.Л., Торосян Р.В.* К вопросу об объекте преступлений против общественной нравственности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2010. № 20 (91).

266. *Пусурманов Г.В.* Вопросы квалификации преступления, предусмотренного статьей 190 УК РФ «Невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей» // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2018. № 4 (41).

267. *Рагулина А.В.* Общественная опасность как признак деяния и как признак преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII Междунар. науч.-практ. конф., 29-30 января 2015 г.). М., 2015.

268. *Сабитов Т.Р.* Некоторые проблемные вопросы конструкции состава контрабанды культурных ценностей и ее квалификации // Борьба с правонарушениями в сфере экономики: правовые, процессуальные и криминалистические аспекты: сборник материалов международной научно-практической конференции в рамках международного юридического форума «Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития» (г. Новосибирск, 22 мая 2019 г.). Кемерово, 2019.

269. *Сидаков И.А.* Некоторые вопросы понимания археологического наследия как предмета уголовно-правовой охраны // Евразийский юридический журнал. 2021. № 1 (152).

270. *Сидорова С.А.* К вопросу о понятии «общественная безопасность» // Право и политика: теоретические и практические проблемы: сборник материалов I Международной научно-практической конференции, 2 ноября 2012 г. / отв. ред. А.В. Малько. Рязань, 2012.

271. *Склярченко С.А., Шаров В.И.* Международное сотрудничество в области культурного наследия (экологические аспекты) // Биоэкономика и экобиополитика. 2016. №1.

272. *Сумачев А.В., Черепашкина А.С.* Охрана культурных ценностей (объектов культурного наследия): административно-правовой и уголовно-правовой аспекты // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 2 (5).

273. *Талан М.В.* Совершенствование уголовно-правовых норм об ответственности за контрабанду // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2018. № 7 (7).

274. *Тоболкин П.С.* Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск, 1983.

275. *Фефёлов П.А.* Критерии установления уголовной наказуемости деяний // Советское государство и право. 1970. №11.

276. *Филиппов А.В.* Современная характеристика основных способов незаконного вывоза и ввоза культурных ценностей // Отечественная юриспруденция. 2015. № 6.

277. *Халиков И.А.* Актуальные вопросы установления субъекта преступления, предусмотренного статьей 243¹ УК РФ // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования: сб. материалов межвузовской научно-практической конференции. Иркутск. 2017.

278. *Халиков И.А.* К вопросу о субъекте преступления, предусмотренного ст. 243¹ УК РФ // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 3(29).

279. *Халиков И.А.* К вопросу о специальном субъекте преступления, предусмотренного статьей 243¹ УК РФ // Вестник Удмуртского университета. 2017. Т. 27, вып. 6.

280. *Халиков И.А.* Проблемы уголовно-правового регулирования общественных отношений, связанных с нарушением требований сохранения или использования объектов культурного наследия, выявленных объектов культурного наследия народов Российской Федерации // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию Билярской археологической экспедиции. Сер. «Археология евразийских степей». Казань-Болгар-Билярск, 2017.

281. *Халиков И.А.* О необходимости усиления уголовной ответственности за нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия // Мониторинг правоприменения. 2018. №4 (29).

282. *Халиков И.А.* Сложности при определении характера и размера вреда, причиненного объекту культурного наследия в результате совершенного преступления // Культура: управление, экономика, право. 2018. № 1.

283. *Халиков И.А.* Об основных правовых понятиях, используемых в диспозиции ст. 243² УК РФ // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 1 (32).

284. *Халиков И.А.* Проблемы квалификации преступлений в отношении памятников археологии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. № 1(39).

285. *Халиков И.А.* Признаки субъекта преступления, предусмотренного статьей 243.2 Уголовного кодекса Российской Федерации // Правосудие / Justice. 2021. Т. 3, № 1.

286. *Хамхоев Б.Т.* Генезис формирования понимания сущности общественной безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 8.

287. *Шамрай В.Н.* Теоретико-правовое обеспечение общественного порядка и общественной безопасности в современных условиях // Социология и право. 2012. № 1.

288. *Шухободский А.Б.* Объект археологического наследия как отдельный феномен культурных ценностей // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2011. № 4.

289. *Энговатова А.В.* Охранение археологического наследия в России: современное состояние // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. № 3. Т. 12.

У Диссертации, авторефераты диссертаций

290. *Арутюнов А.А.* Соучастие в преступлении по уголовному праву РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

291. *Афонин И. Б.* Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

292. *Ахметзянов А.А.* Международно-правовая защита культурных ценностей в случае вооруженного конфликта: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

293. *Бавсун М.В.* Целесообразность в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002.

294. *Бикмурзин М.П.* Предмет преступления: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2005.

295. *Братанов В.В.* Хищение культурных ценностей: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001.

296. *Булатов Р.Б.* Культурные ценности: правовая регламентация и юридическая защита: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1995.

297. *Васильев Д.В.* Контрабанда культурных ценностей: криминологическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

298. *Васкэ П.А.* Государственно-правовое регулирование охраны православных церковных памятников истории и культуры в советской России. 1917-1941 гг.: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006.

299. *Вериков В.В.* Уголовная ответственность за невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных

стран: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

300. *Виденюкина Ж.В.* Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества или участие в нем: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

301. *Гайдашов А.В.* Уголовная ответственность за хищения предметов, имеющих особую историческую, научную или культурную ценность: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997.

302. *Герасимов А.М.* Нравственность в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.

303. *Григорьев Д.А.* Уголовно-правовая характеристика ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2018.

304. *Гришко Е.А.* Организация преступного сообщества (преступной организации): уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

305. *Давлетшина О.В.* Уголовно-правовая охрана культурных ценностей в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2003.

306. *Дербок З.Г.* Специальные виды хищения и вымогательства: проблемы криминализации и перспективы оптимизации их законодательного описания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015.

307. *Диканов К.А.* Борьба с преступными посягательствами на культурные ценности: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

308. *Довгий Д.П.* Криминологические и уголовно-правовые меры борьбы с хищениями предметов, имеющих особую ценность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

309. *Дранников А.В.* Уголовная ответственность за контрабанду предметов, ограниченных в гражданском обороте: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2000.

310. *Дубровин А.И.* Ответственность за преступления, совершенные группой лиц по предварительному сговору и организованной группой: автореф.

дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

311. *Зубенко Ю.С.* Гражданско-правовой режим археологических находок: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2013.

312. *Калининская Я.С.* Уголовная ответственность за уничтожение или повреждение памятников истории и культуры: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

313. *Кисин А.В.* Уголовная ответственность за преступления, совершенные в составе организованной преступной группы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

314. *Клебанов Л.Р.* Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012.

315. *Клименко Н.Ю.* Уголовно-правовые и криминологические признаки форм соучастия: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002.

316. *Климов О.Н.* Национальная безопасность России в условиях глобализации (политологический аспект): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2003.

317. *Кочерга В.А.* Халатность: содержательные, компаративистские, правоприменительные аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017.

318. *Кузнецов К.В.* Криминологическая характеристика и предупреждение организованной этнической преступности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

319. *Кузнецов М.П.* Должностные преступления, совершаемые в таможенных органах: уголовно-правовой анализ, особенности квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010.

320. *Лачина Е.А.* Уголовно-правовая охрана памятников природы, истории и культуры: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005.

321. *Мартышева О.М.* Уголовная ответственность за уничтожение или повреждение объектов культурного наследия и культурных ценностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015.

322. *Медведев Е.В.* Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003.

323. *Миллеров Е.В.* Уголовно-правовая охрана нравственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2006.
324. *Мукашев А.К.* Проблемы уголовной ответственности за хищение предметов и документов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность (по материалам Республики Казахстан): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
325. *Осокин Р.Б.* Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления против общественной нравственности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.
326. *Пермяков Ю.Е.* Категория «общественная опасность» в советском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1989.
327. *Полянская М.П.* Уголовно-правовая охрана общественной нравственности в сфере половой морали: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2009.
328. *Пронина Е.Н.* Правовая деятельность Российского государства в сфере сохранения культурного достояния в XIX-XX вв.: историко-теоретическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009.
329. *Русанов Г.А.* Контрабанда культурных ценностей: уголовно-правовое, криминологическое и сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
330. *Рыбалкин Н.Н.* Природа безопасности: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2003.
331. *Рындин С.С.* Международно-правовое сотрудничество государств в сфере борьбы с незаконным вывозом культурных ценностей: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
332. *Сабитов Т.Р.* Охрана культурных ценностей: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2002.
333. *Сапожников А.И.* Административно-правовой режим общественной безопасности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
334. *Симоненко А.А.* Уголовно-правовое противодействие заведомо незаконному уголовному преследованию: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

335. *Скачко А.В.* Контрабанда и уклонение от уплаты таможенных платежей: стратегические направления уголовно-правовой политики противодействия им в современной России: автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. Краснодар, 2017.

336. *Скотинина В.Н.* Компаративистское исследование состава организации преступного сообщества (преступной организации): внутригосударственный, международный и зарубежный аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

337. *Старков Е.А.* Уголовная ответственность за преступления против общественной нравственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

338. *Сулейманов Т.М.* Ответственность за злоупотребление должностными полномочиями по уголовному праву России и Германии (уголовно-правовой и криминологический анализ): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

339. *Ткачев Ю.Ю.* Хищение предметов, имеющих особую ценность: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007.

340. *Торосян Р.В.* Преступления против общественной нравственности: вопросы криминализации, систематизации и законодательного описания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2012.

341. *Тройнов С.П.* Уголовно-правовые и криминологические проблемы организации преступного сообщества (преступной организации): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004.

342. *Трузян Э.В.* Организованная группа по российскому уголовному законодательству: понятие, виды, ответственность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2018.

343. *Фомичев С.А.* Контрабанда культурных ценностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

344. *Халиков И.А.* Уголовная ответственность за нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

345. *Чеченов А.М.* Криминологическая характеристика и предупрежде-

ние хищений предметов, имеющих особую ценность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.

346. *Чудинов А.И.* Защита культурных ценностей от незаконных ввоза, вывоза за пределы государств и передачи права собственности на них: дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1990.

VI Интернет-ресурсы

347. *Архангельская Е.В.* Представление и обработка информации о преступлениях с помощью компьютерной техники. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vuzirossii.ru/publ/>.

348. В Нижегородской области появится база данных о похищенных культурных ценностях «Хранитель». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/198299.html>.

349. *Гусев С.В., Загорюлько А.В., Волков И.В., Лопан О.В.* Состояние объектов археологического наследия в Российской Федерации (по материалам подраздела «Археологическое наследие» для Госдоклада «О состоянии культуры в РФ в 2014 г.»). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/5/47.html>.

350. *Добровольский М.* Почему народное достояние становится достоянием частных коллекционеров. [Электронный ресурс]. // Официальный сайт научного коллектива Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. Режим доступа: <https://rublev-museum.livejournal.com/63049.html>.

351. Интервью начальника Главного управления по борьбе с контрабандой ФТС России Андрея Юдинцева журналу «Таможня». Правоохранительная деятельность: современное состояние и перспективы развития. URL: <http://customs.ru/press/aktual-no/document/214126?print=1>.

352. Итальянская полиция раскрыла сеть контрабандистов-археологов. URL: <https://www.dw.com/ru/>.

353. Как на Кавказе спасают от грабителей уникальные археологические

объекты. [Электронный ресурс]. URL: https://news.rambler.ru/other/41019230/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

354. Контрабанда привела в Лондон. URL: <https://yugtimes.com/news/44160/>.

355. Кто такие черные копатели? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://3monety.ru/blog/kto-takie-chernye-kopateli/>.

356. *Мартыненко И.Э.* Особая правовая защита памятников стран СНГ, включенных в Список всемирного наследия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zakon.kz/208820-osobaja-pravovaja-zashhita-pamjatnikov.html>.

357. Незаконная деятельность черных копателей ставит под угрозу развитие отечественной археологии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://webground.su/topic/2010/08/07/t269>.

358. Новгородский историк: «Черные копатели» чувствуют себя безнаказанно. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://news.novgorod.ru/news/109128.html>.

359. Похищенные культурные ценности собраны в единой базе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://72.ru/text/gorod/320158.html%>.

360. Предприниматель и археолог заплатят 66 миллионов рублей за разрушение курганов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://archeonews.ru/tag/chernye-kopateli/#>.

361. Доклад о состоянии гражданского общества за 2014 год. [Электронный ресурс]: утв. на пленарном заседании Общественной палаты Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://www.oprf.ru/files/oprf_dokladso-society_a4_12-2014_184p_rus_blok_corr_4_preview_postr.pdf.

362. Официальный сайт Министерства культуры Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://mkrf.ru/news/interview/detail.php?ID=64800>.

363. Часть I. Контрабанда – ведущий международный криминальный промысел // Экономическая теория преступлений и наказаний. №5-1. URL: <http://corruption.rsuh.ru/magazine/>.

ОПРОСНЫЙ ЛИСТ

(данный опрос осуществляется в рамках диссертационного исследования, посвященного проблематике уголовно-правового противодействия посягательствам на сохранность объектов археологического наследия)

1. Ваш возраст

а) от 25 до 30 лет;

б) от 31 до 45 лет;

в) от 45.

2. Укажите род служебной деятельности

а) таможня;

б) следственный комитет;

в) суд.

3. Укажите стаж работы:

а) от 3 до 5 лет;

б) от 6 до 10 лет;

в) от 11 до 15 лет (и более).

4. Считаете ли Вы обоснованной криминализацию посягательств на сохранность культурных ценностей в УК РФ:

а) да

б) нет

5. Считаете ли Вы достаточной правовую базу противодействия посягательствам на сохранность объектов археологического наследия в законодательстве Российской Федерации:

а) да

б) нет

в) иное

6. Считаете ли Вы оптимальной действующую редакцию УК РФ, согласно которой посягательства на объекты археологического наследия помещены в разные разделы и главы – разд. VIII «Преступления в сфере экономики» (гл. 21 «Преступления против собственности» и 22 «Преступления в сфере экономической деятельности»); разд. IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» (гл. 24 «Преступления против общественной безопасности» и 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности»):

а) да

б) нет

в) иное

7. Считаете ли Вы обоснованным предложение об объединении всех посягательств на сохранность культурных ценностей в рамках главы 25¹ «Преступления в сфере обеспечения сохранности культурных ценностей»:

а) да

б) нет

в) иное

8. Является ли, на Ваш взгляд, оптимальной система преступлений против собственности, отраженная в УК РФ, и есть ли объективная необходимость в ее дополнении посредством криминализации незаконного завладения имуществом, не связанного с его хищением, совершенного свойственными последнему способами (в диссертации обосновано предложение о дополнении УК РФ ст. 164¹ коррелирующего содержания):

а) да

б) нет

в) иное

9. Согласны ли Вы с выводом о необходимости дифференциации уголовной ответственности за хищение культурных ценностей в зависимости от формы хищения (ненасильственный грабеж – ч. 1; насильственный грабеж, разбой – последующие части):

а) да

б) нет

в) иное

10. В ст. 164 УК РФ отсутствует такой квалифицирующий признак, как хищение культурных ценностей, совершенное с незаконным проникновением в музейное помещение, музейные хранилища, музейные фонды, научно-исследовательские лаборатории и иные помещения, специально предназначенные для экспонирования, изучения или хранения объектов культурного наследия народов Российской Федерации. Следует ли, на Ваш взгляд, дополнить названную статью указанием на него:

а) да

б) нет

в) иное

11. Является ли, на Ваш взгляд, оптимальной правовая конструкция ст. 190 УК РФ, при которой не осуществлена дифференциация уголовной ответственности:

а) да

б) нет

в) иное

12. В действующей редакции УК РФ контрабанда культурных ценностей не выделена в отдельный состав преступления и объединена в ст. 226¹ с контрабандой сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия и пр. Обосновано ли такое законодательное решение, и есть ли необходимость в установлении уголовной ответственности за контрабанду культурных ценностей в отдельной норме УК РФ в гл. 25:

- а) да*
- б) нет*
- в) иное*

13. Укажите наиболее распространенные способы контрабанды культурных ценностей, встречающиеся в практике работы таможенной и пограничной служб:

- а) сокрытие;*
- б) использование поддельных документов;*
- а) недеklarирование.*

14. Считаете ли Вы верным вывод о том, что окончание контрабанды следует связывать с моментом совершения всего комплекса деяний, ее составляющих, – вывоз или ввоз объектов археологического наследия и пересечение ими таможенной или государственной границы:

- а) да*
- б) нет*
- в) иное*

15. В уголовном законе РФ, в отличие от законодательства целого ряда зарубежных государств, за рамками уголовной ответственности осталось такое действие, как осквернение объектов культурного наследия. Нуждается ли в соответствующем дополнении отечественное уголовное законодательство:

- а) да*
- б) нет*
- в) иное*

16. Считаете ли Вы оптимальным содержание диспозиции ч. 1 ст. 243 УК РФ, при которой тождественной правовой оценке подлежит как порча, так и разрушение объектов археологического наследия. Есть ли объективная необходимость в дифференциации уголовной ответственности в зависимости от тяжести последствий с очевидно более строгими мерами ответственности за уничтожение объектов археологического наследия:

- а) да*
- б) нет*
- в) иное*

17. Считаете ли Вы обоснованным предложение о конструировании для составов преступлений, связанных с посягательствами на сохранность культур-

ных ценностей, такого квалифицирующего признака, как *«должностным лицом с использованием своего служебного положения»*:

- а) да*
- б) нет*
- в) иное*

18. Следует ли, на Ваш взгляд, опираясь на зарубежный опыт криминализации посягательств на сохранность культурных ценностей, предусмотреть в числе особо квалифицирующих признаков состава уничтожения или повреждения культурных ценностей такой, как *«совершенные путем взрыва, поджога или иным общеопасным способом»*:

- а) да*
- б) нет*
- в) иное*

19. Следует ли, на Ваш взгляд, опираясь на зарубежный опыт криминализации посягательств на сохранность культурных ценностей, предусмотреть в числе особо квалифицирующих признаков уничтожения или повреждения культурных ценностей такой, как *«совершенные по мотивам расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды»*:

- а) да*
- б) нет*
- в) иное*

20. Поддерживаете ли Вы предложение о необходимости совершенствования содержания нормы о незаконном поиске и (или) изъятии археологических предметов из мест залегания, посредством отграничения поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания на поверхности земли, в земле или под водой, проводимых без разрешения (открытого листа), повлекших повреждение культурного слоя, путем разграничения их с аналогичными действиями, повлекшими уничтожение культурного слоя:

- а) да*
- б) нет*
- в) иное*

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ВОПРОС	А	Б	В¹
Ваш возраст	40 чел. (34,7 %)	70 чел. (60,9 %)	5 чел. (4,3 %)
Укажите род служебной деятельности	62 чел. (54 %)	41 чел. (35,7 %)	12 чел. (10,4 %)
Укажите стаж работы	72 чел. (62,6 %)	42 чел. (36,5 %)	1 чел. (0,87 %)
Считаете ли Вы обоснованной криминализацию посягательств на сохранность культурных ценностей в УК РФ:	112 чел. (97 %)	2 чел. (36,5 %)	1 чел. (0,87 %)
Считаете ли Вы достаточной правовую базу противодействия посягательствам на сохранность объектов археологического наследия в законодательстве Российской Федерации	89 чел. (77,4 %)	26 чел. (22,6 %)	-
Считаете ли Вы оптимальной действующую редакцию УК РФ, согласно которой посягательства на объекты археологического наследия помещены в разные разделы и главы – разд. VIII «Преступления в сфере экономики» (гл. 21 «Преступления против собственности»)	9 чел. (7,8 %)	83 чел. (72,2 %)	23 чел. (20 %)

¹ В графе в) («иное») респонденты, выбравшие ее, указали «затрудняюсь ответить».

<p>и 22 «Преступления в сфере экономической деятельности»; разд. IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» (гл. 24 «Преступления против общественной безопасности» и 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности»</p>			
<p>Считаете ли Вы обоснованным предложение об объединении всех посягательств на сохранность культурных ценностей в рамках главы 25¹ «Преступления в сфере обеспечения сохранности культурных ценностей»</p>	84 чел. (73 %)	6 чел. (5,2 %)	25 чел. (21,7 %)
<p>Является ли, на Ваш взгляд, оптимальной система преступлений против собственности, отраженная в УК РФ, и есть ли объективная необходимость в ее дополнении посредством криминализации незаконного завладения имуществом, не связанного с его хищением, совершенного своими последними способами (в диссертации обосновано предложение о</p>	71 чел. (61,7 %)	4 чел. (3,5 %)	40 чел. (34,8 %)

дополнении УК РФ ст. 164 ¹ коррелирующего содержания)			
Согласны ли Вы с выводом о необходимости дифференциации уголовной ответственности за хищение культурных ценностей в зависимости от формы хищения (ненасильственный грабеж – ч. 1; насильственный грабеж – ч. 2, разбой – ч. 3)	113 чел. (98 %)	2 чел. (1,7 %)	
В ст. 164 УК РФ отсутствует такой квалифицирующий признак, как хищение культурных ценностей, совершенное с незаконным проникновением в музейное помещение, музейные хранилища, музейные фонды, научно-исследовательские лаборатории и иные помещения, специально предназначенные для экспонирования, изучения или хранения объектов культурного наследия народов Российской Федерации. Следует ли, на Ваш взгляд, дополнить названную статью указанием на него	113 чел. (98,3 %)	2 чел. (1,7 %)	
Является ли, на Ваш взгляд, оптимальной правовая конструкция ст. 190 УК РФ,	1 чел. (0,87 %)	112 чел. (97,4 %)	2 чел. (1,7 %)

при которой не осуществлена дифференциация уголовной ответственности			
В действующей редакции ст. 226 ¹ УК РФ контрабанда культурных ценностей не выделена в отдельный состав преступления и объединена с контрабандой сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия и пр. Обосновано ли такое законодательное решение, и есть ли необходимость в установлении уголовной ответственности за контрабанду культурных ценностей в отдельной норме УК РФ в гл. 25	91 чел. (79,1 %)	5 чел. (4,3 %)	19 чел. (16,5 %)
Укажите наиболее распространенные способы контрабанды культурных ценностей, встречающиеся в практике работы таможенной и пограничной служб	98 чел. (85,2 %)	6 чел. (5,2 %)	87 чел. (75,7 %)
Считаете ли Вы верным вывод о том, что окончание контрабанды следует связывать с момен-	85 чел. (73,9 %)	4 чел. (3,5 %)	26 чел. (22,6 %)

<p>том совершения всего комплекса деяний, ее составляющих, – вывоз или ввоз объектов археологического наследия и пересечение ими таможенной или государственной границы</p>			
<p>В уголовном законе РФ, в отличие от законодательства целого ряда зарубежных государств, за рамками уголовной ответственности осталось такое действие, как осквернение объектов культурного наследия. Нуждается ли в соответствующем дополнении отечественное уголовное законодательство</p>	<p>101 чел. (87,8 %)</p>	<p>14 чел. (12,2 %)</p>	
<p>Считаете ли Вы оптимальным содержание диспозиции ч. 1 ст. 243 УК РФ, при которой тождественной правовой оценке подлежит как порча, так и разрушение объектов археологического наследия. Есть ли объективная необходимость в дифференциации уголовной ответственности в зависимости от тяжести последствий с очевидно более строгими мерами ответственности за</p>	<p>94 чел. (81,7 %)</p>	<p>21 чел. (18,3 %)</p>	

уничтожение объектов археологического наследия			
Считаете ли Вы обоснованным предложение о конструировании для составов преступлений, связанных с посягательствами на сохранность культурных ценностей, такого квалифицирующего признака, как <i>«должностным лицом с использованием своего служебного положения»</i>	108 чел. (93,9 %)	7 чел. (6,1 %)	
Следует ли, на Ваш взгляд, опираясь на зарубежный опыт криминализации посягательств на сохранность культурных ценностей, предусмотреть в числе особо квалифицирующих признаков состава уничтожения или повреждения культурных ценностей такой, как <i>«совершенные путем взрыва, поджога или иным общеопасным способом»</i>	108 чел. (93,9 %)	7 чел. (6,1 %)	
Следует ли, на Ваш взгляд, опираясь на зарубежный опыт криминализации посягательств на сохранность культурных ценностей, предусмотреть в числе особо квали-	82 чел. (71,3 %)	29 чел. (25,2 %)	4 чел. (3,5 %)

<p>фицирующих признаков уничтожения или повреждения культурных ценностей такой, как «<i>совершенные по мотивам расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды</i>»</p>			
<p>Поддерживаете ли Вы предложение о необходимости совершенствования содержания нормы о незаконном поиске и (или) изъятии археологических предметов из мест залегания, посредством ограничения поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания на поверхности земли, в земле или под водой, проводимых без разрешения (открытого листа), повлекших повреждение культурного слоя, путем разграничения их с аналогичными действиями, повлекшими уничтожение культурного слоя</p>	<p>104 чел. (90,4 %)</p>	<p>9 чел. (7,8 %)</p>	<p>2 чел. (1,7 %)</p>